

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Академия управления

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА

Сборник статей
IV Всероссийской
научно-практической конференции

Москва • 2019

Об издании – 1, 2, 3

ISBN 978-5-906942-94-4

УДК 341.1
ББК 67.411
У26

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: А.Г. Исаенко, заместитель Министра внутренних дел по Республике Хакасия – начальник следственного управления; В.В. Ченцов, заместитель начальника ГУ по Ставропольскому краю – начальник ГСУ.

У26

Под редакцией заместителя начальника кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, канд. юрид. наук, доцента, полковника полиции А. В. Красильникова.

Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика [Электронный ресурс]: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. – Электронные текстовые данные (2,45 Мб). – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 1 электр. опт. диск (DVD-R): 12 см. – Систем. требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; AdobeReaderv. 4.0 и выше; дисковод; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-906942-94-4

Сборник сформирован по материалам выступлений на IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика», которая состоялась 5 октября 2018 г. в Академии управления МВД России на кафедре управления органами расследования преступлений.

В сборнике представлены научные статьи ученых и практиков, а также адъюнктов, аспирантов, соискателей и слушателей по вопросам теории и правоприменительной практики. Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и взгляды, изложенные в представленных статьях, отражают субъективные оценки их авторов.

Системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь. Текстовое электронное издание.

© Академия управления МВД России, 2019

Электронное издание создано при использовании программного обеспечения:

Adobe Acrobat Reader

Объем издания 2,45 Мб

Дата подписания к использованию: 25.11.2019

Тираж: 10 эл. опт. дисков.

Редактор *Д. В. Алентьев*

Верстка *А. А. Мельниковой*

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования**

«Академия управления МВД России»

125993, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8.

Тел. 8 (499) 745-82-55

E-mail: mvd.akademy@yandex.ru; press_akadem@mvd.gov.ru; <https://a.mvd.pf>

ISBN 978-5-906942-94-4

Содержание

Абрамова Н. Г. Значение криминалистической обеспеченности раскрытия насильственных пенитенциарных преступлений в гарантировании защиты прав осужденных граждан.	8
Акчурин А. В. О проблемах реализации сотрудниками УИС уголовно-процессуальных полномочий в процессе расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях	14
Антонов И. А. Прекращение уголовного дела: куда делась справедливость, законность и нравственность?.....	18
Балашова А. А. К вопросу о возникновении понятия «электронное доказательство» в УПК Российской Федерации	25
Бейшеева А. А. Уголовно-процессуальная форма как гарантия обеспечения прав и свобод личности и пределы ее дифференциации	29
Бессонов А. А. Вызовы современного мира и российская криминалистика	36
Бессонова А. А. Отдельные проблемы доказывания при реализации судебного контроля в рамках ст.125 УПК РФ	42
Болтачев Э. Ф. Уголовно-процессуальный порядок предварительного расследования в рамках системы учета преступлений	49
Босак Е. Е. Значение раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших	54
Брейтер М. А. К вопросу о придании непроцессуальной информации формы источника доказательства.	60
Булатов Т. Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса	67
Бурмагин С. В. Дифференциация процессуальной формы промежуточных судебных решений в уголовном судопроизводстве	72
Ветрова О. А. Отличие правового статуса гражданина РФ от иностранного гражданина	78
Видягин В. А. К вопросу об исчислении процессуальных сроков проверки сообщения о преступлении	85
Воеводина И. В. Правовая основа осуществления неотложных следственных действий начальником исправительного учреждения	91
Волков Д. Ю., Дечкин О. М. Изучение личности осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в исправительных учреждениях	96

Володина Л. М. Проблемы реализации прав потерпевшего в уголовном процессе	101
Гаврилин Ю. В. Трансформация уголовно-процессуальной формы в условиях цифровой экономики.....	110
Гришин Д. А. Защита прав личности в уголовном процессе.....	120
Гришко Л. Е. Соблюдение прав и свобод гражданина на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (на примере преступлений в сфере экономической деятельности).....	123
Гусева И. И., Зубков В. Н. Правовые аспекты обеспечения прав и свобод личности при проверке сообщений о преступлении ...	127
Данилова И. Ю. О подготовке кадров для органов предварительного следствия и дознания	132
Диваев А. Б. Реализация общих условий судебного разбирательства в судебном заседании по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.	136
Жарко Н. В., Новикова Л. В. Права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера: проблемы законодательного регулирования	142
Зиберов С. В. Формирование положительного образа следователя в средствах массовой информации	147
Ищенко У. С. Принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве и гарантии его обеспечения	152
Кабанова Ж. Ю. О типичных ошибках и алгоритме действий сотрудников исправительных колоний при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 321 УК РФ	157
Калентьева Т. А., Кожухова Е. С. Особенности назначения наказания по делам о получении взятки	161
Коомбаев А. А. Проблемы баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе	166
Крымов А. А. Защита прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России на стадии возбуждения уголовного дела.....	175
Крутикина Ю. А. К вопросу о понятии несообщения о преступлении	181
Крюченко М. С. О некоторых вопросах формирования криминалистических знаний об организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве	185
Лазарева Л. В. К проблеме обеспечения прав и свобод личности при производстве судебной экспертизы в уголовном процессе	191

Лепехин Д. И. Отдельные вопросы внешнего взаимодействия розыскных подразделений органов внутренних дел при организации и осуществлении розыска несовершеннолетних, пропавших без вести	196
Ложкин Ю. А. Некоторые особенности производства следственных и процессуальных действий с участием лиц, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России.	206
Лукомская А. С. Защита прав и законных интересов потерпевшего от экологического преступления при прохождении освидетельствования.	212
Макарова О. В. Диспозитивные начала в российском уголовном процессе.	216
Марковичева Е. В. К вопросу о внедрении в российский уголовный процесс электронного уголовного дела	220
Максимова В. П. Соблюдение конституционных прав граждан при проведении предварительных исследований в уголовном судопроизводстве	225
Масленникова Л. Н. Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий.	229
Маслов И. В. К вопросу о фигуре следственного судьи.	238
Назаркин Е. В. К вопросу об участии следователя в производстве судебной экспертизы и эксперта в производстве отдельных следственных действий по преступлениям, совершаемых в учреждениях УИС России.	244
Овсянников И. В. Регламент рассмотрения сообщения о преступлении: противоречия и проблемы защиты прав невластных участников	249
Огрызков А. В. Обеспечение защиты прав личности на стадии возбуждения уголовного дела в исправительных учреждениях ФСИН России	255
Османова Н. В., Новиков А. М. Становление и развитие следственной власти в России.	261
Печерский В. В. О необходимости закрепления беспристрастности в качестве принципа уголовного процесса	269
Победкин А. В. Для юристов или народа написан УПК?	274
Прысь Е. В., Евдокимова А. В. К вопросу обеспечения реализации прав несовершеннолетних, совершивших преступление (уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты)	281
Самолаева Е. Ю. Законный представитель и его роль в обеспечении прав несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.	288

Сафронкина О. В. Особенности взаимодействия следователя и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации	293
Смирнов В. Г. О некоторых обстоятельствах, отягчающих наказание сотрудников органов внутренних дел.	297
Спиридонова Ю. Н. Об особенностях регламентации и реализации оперативно-розыскных полномочий органов дознания	301
Стольников П. М. Понятие и сущность процессуального усмотрения следователя в современном уголовном процессе ...	305
Сулейманов Т. А. О возможности обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в уголовном процессе на досудебных стадиях	308
Терегулова А. И. К вопросу о допустимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.	312
Толстухина Т. В., Светличный А. А., Панарина Д. В. К вопросу о необходимости понятийной унификации законодательства о судебной экспертизе.	316
Тутынин И. Б. Перечень лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть применение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения.	322
Удовиченко В. С. О процессуальном статусе лица при проверке сообщения о преступлении	328
Фетищева Л. М. Дифференциация прав и свобод личности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших преступление в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	333
Шурухнов Н. Г., Мерецкий Н. Е. Уголовно-процессуальные особенности производства обыска в отношении адвоката: краткий анализ некоторых изменений и дополнений, внесенных в нормы УПК РФ Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ	339
Янковцева А. В. Соблюдение конституционных прав граждан при применении меры пресечения в виде заключения под стражу	346
Авдеев В. А. Административно-правовые средства органов внутренних дел по противодействию терроризму	350

Значение криминалистической обеспеченности раскрытия насильственных пенитенциарных преступлений в гарантировании защиты прав осужденных граждан

Н. Г. Абрамова,
доцент кафедры,
кандидат юридических наук
(Исковский филиал Академии ФСИН России)
natalika1108@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты значения криминалистической обеспеченности раскрытия насильственных преступлений в связи с гарантированием прав осужденных граждан.

Криминалистическая обеспеченность раскрытия, насильственные пенитенциарные преступления, гарантирование прав осужденных.

Современная конъюнктура пенитенциарной преступности, в том числе представленная насильственными преступлениями, требует совершенства обобщения криминалистически значимых признаков преступлений определенного вида в целях их эффективного расследования.

Приоритетом внутренней и внешней политики российской государственности является закрепленный в законодательстве постулат защиты и охраны прав и свобод личности. В связи с этим первостепенной задачей правоохранительных органов является обеспечение охраны прав, законных интересов человека и гражданина, в том числе осужденного. Ее успешное решение зависит от своевременного реагирования на преступные проявления и характер деятельности, направленной на всестороннее, полное и объективное расследование¹.

Генезис современной пенитенциарной преступности связан с ростом посягательств на здоровье и жизнь человека.

¹ Абрамова Н. Г. Криминалистическое обеспечение расследования насильственных пенитенциарных преступлений (аспекты проблемы) // Электронный научно-теоретический журнал «Ученые записки Казанского юридического института МВД России». Казань, Казанский юридический институт МВД России. 2018. Т. 3 (5). С. 5.

Обратимся к некоторым цифрам. В 2017 г. в исправительных колониях для взрослых зарегистрировано 875 преступлений, что на 2,75 % больше, чем в 2016 г. (851). Уровень преступности в расчете на одну тысячу осужденных также возрос с 1,62 до 1,75. Несмотря на то, что количество преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, снизилось с 47 до 23, количество зарегистрированных убийств возросло на 40 % (с 10 до 14). Кроме того, в 2017 г. из общего числа предотвращенных преступлений (965), совершаемых взрослыми лицами в исправительных колониях, 742 – преступления против личности¹.

Отличительной особенностью среды исправительного учреждения как обстановки совершения насильственного преступления во многом определяет место совершения подобных преступлений, являющееся, как правило, спальным помещением или производственной зоной².

Лица, подозреваемые в совершении насильственных преступлений в пенитенциарных учреждениях, как правило, ограничены территориально и относятся к определенной категории осужденных. Это обстоятельство выявлено в результате оперативно-розыскной и регистрационно-учетной работы, проводимой сотрудниками исправительного учреждения. Наличие подобной информации в исправительном учреждении, как правило, в конкретных случаях позволяет определить круг лиц, причастных к совершению преступления³.

Среди насильственных преступных посягательств на здоровье осужденного, находящегося в исправительном учреждении, значительное место занимают побои или иные насильственные действия, причиняющие физическую боль (ст. 116 УК РФ).

Грамотная квалификация пенитенциарных преступлений против здоровья связана с определением содержания обстоятельств, подлежащих установлению по делу. Это необходимо как для юридической науки, так и для практической деятельности правоохранительных органов, в том числе в рамках обеспечения прав и свобод личности.

Очевидно, что состав преступления, предмет доказывания, являющиеся уголовно-правовой и уголовно-процессуальной кате-

¹ URL: <http://www.fsin.ru> (дата обращения: 09.09.2018).

² О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в исправительных учреждениях в 2016 году: обзор ФСИН России. С. 3.

³ *Нуждин А.А.* Специфика обстановки совершения осужденными преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // *Человек: преступление и наказание.* 2015 (88). № 1. С. 88.

гориями, — одни из ключевых элементов криминалистической характеристики. Их изучение необходимо для формирования методики расследования преступлений, в том числе пенитенциарных преступлений.

В уголовно-правовом аспекте объектом преступления, предусмотренного ст.116 УК РФ, становятся общественные отношения, обеспечивающие право человека на физическую (телесную) неприкосновенность, и в итоге — безопасность здоровья граждан. Иными словами, объект этого преступления — телесная неприкосновенность человека, так как побои не влекут за собой расстройство здоровья.

Побои представляют собой специфический способ совершения преступления против телесной неприкосновенности человека. При этом уголовно наказуемыми оказываются, во-первых, нанесение побоев и, во-вторых, совершение иных насильственных действий, причиняющих физическую боль другому человеку, а не себе. Предметом преступного посягательства по делам рассматриваемой категории является здоровье другого человека, включающего полное физическое, духовное и социальное благополучие, в том числе телесную неприкосновенность личности.

Круг действий, составляющих объективную сторону преступления, шире, чем это следует из заголовка ст. 116 УК РФ. К ним относятся как нанесение побоев, так и совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, при условии, что большое внимание уделяется различным формам и последствиям деяний. В местах лишения свободы чаще всего эти действия сопровождаются совершением осужденными преступлений, влекущих за собой более тяжкий преступный результат, чем физическая боль.

«13 сентября 2016 г. в ФКУ ИУ-18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу двое осужденных, находясь в камере для содержания осужденных к пожизненному лишению свободы, после помещения в указанную камеру осужденного З. нанесли ему множественные удары руками, ногами и специально приспособленными для этого предметами бытового обихода в жизненно важные органы, а также сдавили органы шеи подручными предметами, причинив своими действиями последнему тяжкий вред здоровью, повлекший за собой смерть последнего»¹. Чаще всего побои и иные насильственные действия одновременно с причинением потерпевшему физической боли могут причинить ему психические страдания.

¹ О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в исправительных учреждениях в 2016 году: обзор ФСИН России. С. 4.

Зачастую способ совершения побоев в исправительном учреждении не требует специальной подготовки и подыскания орудий преступления. Чаще всего они могут быть нанесены руками, ногами, резе – палкой, любыми другими бытовыми предметами, в одно мгновение, последовательно, одним или несколькими лицами одновременно, резе – одним-двумя ударами по телу другого человека. Полагаем, что «нанесение одного удара следует квалифицировать как побои»¹. Уголовно-правовой и криминалистический аспекты одного удара (как противоправного деяния), наряду с нанесением нескольких ударов, присутствуют. Правоохранительные органы не должны оставлять без внимания это обстоятельство. В противном случае нарушается охраняемое право на защиту жертвы преступного посягательства; обидчик не несет ответственности, что способствует безнаказанности совершения подобных или более тяжких преступлений.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины: виновный осознает общественную опасность наносимых многократных ударов или применения иных насильственных действий, предвидит возможность или неизбежность того, что ими причиняется потерпевшему физическая боль, и желает этого. Цель побоев и иных насильственных действий – причинение физической боли потерпевшему.

В качестве мотивов совершения рассматриваемых преступлений могут выступать внезапные ссоры, конфликты среди осужденных на бытовой и материальной почве (словесные ссоры, переходящие в оскорбления, затрагивающие честь и достоинство осужденного, присвоение продуктов питания и сигарет, претензии к уборке помещений, личные неприязненные отношения между осужденными); принуждение к доставке наркосодержащих веществ и других запрещенных предметов в исправительное учреждение; чувство мести за унижения во время отбывания наказания; оскорбление матери осужденного; неадекватное состояние осужденного во время употребления спиртных напитков кустарного производства; указание осужденного (из-за угрозы получить побои); преступление сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего.

Как известно, субъектом рассматриваемого нами преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в том числе теоретически это касается и осужденного. Взаимное нанесение побоев или взаимное совершение иных насильственных действий осужденными в пенитенциарных учреждениях, причи-

¹ *Абрамова Н.Г.* Методика расследования побоев: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 21.

нивших физическую боль каждой из сторон, не являются обстоятельствами, устраняющими уголовную ответственность виновных. Однако в результате кардинальных изменений в УК и УПК РФ, внесенных федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, квалификация побоев и порядок уголовного преследования по данной категории уголовных дел имеет ряд недостатков. Реализация соответствующих норм при совершении рассматриваемых преступлений в исправительных учреждениях практически невозможна. На основании примечания к ст. 116 УК РФ лицо, в отношении которого могут быть совершены побои, должно быть близким, т.е. близким родственником, опекуном, попечителем, а также лицом, состоящим в свойстве с лицом, совершившим деяние, или ведущим с ним общее хозяйство.

Заметим, что в исправительных учреждениях побои можно квалифицировать по ст. 116 УК РФ в случае, если они были совершены из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Однако установление этих признаков субъективной стороны в условиях исправительного учреждения приближено к нулю. Соответственно, задачей производящего проверку является установление данных мотивов у лица, нанесшего побои или совершившего иные насильственные действия, причинившие физическую боль. Если же деяние совершено без указанных мотивов, на почве личных неприязненных отношений, привлечь виновного к уголовной ответственности можно только при наличии двух условий: во-первых, деяние должно быть совершено повторно; во-вторых, у лица должно быть административное наказание за ранее совершенное подобное деяние. Вместе с тем на основании п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ протокол об административном правонарушении по деянию, предусмотренному ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои), имеет право составить лишь сотрудник полиции. Наряду с этим, к осужденным, совершившим правонарушения, чаще всего применяются меры дисциплинарного взыскания. Поэтому привлечение осужденного, находящегося в исправительном учреждении, к уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ не осуществимо.

В связи с этим мы разделяем позицию Колпаковой Л. А., Спиридоновой Ю. Н. в части расширения формулировки диспозиции ст. 116 УК РФ, изложив ее так: «...побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической,

идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, либо в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы». Внесение указанных изменений позволит защитить права осужденных, подвергшихся посягательствам на их телесную неприкосновенность и здоровье, а также выступать дополнительной гарантией преодоления негативных эффектов действия норм криминальной субкультуры в исправительных учреждениях.

Обладая высокой латентностью, данная категория преступлений, безусловно, не отражает реальные негативные процессы в части обеспечения и соблюдения прав осужденных, являющихся жертвами по данной категории преступлений. Наряду с этим качество процесса расследования выявленных и зарегистрированных преступлений остается на невысоком уровне из-за недостаточного уровня его криминалистического обеспечения. В связи с этим основные элементы криминалистической характеристики: исходная информация, данные о способе совершения и сокрытия преступления, а также характеристика личности вероятного преступника, его мотивов и целей обладают криминалистической значимостью.

Исходя из общей теории криминалистической методики, отметим, что одним из главных элементов криминалистической характеристики насильственных преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, несомненно, является его обстановка, неразрывно связанная со способом его совершения, а также с характеристикой личности пенитенциарного преступника, его целями и мотивами совершения преступления. Установление этих элементов особенно значимо на первоначальном этапе расследования.

Таким образом, определение криминалистически значимых признаков преступлений определенного вида, в том числе насильственных пенитенциарных, позволит избрать оптимальный путь их раскрытия и расследования, что в конце концов обеспечит защиту и охрану нарушенных прав осужденных, ставших жертвами этих преступлений.

О проблемах реализации сотрудниками УИС уголовно-процессуальных полномочий в процессе расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях

А. В. Акчурин,

*начальник кафедры уголовного процесса
и криминалистики,*

*кандидат юридических наук, доцент
(Академия ФСИН России)*

79206310258@yandex.ru

В статье анализируются проблемы нормативной регламентации уголовно-процессуального статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы и вопросы правоприменительной практики в процессе расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях.

Уголовно-процессуальный статус сотрудников исправительных учреждений, расследование пенитенциарных преступлений, исправительное учреждение.

В числе факторов, которые осложняют процесс расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, на наш взгляд, является кадровый фактор, который проявляется в отсутствии у большинства сотрудников уголовно-исполнительной системы большого профессионального опыта, неумение реализовывать уголовно-процессуальные полномочия по производству неотложных следственных действий, фиксации следов преступления, их изъятия и соответствующего документального оформления.

Согласимся с И. Б. Казаком, который отмечает, что современное кадровое ядро уголовно-исполнительной системы представлено доминирующим числом сотрудников, имеющих незначительный профессиональный опыт. Около 2/3 сотрудников имеют стаж службы в уголовно-исполнительной системе менее пяти лет.

Следует признать, что в результате воздействия целого комплекса субъективных и объективных обстоятельств компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы в вопросах уголовного судопроизводства и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, снизилась.

Этому способствовала, как ни странно, передача в конце 90-х гг. прошлого столетия учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, из системы МВД России во ФСИН России. В результате большое количество специалистов, имеющих значительный опыт и знания в области предварительного расследования, в т. ч. в условиях исправительных учреждений, остались служить в органах внутренних дел. Подобная тенденция имела место и в системе ведомственного образования, осуществляющего целевую подготовку специалистов для учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Сложившаяся ситуация осложнилась с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в котором полномочия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы как органа дознания хотя и нашли отражение, однако отсутствовала четкость и конкретика норм, закреплявших подобную функцию, а некоторые положения подобных норм имели и противоречия. Подобная правовая неопределенность породила соответствующую противоречивую правоприменительную практику. В одних исправительных учреждениях, при наличии признаков состава преступления, администрация сообщала соответствующим органам предварительного расследования, которые, по прибытию в исправительное учреждение, осуществляли самостоятельно процесс расследования. В других – возбуждались уголовные дела (выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела) самой администрацией исправительного учреждения, а далее передавались по подследственности компетентным органам.

Подобная разрозненная практика не единожды становилась объектом пристального внимания для органов прокуратуры, что в результате заставило обратить на это внимание Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которая прямо указала: «...в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сложилась порочная практика проведения проверок и принятия решений по сообщениям о преступлениях неуполномоченными должностными лицами, сокрытия преступлений». После этого практика возбуждения уголовных дел в исправительных учреждениях фактически сошла на нет, как и практика вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

Как итог – ни руководители различных уровней ФСИН России, ни рядовые сотрудники исправительных учреждений не стали придавать значимости в формировании потребности в знаниях, умениях и навыков в сфере уголовного процесса и криминалистики, полагая, что подобного рода компетенции имеют ведомственное значение лишь для соответствующих правоохранительных органов, осуществляющих следствие либо дознание (прежде всего это МВД России и СК России).

Усугубил подобную ситуацию переход с 2011 г. ведомственного образования на уровневую систему подготовки и новые федеральные государственные образовательные стандарты. Ранее, несмотря на выделение из системы вузов МВД России образовательных организаций, специализирующихся на подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы, усвоению криминалистических знаний и выработке умений и навыков уделялось по-прежнему существенное внимание, что подтверждалось преподаванием учебной дисциплины «Криминалистика» в объеме часов, сравнимом с вузами МВД России (300 часов). Однако с 2011 г. количество учебных часов по указанной учебной дисциплине в вузах ФСИН России снизилось практически в два раза и составило всего 180 часов, из которых аудиторных осталось только 90 часов.

Примерно в этот же период времени начался процесс оптимизации штатной численности сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, вызванный необходимостью реформирования системы денежного содержания и социальной поддержки сотрудников. В.И. Огородников, В.Н. Летунов отмечают, что позитивный замысел данной оптимизации, направленный на сокращение избыточного количества управленческого и обслуживающего аппарата, большинством руководителей территориальных органов ФСИН России, реализовывался в виде текущего сокращения штатов, чем достигались плановые показатели: не продлевались сроки службы новыми контрактами, лицам, у которых прежние контракты были реализованы; подлежали увольнению сотрудники, достигшие минимального предельного возраста пребывания на службе в уголовно-исполнительной системе (45 лет); сокращались должности тех, кто уволился, вне зависимости от значимости этих должностей в функциональном механизме исправительного учреждения, и т. п. В результате кадровое ядро уголовно-исполнительной системы было существенным образом размыто. Оно лишилось значительной доли сотрудников, имевших существенный профессиональный опыт при наличии трудоспособного возраста. На службе остались преимущественно сотрудники, у которых стаж службы в календарном исчислении составлял 5–7 лет.

Все перечисленные обстоятельства не смогли не сказаться на состоянии кадрового ядра исправительных учреждений и его компетентности в вопросах реализации хотя и не основных функций, но весьма значимых в процессе противодействия противоправной деятельности осужденных.

Осужденные, понимая слабую степень осведомленности сотрудников в вопросах уголовно-процессуальной и тактико-кри-

миналистической деятельности в случаях обнаружения признаков преступления, умело используют все погрешности, допускаемые сотрудниками исправительного учреждения, в своих интересах по противодействию расследованию подобных противоправных действий, на что справедливо указывает А. А. Крымов.

К сожалению, в последнее время характерным становится следующий случай, имевший место в практике. Осужденный П., отбывавший уголовное наказание в исправительном учреждении, в период пребывания в едином помещении камерного типа совершил действия, подпадающие под признаки преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ. В присутствии группы сотрудников исправительного учреждения, в т. ч. и начальника оперативного отдела, не подчинился законным требованиям сотрудников и ударил одного из них – Т., в результате чего последнему была причинена физическая боль в месте нанесения удара, а также телесные повреждения в виде кровоподтека и ссадины левой скуловой области.

От очевидцев и свидетелей были получены объяснения, проведен осмотр места происшествия, проведенный начальником оперативного отдела, которому начальником исправительного учреждения было поручено проводить проверку сообщения о преступлении. Сам, являясь очевидцем произошедшего, он в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством не имел права участвовать в проверке. Кроме того, были допущены и иные процессуальные нарушения, которыми умело воспользовался осужденный П. За период с возбуждения уголовного дела (02.02.2015) до вынесения обвинительного заключения (13.07.2015) осужденный П. заявил 52 ходатайства (в т. ч. о привлечении начальника оперативного отдела и ряда других должностных лиц к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий; ходатайство о привлечении в качестве свидетелей других осужденных, которые не являлись очевидцами произошедшего, но могли бы дать показания, ходатайство о проведении очных ставок с каждым сотрудником исправительного учреждения, являвшимся очевидцем инцидента; ходатайство об уточнении образования, занимаемой должности, места работы сотрудника исправительного учреждения, который освидетельствовал потерпевшего Т. и фиксировал телесные повреждения на его лице, ходатайство о проверке показаний всех сотрудников исправительного учреждения на правдивость посредством полиграфа, ходатайство о поручении производства экспертизы экспертам другого субъекта Российской Федерации, с обоснованием возможного давления администрации ИУ на эксперта, проживающего в субъекте проведения расследования, и т. п.).

Прекращение уголовного дела: куда делась справедливость, законность и нравственность?

И. А. Антонов,

*профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России)
docantonov@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемные вопросы прекращения уголовного дела, соотношение принятого решения с нормами нравственности и морали.

Прекращение уголовного дела, справедливость, законность, нравственность, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Уважение к человеку, бережное отношение к его доброму имени и правам – это те нравственные принципы и идеалы, которые должны определять существо уголовного судопроизводства, представляющего собой систему гарантий, обеспечивающих охрану прав и свобод личности, вовлекаемой в производство по уголовному делу. В свою очередь соблюдение и охрана таких ценностей, как гуманизм, свобода, равенство, справедливость должно стать нравственно-правовым критерием оценки всей уголовно-процессуальной деятельности.

Особое нравственное наполнение имеет сегодня само назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ. Оно олицетворяет принцип справедливости, определяя двуединое назначение уголовно-процессуальной деятельности, которая имеет целью одновременно и защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. При этом решение задач, связанных с уголовным преследованием и назначением виновным наказания, должно осуществляться в тесной взаимосвязи с решением задачи недопустимости необоснованного ограничения прав личности и привлечения к уголовной ответственности невиновного.

При этом, конечно, важно акцентировать внимание на то, что ст. 6 УПК РФ включена в гл. 2 – «Принципы уголовного судопроизводства», более того, названная глава с нее начинается. Таким

образом, законодатель, определяя цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности, придал содержанию рассматриваемой статьи основополагающий характер. В целом все принципы уголовного судопроизводства в конечном итоге направлены на защиту личности как от преступных посягательств (в том числе восстановление в правах), так и от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Подобный подход к назначению уголовного судопроизводства (особенно учитывая то, что уголовно-процессуальное право является самой политизированной отраслью права) говорит о целенаправленном стремлении законодателя к созданию в нашей стране гарантий правового государства, реальной охраны прав и свобод человека и гражданина.

И теперь, после провозглашения рассматриваемых идей, требуется принять неотложные меры по их реализации в правоприменительной практике производства по уголовным делам, ведь в настоящее время с этим имеется целый ряд проблем, в том числе при реализации положений закона о прекращении уголовного дела, особенно когда речь идет о прекращении дела по реабилитирующим основаниям. Но прежде чем перейти к ним, вспомним еще об одном общеправовом принципе – принципе законности.

В содержание принципа законности включается требование о том, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Это требование означает, что процессуальные решения должны быть основаны на действующем законе, содержать обоснование изложенных в них выводов ссылками на доказательства, собранные в порядке, предусмотренном законом, и фактические обстоятельства уголовного дела, установленные на основе этих доказательств. Мотивировка решения позволяет проверить его обоснованность, исключает вынесение решений, не основанных на доказательствах, и тем самым обеспечивает их законность.

И здесь требуется выделить ряд сложностей нравственного характера, связанных с принятием процессуальных (особенно окончательных) решений. Так, лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, особенно это касается работы следователя и судьи, стремясь к восстановлению справедливости, к защите прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступных деяний, сталкивается с двумя крайностями. Либо он опирается в своих решениях на одну лишь букву закона, забывая про его дух, либо выходит за пределы своих полномочий и стремится стать законода-

телем, заменяя в своем толковании существующий закон желательным, чтобы принятое решение действительно соответствовало его внутреннему убеждению.

Статьи 12 и 13 Устава уголовного судопроизводства требовали, чтобы разрешение дела ни в коем случае не останавливалось под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов, предписывая судебным установлениям основывать свое решение на общем смысле последних. А этот общий смысл постигается лишь сопоставлением законов между собою, изучением их иерархии, системы их распределения и источников происхождения. Такие ситуации требуют от судьи, прокурора, следователя, дознавателя знания общих положений теории права и основополагающих начал – принципов уголовного процесса, высокого уровня нравственно-правового сознания, чтобы в общем смысле закона найти наиболее правильное, наиболее верное и справедливое его применение к сложившейся ситуации. Толкуя и применяя законы, лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, должны показать весь свой профессионализм. И, конечно же, огромную роль в этом играет внутреннее убеждение лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Уголовно-процессуальный закон должен закреплять свободу совести, свободу внутреннего убеждения судьи, прокурора, следователя при принятии столь важных решений, как виновность или невиновность лица в совершении преступления.

Что же происходит сегодня на практике?

Наиболее ярким примером отступления от принципов справедливости, законности и нравственных норм является институт прекращения уголовного дела. Следователи, дознаватели и даже прокуроры и судьи забывают о положениях ст. 6 УПК РФ и о предназначении уголовного судопроизводства.

Лица, осуществляющие производство по уголовным делам, сегодня фактически отказываются от применения института прекращения уголовного дела, невзирая на то, что уголовно-процессуальный закон называет одной из форм окончания предварительного расследования – прекращение уголовного дела, забывая о его (института) роли для достижения правозащитного назначения уголовного судопроизводства, для охраны прав и свобод личности, вовлекаемой в эту сферу правоотношений.

Причин тому несколько. Во-первых, не все вопросы института прекращения уголовного дела находят разрешение в действующем законодательстве, а в юридической литературе по многим вопросам до сих пор ведутся споры (и, как отмечалось ранее, не все способ-

ны принять на себя ответственность за решение, основанное на духе закона, на общем смысле законодательных положений).

Во-вторых, в правоприменительной практике возникают многочисленные проблемы в применении института прекращения уголовных дел, особенно по реабилитирующим основаниям, так как еще не решены многочисленные проблемы, связанные с реабилитацией лиц, подвергнутых уголовному преследованию.

В-третьих, в уголовно-процессуальном законодательстве основное внимание уделяется форме окончания предварительного следствия, связанной с составлением обвинительного заключения, тогда как остальные формы подробной регламентации не получили. Подобный подход объясняется еще и тем, что прекращение уголовного дела среди статистических показателей рассматривается как негативный результат работы органов предварительного расследования.

И здесь никто не вспоминает о принципе справедливости, о нравственных началах уголовного судопроизводства и даже о столь сегодня любимой теме – процессуальной экономии сил и средств.

При этом предвзятый подход, как правило, со стороны прокурора, руководителя следственного органа и органа дознания к принятию решения о прекращении уголовного дела, приводит к тому, что в работе следователя, дознавателя в связи с принимаемым процессуальным решением о прекращении уголовного дела автоматически констатируется необоснованность возбуждения уголовного дела. И это несмотря на то, что в большинстве своем это никоим образом не соответствует действительности и фактическим материалам уголовного дела.

Отсюда вытекает стремление следователя, дознавателя любой ценой окончить расследование уголовного дела составлением обвинительного заключения (постановления, акта) и направить его в суд. Негативное отношение сегодня сформировалось даже к вынесению объективно обусловленного решения о прекращении уголовного дела. И при формировании статистических показателей и отчетов в органах предварительного расследования высокая оценка дается подразделениям, в которых голые цифры свидетельствуют о снижении количества прекращенных дел (то есть оценка качества расследования зависит не от качества достижения провозглашенных в ст. 6 УПК РФ идей, а от количества дел, направленных в суд, вне зависимости от перспективы судебного рассмотрения).

К сожалению, сегодня в сознании следователя, дознавателя, прокурора уже укоренилось мнение, что прекращение уголовного

дела – это результат неудачно проведенного расследования и даже брака в работе. Просто не укладывается в голове (после изучения правозащитных идей в целеполагании уголовно-процессуальной деятельности), что в ежегодной справке об итогах работы органов предварительного следствия рассматриваемый нами вопрос отнесен к разделу «Законность».

После этого, конечно, с завидной регулярностью в сети Интернет можно встретить сообщения такого характера: «По реабилитирующим основаниям строго запрещено в МВД прекращать уголовные дела. То есть на местах «глухарят» такие дела, но не прекращают по реабилитирующим основаниям, так как последнее влечет незамедлительное реагирование и последующее наказание как руководителей, так и подчиненных. Следовательно, статистика будет всегда такой, какой она "должна" быть и никак иначе»¹.

Изучив историю вопроса, Л. А. Воскобитова установила, что еще в 2006 г. Генеральный прокурор РФ В. Устинов в выступлении на коллегии связал в одну причинно-следственную цепочку законность возбуждения уголовного дела и возможность его последующего прекращения в ходе расследования, расценив прекращение дела как однозначное свидетельство незаконности его возбуждения².

Со временем высказанная позиция была воспринята руководством следственных подразделений и подразделений дознания как руководство к действию – и по стране покатила волна повсеместного сокращения числа дел, прекращаемых в стадии расследования (в угоду необоснованному непродуманному высказыванию (даже не мнению)). Эта тенденция (в том числе идолопоклонничество в отношении органов прокуратуры) сохраняется до сих пор. Прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования продолжает рассматриваться как свидетельство незаконности его возбуждения.

На наш взгляд, в противовес складывающемуся мнению о прекращении уголовного дела на стадии предварительного расследования, как негативном факторе в работе следователя, дознавателя, требуется отметить следующее. Необходимо помнить, что при возбуждении уголовного дела практически невозможно предвидеть то, что в последующем в ходе предварительного расследования будут

¹ Статистика прекращения уголовных дел // Электронный ресурс: URL: https://professional.ru/Soobschestva/advokat/statistika_prekrascheniya_ugolovnyx_del (дата обращения: 28.07.2018).

² *Воскобитова Л. А.* Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Электронный ресурс: URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=953&id=22> (дата обращения: 28.07.2018).

установлены обстоятельства, влекущие его прекращение. При этом нельзя забывать, что на проверку заявления, сообщения о преступлении и принятие решения о возбуждении уголовного дела отводится всего трое суток (срок может быть продлен до 10 и 30 суток при наличии определенных условий – ч. 3 ст. 144 УПК РФ) и принять абсолютно правильное и обоснованное решение о наличии или отсутствии события преступления или состава преступления практически невозможно. Расследование потому и называется предварительным, что предназначено для выявления всех обстоятельств произошедшего события и определения возможности дальнейшего проведения по делу судебного разбирательства.

Ни в тексте уголовно-процессуального закона, ни в смысловом значении норм, регулирующих вопросы возбуждения уголовного дела и его прекращения на стадии предварительного расследования, нет оснований для толкования прекращения уголовного дела как негативного результата работы следователя, дознавателя.

Здесь подчеркнем, что задачей стадии возбуждения уголовного дела является, во-первых, проверка законности повода, то есть первичного источника поступившей информации о преступлении; во-вторых, проверка и установление основания, то есть получение достаточной информации о наличии или отсутствии признаков состава преступления для принятия законного и обоснованного решения по поступившему заявлению (ст. 140 УПК РФ).

Как верно отмечает Л. Н. Масленникова, на стадии возбуждения уголовного дела фиксируется лишь факт обнаружения признаков преступления, что является законным основанием для проведения предварительного расследования¹.

Л. А. Воскобитова, в свою очередь, указывает: «Сама потребность в возбуждении уголовного дела может быть обусловлена не только установлением бесспорных и очевидных признаков определенного состава преступления, но и необходимостью проведения следственных действий для установления таких фактических обстоятельств дела, которые невозможно установить посредством проверочных действий в стадии возбуждения дела².

Так, в ходе изучения уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях установлено, что, как правило, причинами их прекращения являются выводы автотехнических экспертиз

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Норма, 2009. С. 452–453.

² *Воскобитова Л. А.* Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Электронный ресурс: URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=953&id=22> (дата обращения: 28.07.2018).

о невиновности лица в совершении дорожно-транспортного происшествия. При этом установить все обстоятельства, влияющие на принятие окончательного решения по факту ДТП, не всегда представляется возможным без возбуждения дела и проведения следственных действий.

Таким образом, прекращение уголовного дела не всегда свидетельствует о необоснованности его возбуждения, как это сегодня принято рассматривать на практике. Нельзя, к тому же, не принимать во внимание тот факт, что прекращение производства по делу служит средством исправления заложенных изначально в законе ошибок (применительно к процедуре и срокам стадии возбуждения уголовного дела), выступая формой устранения вреда, причиненного необоснованным возбуждением уголовного дела.

И сегодня, как видится, для того, чтобы восторжествовала законность и справедливость, первоначально должен восторжествовать разум и нравственные принципы личности руководителей органов прокуратуры, следствия и дознания. Многое сегодня зависит от повышения уровня их нравственно-правовой культуры и правосознания.

Решение обозначенных проблем находится и в законодательной плоскости. Так, исходя из вышеизложенного, а также учитывая влияние прокурорского надзора на процессуальную деятельность следователей, дознавателей, в том числе на организацию деятельности и статистической отчетности следственных подразделений и подразделений дознания различных правоохранительных ведомств, как представляется, сегодня требуется принять приказ Генерального прокурора РФ, в котором найдет отражение современное понимание правозащитного назначения уголовного судопроизводства и в который будут включены положения о том, что прекращение уголовного дела, в том числе по реабилитирующим основаниям, является полноценной равнозначной задачей органов дознания и предварительного следствия, как и уголовное преследование лиц, виновных в совершении преступления, и направление уголовного дела в суд для рассмотрения и разрешения его по существу с назначением справедливого наказания.

К вопросу о возникновении понятия «электронное доказательство» в УПК Российской Федерации

А. А. Балашова,

*адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
(Академия управления МВД России)*

В статье рассматривается исторический аспект возникновения понятия «Электронное доказательство» в УПК Российской Федерации, дается оценка развитию и оцениваются дальнейшие перспективы развития.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, электронное доказательство, доказательство, доказывание.

В настоящее время, в связи с появлением компьютерных документов, затронувших процесс уголовно-процессуального доказывания, стали появляться мнения о том, что пришло время выделить отдельный класс доказательств, имеющих специальный правовой режим.

Что касается данного мнения, то они разделились, например Н. А. Зигура в своих публикациях говорит о том, что «сведения о фактах, существующие в электронно-цифровой форме, необходимо рассматривать как самостоятельный вид доказательств»¹.

По словам Н. А. Иванова, «цифровая информация приобретает статус полноценного доказательства только тогда, когда она будет обнаружена, задокументирована и преобразована каким-либо образом в рамках осуществления процессуальных действий в форму письменно-изобразительного документа, содержание которого будет доступно для восприятия всеми участниками уголовного процесса»².

Многие авторы поддерживают точку зрения Григорьева В. Н. по поводу того, что необходимо обратить внимание на вопрос, связанный с выделением электронных носителей информации

¹ Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 210.

² Иванов Н. А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 100.

в отдельный вид доказательств. Определить его как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств». При таком подходе к указанным источникам доказательств будет правомерно отнесен весь спектр оборудования, используемого в современном информационном процессе и содержащего «незаменимую и уникальную» информацию, имеющую значение для дела¹.

Кроме того, по мнению ученых, к понятию «электронные доказательства» можно отнести большой круг информационных источников.

Так например, по мнению Пастухова П. С., «электронное доказательство – это электронная информация, полученная субъектом доказывания способом, прямо не запрещенным законом, и представленная в суд в установленном законом порядке, способная обеспечить правильное разрешение уголовного дела по существу»².

Калиновский К. Б. считает, что «электронные доказательства это данные, относимые к делу точно так же, как и любые другие процессуальные данные, которые свободно могут использоваться в качестве ориентирующей, тактической информации»³.

По мнению Р. И.⁴ Оконенко, под «электронным доказательством» понимается «электронный носитель информации, содержащий сведения о значимых обстоятельствах по конкретному уголовному делу и обладающий следующими юридически значимыми признаками:

- а) значительным объемом памяти;
- б) простотой передачи и копирования сведений с одного электронного носителя информации на другой;

¹ Григорьев В. Н., Максимов О. А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // Полицейская деятельность. 2018. № 1. С. 2.

² Пастухов П. С., Терехин В. В. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник КРАГСиУ. Серия «Государство и право». 2014. № 18. С. 71.

³ Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

⁴ Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120.

в) возможностью удаленного доступа к содержанию электронного носителя и информационно-телекоммуникационным системам (в частности к сети Интернет);

г) относительностью и неочевидностью содержания».

Несмотря на вышесказанное, среди ученых существует мнение, что электронные доказательства можно квалифицировать как электронные документы, после чего они, соответственно, будут относиться к такому виду доказательств, «как иные документы».

Однако В.Б. Вехов¹ справедливо заметил, что «определение документа-доказательства как материального носителя, содержащего сведения, представляется в корне неправильным, поскольку оно входит в противоречие с действующим уголовно-процессуальным законодательством, согласно которому (ч.1 ст.74 УПК РФ) доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения», без специальной привязки к источникам (перечисленным в ч. 2 указанной статьи)».

По мнению С.П. Ворожбит, «электронное средство доказывания охватываются всеми известными видами доказательств, но нуждаются в дополнительной процессуальной регламентации»².

Теперь вполне уместно будет рассмотреть для сравнения опыт зарубежных процессуалистов и нормы УПК стран СНГ, чтобы понять, как они оценивают вопрос, связанный с появлением такого вида доказательств, как электронное доказательство, с какими проблемами они сталкиваются в данном вопросе и какие пути решения, по их мнению, существуют.

По мнению Ткачева А. В., электронным иным документом должен признаваться электронный носитель компьютерной информации, если нормами материального права или общепризнанным правовым обычаем установлено, что в документе должен применяться соответствующий реквизит, выполняющий удостоверяющую функцию. Во-вторых, он считает, что электронным иным документом должен признаваться электронный носитель компьютерной информации в случаях, когда лица, которые «подписали» данный документ, согласовали существенные условия

¹ Вехов В.Б. Проблемы работы с электронными доказательствами // Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. М., 2016. С. 86.

² Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук :12.00.05. СПб., 2011. С. 2.

его применения: порядок составления, способы проверки, другие условия¹.

Но законодательное закрепление понятия электронного доказательства, по нашему мнению, как самостоятельного доказательства, с указанием признаков и видов, не оправдано для внесения его в действующий УПК РФ, несмотря на то что многие юристы считают, что это существенно упростит работу органов предварительного расследования и прояснит те вопросы, которые возникают при появлении в уголовном деле любых электронных носителей.

Несмотря на четко сформулированные законодателем условия признания объектов вещественными доказательствами, на практике отнесение к ним электронных носителей информации не всегда обоб-
сновано.

¹ *Ткачев А.В.* Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 434.

Уголовно-процессуальная форма как гарантия обеспечения прав и свобод личности и пределы ее дифференциации

А. А. Бейшеева,
заведующая кафедрой «Китаеведение»,
кандидат юридических наук
(Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагына)
anarabeisheeva@mail.ru

В статье рассмотрены процессуальная форма как гарантия обеспечения прав личности, а также пределы и проблемы ее дифференциации.

Процессуальная форма, гарантии прав личности, упрощенный порядок, право на судебную защиту.

Рассматривая вопрос о гарантиях прав и интересов личности в уголовном процессе, нельзя не коснуться проблем развития уголовно-процессуальной формы, поскольку реальность обеспечения прав в этой сфере в немалой степени зависит от того, насколько четко регламентирован порядок производства по уголовному делу и ее процессуальная форма. Хотя следует отметить, что некоторые авторы утверждают, что нет необходимости выделять в качестве гарантии прав личности процессуальные формы, поскольку, по мнению О. В. Гладышевой, соблюдение процессуальной формы зависит от участников уголовного процесса, то есть имеет высокую степень субъективизма; не процессуальная форма направлена на реализацию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства¹. Однако данный автор далее не рассматривает и не раскрывает не процессуальной формы, выступающего в качестве средства обеспечения прав и законных интересов личности в сфере уголовного процесса. В любом случае согласиться с позицией автора нельзя.

Механизм правового регулирования в уголовном процессе определен так, что уголовно-процессуальное право устанавливает не только права и обязанности участников конкретных правоот-

¹ Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / под науч. ред. В. А. Семенцова. М.: Юрлининформ, 2012. С. 143–144.

ношений, но также и порядок производства по уголовному делу, систему и последовательность стадий, условия перехода уголовного дела из одной стадии в другую и порядок производства следственных и судебных действий, где и реализуются права и обязанности субъектов уголовного процесса. Это порядок о последовательности производства по уголовному делу, так называемой процессуальной формы, есть внешнее содержание уголовно-процессуальных правоотношений, выраженное в уголовно-процессуальной деятельности ее субъектов.

Как внутреннее содержание правоотношений (деятельность по реализации правомочий властных субъектов, прав и обязанностей участников процесса), так и внешнее (процессуальная форма) находятся в тесной взаимосвязи и единстве между собой, одна не существует без другой. Социальная ценность процессуальной формы заключается в том, что она обеспечивает режим законности в судопроизводстве, создает условия для реализации прав, свобод и законных интересов личности и выступает гарантом их обеспечения.

Кроме того, процессуальная форма призвана содействовать установлению истины по делу, что означает ведение процесса доказывания (познания) обстоятельств уголовного дела в строгом соответствии с установленным УПК порядком. Поэтому нарушение процессуальной формы получения доказательств лишает их доказательственной юридической силы (ч. 4 ст. 81 УПК КР; ст. 75 УПК РФ), а любые отклонения от процессуальной формы производства по уголовному делу приводят к нарушению и ущемлению прав, свобод и законных интересов участников процесса. С помощью процессуальной формы определяются порядок и особенности производства по отдельным категориям уголовных дел, в частности по делам в отношении несовершеннолетних, лиц, страдающих психическими или физическими недостатками, а также по уголовным делам, преследуемых в порядке частного и частно-публичного обвинения.

К примеру, часть уголовных дел свое разрешение получает в ходе досудебного производства (около 25 %), а часть – по объективным причинам не может являться достоянием стадии судебного разбирательства, причем, в связи с не установлением лиц, совершивших то или иное преступление (до 35 % дел).

В настоящее время проблема процессуальной формы наиболее остро ставится в связи с вопросом дифференциации процесса. Непременным условием осуществления быстрого и справедливого судопроизводства является рациональная процессуальная форма, лишенная излишних формальностей и вместе с тем обеспечива-

ющая обоснованное, законное и справедливое разрешение конкретного уголовно-правового конфликта. Профессор М. С. Строгович отмечал, что процессуальный порядок должен быть построен рационально и включать лишь те процессуальные средства, которые соответствуют природе права и правосудия¹, опираются на достижения процессуальной науки и обобщают опыт работы органов правосудия.

Поэтому одна из основных тенденций в развитии юридических гарантий реализации прав, свобод и обязанностей личности в современный период должна состоять в усилении и в повышении процессуальной упорядоченности производства отдельных следственных действий, а также в постоянном совершенствовании и создании более удобных и эффективных процессуальных форм и порядка производства по уголовному делу. При этом рациональные поиски путей совершенствования процессуальной формы не должны иметь ничего общего с появлением процессуальной «упрощенности» этих средств и с процессуальным нигилизмом. Подобное имеет отношение ко всем правам и обязанностям участников процесса, особенно это касается тех прав и обязанностей, реализация которых связана с деятельностью органов публичной власти² – органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

В рассматриваемом выше аспекте процессуальная форма, в контексте с положением участников уголовно-процессуальных отношений, теоретико-правовой и практический интерес представляют положения норм гл. 40 УПК РФ и гл. 36-1 УПК КР, предусматривающие особый (упрощенный по УПК КР) порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Так, на основании установленных новых правил в гл. 40 УПК РФ (гл. 36-1 УПК КР) судья получил указание на единоличное принятие решения о применении «упрощенного порядка» по уголовным делам, караемых до десяти лет лишения свободы (ч.1 ст. 314 УПК КР; ч.1 ст. 328-1 УПК КР) с тем, чтобы затем «проштамповать» в своем приговоре обвинительное заключение (обвинительный акт, а по УПК КР – постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого) всего лишь на основании признания подсудимым своей вины, без проверки данного признания и собранных доказательств во всей совокупности в ходе судебного следствия

¹ *Строгович М. С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. 1974. № 9. С. 51.

² *Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 213.*

в условиях гласности, устности, непосредственности, состязательности и равноправия сторон.

В связи с этим профессор В. И. Михайлов отмечает, что вводя положениями гл. 40 УПК Российской Федерации «Особого порядка принятия судебного решения по делу при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением», законодатель «отчасти реставрировал в российском уголовном судопроизводстве рудименты средневекового процесса»¹. Следует также отметить, что, предусмотрев такой порядок (такую форму) производства по уголовным делам, законодатель России и Кыргызстана тем самым отменил действие конституционного принципа презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ; ч. 1, 2, 3 ст. 26 Конституции КР) и важнейшую гарантию этого принципа, установленную в ч. 2 ст. 77 УПК РФ, согласно которой «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 5 ст. 83 УПК КР).

При указанной форме производства по уголовному делу судебное следствие не проводится, а подсудимый лишается права, установленного ст. 50 Конституции России (ч. 1 ст. 27 Конституции КР) права на апелляционный или кассационный пересмотр данного приговора вышестоящим судом ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Недопустимость принятия признания на веру, без его проверки и подтверждения достоверными доказательствами, обуславливается и тем, что зачастую признания могут быть ложными либо ошибочными, поскольку такое признание, заявленное обвиняемым (подсудимым), обуславливается многочисленными причинами или мотивами, в числе которых: а) применение в отношении лица пытки, других форм принуждения и всевозможного давления; б) попытка того или иного лица взять чужую вину на себя за соответствующую плату либо затем, чтобы спасти от уголовной ответственности близкого ему человека; в) стремление люмпенизированного человека в поисках пропитания и жилища найти приют в местах лишения свободы и т. п.

Кроме того, такая форма судопроизводства по уголовным делам вызывает и ряд других проблем и вопросов, связанных с обеспечением прав, свобод и законных интересов лиц, обвиняемых в совер-

¹ Михайлов В. А. Проблемы конституционности Уголовно-процессуального кодекса РФ // Культура России как ее стратегический ресурс: сб. науч. трудов. М., 2004. С. 138–139.

шении преступления, но и лиц, пострадавших от преступления. По нашему мнению, эти изъятия из общей процедуры (порядка) судопроизводства должны быть компенсированы установлением ряда процессуальных гарантий (средств и условий) подсудимому и потерпевшему.

Поэтому, несмотря на то, что «особый» (по УПК РФ) и «упрощенный» (по УПК КР) порядок производства по указанным категориям уголовных дел, при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, нашла широкое применение в практической деятельности органов, осуществляющих производство по уголовным делам в России (до 63,0 %), значительно реже в Кыргызстане (до 30,0 %), следует либо исключить из УПК КР и УПК РФ либо модернизировать нормы УПК для решения вышезатронутых и ряд других проблем, в первую очередь связанные с обеспечением прав и защитой законных интересов участников уголовного судопроизводства. В частности, по нашему мнению, необходимо в законе предусмотреть письменную процессуальную форму ходатайства, заявленного обвиняемым (подсудимым) о применении, соответственно особого (по УПК РФ) и упрощенного (по УПК КР) порядка судебного разбирательства, которое должно быть удостоверено подписью защитника; обязательное участие защитника не только на стороне обвиняемого (подсудимого), но и на стороне потерпевшего, когда такая необходимость продиктована для защиты его интересов.

В этом же ряду стоят и другие предложения ученых об «упразднении» процессуальной формы при собирании доказательств; стадии возбуждения уголовного дела; института привлечения лица в качестве обвиняемого¹. Суммарно перечисленные предложения означают отказ от расследования в его существующих процессуальных формах, выведение его за рамки процессуальной деятельности и превращение расследования в деятельность административную.

Следует отметить, что предложение отказаться от фигуры обвиняемого на предварительном следствии, заменив его фигурой подозреваемого, не является «нейтральным» с позиции обеспечения прав личности, напротив, означает снижение уровня процессуальных гарантий лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

¹ Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы правоприменительной практики в условиях действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: материалы науч.-практ. конф. М., 2006. С. 29–34; Гордиенко В.В. Законодательное установление уголовного проступка. Исключение института отказных материалов // Юридический консультант. 2010. № 8. С. 19–21.

В рассматриваемом аспекте из числа гарантий обеспечения прав личности в сфере уголовного судопроизводства следует выделить право на судебную защиту и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Действительно, осуществление прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства становится возможным в силу судебного характера их защиты. Поэтому если права и свободы личности не подлежат, в силу каких-либо обстоятельств и причин, фактической судебной защите, в связи с чем не может быть реализовано право каждого на судебную защиту, то они номинальны¹ и лишены подлинного правового значения. В своем решении от 28 мая 1999 г. Конституционный Суд России отмечает, что ни одна из целей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации по поводу ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина, «не может оправдать ограничение основного права на судебную защиту, являющуюся гарантией всех других прав и свобод»².

Высокий уровень судебной защиты прав и свобод самым непосредственным образом зависит от гарантированного предоставления каждому нуждающемуся квалифицированной юридической помощи. Подтвердив необходимость строгого соблюдения судами гарантируемого Конституцией РФ права каждого на получение юридической помощи (ч. 1 ст. 48), Пленум Верховного Суда Российской Федерации обязал властных субъектов обеспечивать участие защитника в деле как в случаях, когда обвиняемый выразил желание, так и в случаях, когда участие защитника является обязательным по закону³.

Изложенное выше позволяет утверждать, что среди всех видов процессуальной деятельности особое место в качестве гарантии прав и интересов личности в сфере уголовного судопроизводства принадлежит деятельности защитника, участвующего в уголовном процессе в качестве защитника обвиняемого (подозреваемо-

¹ *Иванов В. И.* О государственных гарантиях прав и свобод личности в Российской Федерации. М., 2004. С. 144.

² По делу о проверке конституционности части второй ст. 266 и п. 3 части первой ст. 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука: постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999. № 9-П // Рос. газ. 1999. 9 июня.

³ Кроме того, следует отметить, что о праве каждого человека на самостоятельный выбор адвоката (защитника) предусмотрено в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также подтверждено постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 1997 г. // Законность. 1997. № 4. С. 47–51.

го), представителя потерпевшего и других участников процесса. Так, одной из важнейших гарантий обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, являющегося несовершеннолетним или по своему физическому или психическому состоянию лишенно-го возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, законом определено обязательное участие в уголовном деле не только их законных представителей (ч. 1 ст. 43 УПК КР; ст. 48 УПК РФ), но и участие защитника (ст. 46 УПК КР; ст.ст. 50, 51 УПК РФ). Однако такая возможность по УПК КР и УПК РФ не предоставлена потерпевшему, что не вполне соответствует принципам уголовного процесса (ст.ст. 16, 21, 24 УПК КР; ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) и требованиям норм морали (справедливости и равенства).

Вызовы современного мира и российская криминалистика

А. А. Бессонов,

руководитель управления

научно-исследовательской деятельности

(научно-исследовательского института криминалистики)

Главного управления криминалистики

(Криминалистического центра),

доктор юридических наук, доцент

(Следственный комитет Российской Федерации)

bestallo@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые тенденции развития современного мира, обуславливающие основные направления дальнейших исследований в криминалистике. Автором отмечено, что в настоящее время актуальными являются проблемы формирования методик расследования киберпреступлений, разработки российских образцов криминалистической техники, совершенствования методик производства судебных экспертиз и установления их общероссийских стандартов.

Криминалистика, криминалистические стандарты, развитие криминалистики, цифровая криминалистика.

Криминалистика всегда выступает той сферой научного знания, которая живо реагирует на потребности практики расследования преступлений, достижения научно-технического прогресса и реалии окружающей действительности. Современный мир характеризуется процессами глобализации, широким потоком миграционных процессов, постоянной трансформацией транснациональной преступности, нависшей над человечеством постоянной угрозой терроризма, а в виртуальную реальность в той или иной мере включен практически каждый житель нашей планеты. Все это сказывается на состоянии преступности и борьбе с ней, в связи с чем требует пристального внимания с точки зрения научного сопровождения криминалистического обеспечения расследования преступлений и судебно-экспертной деятельности.

Ключевой отличительной особенностью сегодняшней реальности выступает такая сфера жизни человека, как виртуальное пространство (именуемое также киберпространством), которое

буквально захватило большую часть человечества. По данным аналитиков, в настоящее время количество пользователей интернетом во всем мире превысило 4 млрд человек, то есть более половины жителей Земли¹. В России хотя бы раз в месяц интернетом пользуются почти 90 млн человек, причем 84 % из них используют для выхода в сеть больше одного устройства и проводят в сети в среднем по 7 часов в неделю.² Несмотря на различный уровень активности пользователей этого виртуального мира, все они так или иначе оставляют в нем следы своего даже кратковременного присутствия, что не ускользает от внимания криминалистов.

В этой связи важный вектор развития современной криминалистической науки заключается в необходимости постоянного совершенствования существующих и разработки новых информационно-аналитических программ для работы с большими массивами данных (BigData), имеющих криминалистическое значение. Прежде всего это касается киберпреступлений, террористической и экстремистской деятельности, склонения к суициду, преступлений против половой неприкосновенности и свободы личности, поиска без вести пропавших, когда требуется одновременный анализ больших массивов цифровой информации комплексного характера: сведений о соединениях абонентов и абонентских устройств, данных из мобильных устройств и компьютеров, комплексов видеонаблюдения, систем фиксации государственных регистрационных знаков транспортных средств, банков и иных кредитных организаций о совершенных финансовых транзакциях, компьютерных сетей и систем, криминалистических и оперативно-разыскных учетов. Проблема здесь заключается в необходимости анализа информации из всех перечисленных источников одновременно, установление связи между различными объектами поиска.

Более того, технология поиска, исследования и использования в расследовании цифровой информации должна быть интегрирована во все частные криминалистические методики, касающиеся преступлений, в структуре которых присутствует этот элемент современного мира. Между тем на настоящий момент такими рекомендациями не охвачены все того требующие частные криминалистические методики.

¹ *Сергеева Ю.* Интернет 2017–2018 в мире и России: статистика и тренды. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 27.08.2018).

² Развитие интернета в регионах России. URL: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016/; Аудитория пользователей интернета в России в 2017 году составила 87 млн человек. URL: <http://mediascope.net/press/news/744498/> (дата обращения: 27.08.2018).

Следующим, нуждающимся в глубокой научной проработке, выступает вопрос об использовании накопленных компетентными структурами биометрических данных людей в целях совершенствования криминалистического обеспечения расследования. Особенно это становится актуальным в связи с началом функционирования с 11 июля этого года в России Единой биометрической системы¹.

Не менее важной является необходимость на постоянной основе продолжать работу по накоплению и пополнению криминалистических коллекций, например образцов лакокрасочных покрытий существующих автопроизводителей, шрифтов текстовых файлов разработчиков программного обеспечения в разные периоды времени, всех видов почвы, а также образцов пыльцы растений для палинологической экспертизы.

При разработке криминалистических рекомендаций нельзя не учитывать специфику познавательных способностей современного поколения людей, сформированных под влиянием цифровой реальности, позволяющей без особых усилий добывать в любое время информацию самой различной направленности.

В связи с этим на первый план выходит алгоритмизация и программирование расследования, в первую очередь с применением компьютерных технологий. Например, перспективным направлением представляется разработка программ на основе электронных типовых криминалистических характеристик преступлений, позволяющих получать представление о криминалистических особенностях преступных деяний различных видов, оценивать следственные ситуации, выдвигать следственные версии, планировать расследование и пр. Такие работы проводились В. Ю. Толстоуцким, П. Ю. Фесиком, К. А. Нелюбиным², однако в должной мере своего развития не получили. Но при всем этом, конечно, важно не лишить

¹ Об определении состава сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации, включая вид биометрических персональных данных, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2018 № 772 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Нелюбин К. А.* Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 25 с.; *Толстоуцкий В. Ю.* Криминалистическая характеристика – система признаков и набранная по ним электронная база уголовных дел // *Юридическая наука в Республике Мордовия: межвузовский сборник научных трудов.* Саранск: ООО «Принт-Издат», 2012. Вып. 2. С. 377–385; *Фесик П. Ю.* Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 23 с.

деятельность по расследованию преступлений имманентного ей творческого начала.

Следующим актуальным направлением развития отечественной криминалистики является научное обеспечение процесса импортозамещения криминалистической техники, в том числе лабораторного аналитического оборудования и расходных материалов для судебно-экспертной деятельности. Более того, этот вопрос обозначен в числе приоритетных по итогам проведенного в мае текущего года оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации, посвященного вопросу принятия дополнительных мер по совершенствованию судебно-экспертной деятельности в России.

На повестке дня продолжает остро стоять проблема разработки единых общероссийских криминалистических стандартов производства каждого вида экспертных исследований.

Несмотря на то, что в статье 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 23-ФЗ) применительно к деятельности государственных судебно-экспертных учреждений одного и того же профиля четко указано на необходимость производства судебных экспертиз на основе единого образного научно-методического подхода к экспертной практике, в большинстве своем процесс производства судебных экспертиз не обеспечен едиными методическими рекомендациями. Еще в большей степени этот вопрос касается деятельности негосударственных экспертов и судебно-экспертных учреждений. До настоящего времени, к сожалению, не решили обозначенную проблему ни Федеральный межведомственный координационно-методический совет по судебной экспертизе и экспертным исследованиям, ни Технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза» (ТК 134).

В практической деятельности в этой связи возникают различные коллизии как связанные в целом с организацией работы по противодействию преступности, так и с оценкой судом результатов некоторых судебных экспертиз. Например, это относится к почерковедческой экспертизе, объектом исследования которой нередко выступают копии документов, когда в одном случае суд признает ее заключение допустимым доказательством, а в другом – недопустимым, ввиду отсутствия единой методики ее производства по такого рода объектам¹. В части этой же экспертизы существует также

¹ Уголовное дело № 1-19/2011, находящееся в архиве Кумертауского городского суда Республики Башкортостан; Уголовное дело № 1-54/2014, находящееся в архиве Павловского районного суда Алтайского края.

вопрос о допустимости ее производства для безусловного установления давности изготовления рукописных текстов чернилами (при отсутствии в распоряжении эксперта самих пишущих средств), поскольку такой научно-обоснованной и апробированной экспертным сообществом методики пока не имеется.

При производстве судебных генетических экспертиз в разных ведомствах (например, в подразделениях ЭКЦ МВД России либо в региональных судебно-медицинских экспертных учреждениях Минздрава России) при отсутствии единых стандартов методики их производства эксперты свободны в выборе тактики экспертизы и потому могут использовать разные тест-системы, приводящие к получению не соответствующих друг другу генетических профилей. В результате этого генетический профиль одного и того же лица имеет различную форму, что не позволяет во всех случаях его идентифицировать и может привести к формированию ошибочной геномной базы данных, а в конечном итоге – к нераскрытому преступлению либо ложным выводам органов следствия и оперативно-разыскной деятельности¹.

В то же время принципиальность решения отмеченных проблем выступает некоей отправной точкой в дальнейшем развитии судебно-экспертной деятельности на фоне стремительного научно-технического прогресса. К примеру, специалисты в сфере генетической экспертизы вышли на уровень разработки методик определения этногеографического происхождения, возраста, пола, внешности, популяции принадлежности, психоэмоционального статуса, прижизненной модификации ДНК и предрасположенности к наиболее распространенным заболеваниям, по биологическим следам неизвестного лица для его последующего установления и идентификации, а также ДНК-идентификации по деградированной ДНК и ДНК из малых количеств биоматериала. Активные исследования в данном направлении в настоящее время проводятся российскими и белорусскими учеными в рамках научно-технической программы Союзного государства на 2012–2017 гг. «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства»².

¹ Абдулина Е. В., Зыков В. В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 3–6.

² См.: Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. URL: <https://www.postkomsg.com/programs/208833/> (дата обращения: 11.09.2018).

Таким образом, общепризнанный подход к стандартам производства любого вида экспертиз важен также и как механизм трансформации инновационных разработок в практическую деятельность в сфере уголовного судопроизводства в форме единого научно-методического подхода.

В завершение следует отметить, что европейские государства уже задумались над вопросом о необходимости приведения к единому знаменателю основных методов и направлений дальнейшего развития мировой криминалистики. Проблема различия в теории и практике этой науки как одна из ключевых причин неэффективного противодействия преступности явилась предметом обсуждения в Совете Европейского союза. По итогам полугодовых слушаний 1 декабря 2011 г. принят проект рекомендаций Совета о концепции Европейской криминалистики 2020, включающей создание в Европе единого криминалистического пространства и развитие криминалистической инфраструктуры. В частности, эти рекомендации предусматривают разработку на европейской территории единых стандартов проведения криминалистических исследований и экспертиз, единой системы криминалистических учетов, совместную криминалистическую научно-исследовательскую деятельность и многое другое¹. В этой связи на повестке дня в свете сказанного стоит актуальный вопрос о механизме интеграции российской криминалистики как науки и практической деятельности в мировое криминалистическое пространство.

¹ Draft Council Conclusions on the vision for European Forensic Science 2020 including the creation of a European Forensic Science Area and the development of forensic science infrastructure in Europe, Brussels, 01.12.2011. URL: <https://db.eurocrim.org/db/en/doc/1700.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).

Отдельные проблемы доказывания при реализации судебного контроля в рамках ст. 125 УПК РФ

А. А. Бессонова,

*магистр 2 курса Института права,
социального управления и безопасности,
направление «Уголовный процесс, криминалистика
и теория оперативно-розыскной деятельности»*

(ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»)

anna.bessonova1812@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы доказывания, возникающие на практике при рассмотрении судом жалоб на действия (бездействия), решения органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ.

Обжалование, защита прав и свобод, доказывание, предмет доказывания, бремя доказывания, пределы доказывания.

Изучение, а также анализ действующего законодательства, регулирующего производство по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, выявляет значительное количество пробелов, что в свою очередь негативно сказывается на практике. Отдельные проблемы данного института исследовались в трудах А. Н. Артамонова, Б. Б. Булатова, В. А. Азарова, Н. В. Витрука, Л. М. Володиной, В. Н. Галузо, Н. В. Григорьевой, И. Ф. Демидова, Ю. В. Деришева, А. В. Ендольцевой, Н. И. Капинуса, а также в рамках диссертационных исследований, посвященных судебному контролю: А. П. Фокова, Н. Н. Ковтуна, Н. Г. Муратовой, Н. А. Колоколова. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью существования детально урегулированного, особого вида контроля за деятельностью органов и должностных лиц с целью обеспечения гарантии соблюдения прав лица, участвующего в уголовном процессе на досудебных стадиях.

Традиционно судопроизводство по уголовным делам проходит две стадии: досудебное производство и судебное разбирательство. Поскольку правильность и обоснованность результатов второй стадии напрямую зависят от ранее произведенных процессуальных действий уполномоченных на то лиц, то досудебное производство должно контролироваться, в определенных случаях, судебной властью.

Отношения субъектов, складывающиеся в процессе расследования, раскрытия преступлений, носят сугубо субординационный характер. В силу этого должностные лица правоохранительных органов имеют установленные законом полномочия, а лица, получившие статус подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, заключенного под стражу, осужденного, таких полномочий лишены. Для того чтобы были соблюдены как конституционные¹, так и процессуальные требования², необходимо досудебное производство по уголовным делам подвергать контролю со стороны суда.

Назначение судебно-контрольной деятельности на досудебном этапе уголовного судопроизводства проявляется в урегулировании правовых конфликтов, которые возникают между стороной обвинения, в лице дознавателя, следователя, прокурора и стороной защиты, а также в связи с нарушением прав и законных интересов иных граждан, чьи права и свободы оказались нарушенными в результате действий и принятых решений публичными процессуальными органами.

Как известно, деятельность по расследованию преступлений зачастую связана с ограничением конституционных прав и свобод личности. Любая мера, которая ограничивает права и свободы личности, должна применяться в установленном законом порядке, т. е. назначаться соответствующими органами, быть обоснованной, необходимой, а не произвольной. «Одним из основных средств института судебной защиты прав и свобод личности в уголовном процессе является судебно-контрольное производство, реализуемое в порядке гл. 16 УПК РФ, предусматривающее право заинтересованных лиц на обжалование действий (бездействия) и решений публичных процессуальных органов на досудебном этапе уголовного судопроизводства. Не случайно ныне действующий УПК РФ впервые закрепил право на обжалование процессуальных действий и решений в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК РФ)»³. Это позволит повы-

¹ Ст. 2. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

² Ст.11. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018).

³ Ярцев Р. В., Ковтун Н. Н. Практика функционирования судебного контроля, реализуемого в порядке статьи 125 УПК РФ // Уголовный процесс. 2015. № 11.

силье качество содержания предварительного расследования, что, в свою очередь, будет положительно влиять на окончательное решение по уголовному делу.

Как показывает судебная статистика, граждане с каждым годом все активнее стараются реализовать данное право на обжалование. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 г. жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ, составило 62 182, из них удовлетворено 3 255, отказано – 15 662, по остальным производство прекращено, жалоба оставлена без рассмотрения, возвращена¹. За 1 полугодие 2017 г. в РФ жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК, составило 5 626, из них удовлетворено 2 822, отказано – 11 734, прекращено, отозвано – 41 970². Приведенные показатели представляют собой реализацию гарантированных ст. 46 Конституцией РФ и международными актами³ прав граждан на судебную защиту. Однако на сегодняшний день отдельные стороны анализируемого уголовно-процессуального института остаются неурегулированными, в том числе в части доказывания обстоятельств, имеющих значение при рассмотрении жалоб в судебном порядке.

Понятие предмета доказывания, несмотря на огромное количество научных работ, остается спорным, порождающим дискуссии в теории доказательств. Предмет доказывания закреплён в ст. 73 УПК РФ и представляет собой минимум того, что нужно доказать. «Поскольку в рамках рассмотрения жалобы уголовное дело не разрешается по существу, то предмет доказывания заключается в установлении иных обстоятельств, имеющих правовое значение, нежели те, что закреплены в ст. 73 УПК РФ»⁴. Законодатель на сегодняшний день не установил конкретный перечень обстоятельств, которые необходимо доказать при рассмотрении жалоб в рамках реализации судебного контроля, а также не опре-

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948; Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966; Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950.

⁴ Ковтун Н. Н., Сулова Е. Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3.

делил требования к данным доказательствам.¹ Проанализировав уголовно-процессуальные нормы, судебную практику можно сделать вывод о том, что «в предмет доказывания в рамках ст.125 УПК РФ входят:

1) способность / неспособность вынесенных обжалуемых решений, действий (бездействия) причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства;

2) способность / неспособность данных решений, действий (бездействия) затруднить доступ граждан к правосудию;

3) наличие / отсутствие соответствующих полномочий у должностных лиц;

4) законность / незаконность принятия решений, совершения действий (бездействия) органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, и прокурора;

5) обоснованность / необоснованность принятия решений, совершения действий (бездействия) должностными лицами»².

Говоря о доказывании, нельзя оставить без внимания вопросы распределения бремени между сторонами. Исходя из действующего законодательства, должностные лица, имеющие определенные полномочия, наделяются ими на основании законов. Существует мнение, согласно которому «каждое действие, решение уполномоченного лица реализуется в рамках закона, то они априори являются законными и должностные лица освобождаются от обязанности доказывания своей правоты»³. Можно сказать, что в настоящее время «обвиняемый защищен не столько своими правами, сколько обязанностями, возложенными на субъектов уголовного преследования»⁴. Поддерживая данную позицию, можно сказать, что «должностные лица, чьи действия обжалуют-

¹ Одни исследователи считают, что принципиально невозможно ограничить предмет судебного контроля за актами предварительного следствия путем закрепления в законе перечня подлежащих обжалованию действий и решений органов расследования (см., напр.: *Лазарева В.А.* Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 9–10). Другие отстаивают мнение о необходимости ограничения пределов судебного контроля путем закрепления в законе перечня не подлежащих обжалованию действий и решений органов следствия (см.: *Багаутдинов Ф. Н.* О содержании судебного контроля на предварительном следствии // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 52).

² *Лукьянова О.А.* Статья 125 УПК РФ: проблемы, возникающие в судебной практике при рассмотрении жалоб заявителей // Уголовный процесс. 2010. № 1.

³ *Белоносов В. О., Громов Н. А., Новичков И. В.* Уголовный процесс. М., 2015. С. 240–254.

⁴ *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 258 с.

ся, не обязываются судами к доказыванию законности своих действий, поскольку в УПК РФ нет таких правил. Лишь в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 говорится, что они могут быть вызваны в суд»¹. «Могут» – значит не обязаны доказывать законность своих действий (бездействия). По моему мнению, данное положение вещей является неверным по двум причинам. Во-первых, основными гарантиями защиты прав человека в рамках уголовного процесса являются соответствующие обязанности лиц, производящих предварительное расследование по уголовному делу, прокурора, суда. Государство наделяет правами данных лиц на принятие любого решения, осуществление действия (воздержание от осуществления действия), и они должны доказать обратное в случае возникновения сомнений в законности и обоснованности их решений, действий (бездействия). Во-вторых, «перед судом обе стороны равны на основании принципа состязательности и обязаны обосновать свою позицию для принятия судом справедливого решения»². Анализ практики показал, что суды в обязательном порядке вызывают должностных лиц на судебное заседание. В случае их неявки в суд поступали письменные возражения на поданную жалобу, которые оглашались в зале суда.

Говоря о доказательствах, в законе прослеживается пробел в части отсутствия перечня применимых доказательств при рассмотрении жалоб, следовательно, он остается прежним, закрепленным в ст. 73 УПК РФ. Однако, применительно к порядку рассмотрения жалоб, понятие «доказательство» имеет иное значение, нежели в рамках основного производства по уголовным делам, поскольку при решении вопроса об удовлетворении или отказе в удовлетворении жалобы не могут применяться доказательства, предпрещающие вопросы о виновности или не виновности лица по расследуемому уголовному делу. Такие источники доказательств, как показания свидетелей, заключения экспертов, специалистов, при разрешении

¹ По смыслу статьи 125 УПК РФ должностные лица, чьи действия (бездействие) или решения обжалуются, могут быть, при наличии к тому оснований, вызваны в суд для выяснения обстоятельств, связанных с доводами жалобы (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2018)).

² Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (14-е изд., перераб. и дополн.). М.: Проспект, 2017 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2018).

жалоб не предусмотрены, но и не запрещены¹. Их наличие максимально приблизило бы институт обжалования к институту производства в уголовном процессе, что позволило бы более объективно, всесторонне рассматривать жалобу по существу. Основным источником получения доказательств и на что опирается судья, вынося решение, являются материалы уголовного дела, в рамках которого подается жалоба. Как правило, заявитель не всегда имеет возможность приложить к жалобе решение, которое он обжалует. Данное обстоятельство является препятствием для истребования уголовного дела судом и может послужить основаниям для возвращения жалобы заявителю для устранения недостатков, препятствующих ее рассмотрению².

Решение всех вышеуказанных проблем имеет важное правоприменительное значение для необходимости изменения правового положения лиц, которые за защитой своих прав и законных интересов обращаются в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку суд как орган, не осуществляющий уголовное преследование, не будучи заинтересованным в статистических показателях органов предварительного расследования и прокуратуры, имеет возможность обоснованно, справедливо и на основании закона не только установить факт нарушения прав, но и дать обязательное для исполнения указание о порядке устранения выявленных недостатков. Это бы способствовало повышению авторитета судебной власти, обеспечило право на доступ граждан к правосудию и снизило количество незаконных и необоснованных решений, принимаемых на досудебных стадиях. Таким образом, изложенное выше позволяет сделать выводы, что предмет доказывания в данном институте является специфическим, имеет свои особенности и отличается от предмета доказывания по основному уголовному делу; бремя доказывания лежит на обе-

¹ Конституционным Судом было дано определение в связи с жалобой гражданина Н. Н. Мачалабы, по мнению которого статья 125 УПК РФ должна быть признана неконституционной как исключаящая право лица, обжалующего в суд незаконное проведение обыска, на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и свидетелей, показывающих против него. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Мачалабы Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 125, 165, 182, 185, 186, 404, 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 5, 9, 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 590-О // Конституционный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. Электронный ресурс: URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>.

² Постановление Индустриального районного суда г. Ижевска от 17.03.2017 г. / по материалам досудебного производства № 3/10-49/17 // Архив Индустриального районного суда, г. Ижевск УР.

их сторонах, принцип презумпции невиновности в данном случае исключен; само понятие «доказательство» отличается от общепринятого в уголовном процессе и на практике носит более узкий характер.

Несмотря на тот факт, что практика обжалования действий (бездействия) органов предварительного расследования в суд существует не один год, до сих пор возникают вопросы по применению норм ст. 125 УПК РФ. Очевидна необходимость более четкой и детальной проработки процедуры рассмотрения жалобы в части представления, исследования доказательств, а также регламентации самой процедуры рассмотрения и разрешения жалоб судами.

Уголовно-процессуальный порядок предварительного расследования в рамках системы учета преступлений

Э. Ф. Болтачев,

*адъюнкт кафедры информационных технологий
(Академия управления МВД России)
eleldar@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы системы учета преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, а также проблемные вопросы, возникающие при учете преступлений.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовно-процессуальный порядок, предварительное расследование, учет преступлений.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации¹ (далее – УПК) регламентирован порядок рассмотрения сообщения о преступлении. По результатам его рассмотрения орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа может принять решение о возбуждении уголовного дела (далее – УД) при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации² (далее – УК).

После принятия решения о возбуждении УД проводится предварительное расследование, которое осуществляется либо в форме предварительного следствия, либо в форме дознания. Дознание может производиться в общем порядке или в сокращенной форме.

В соответствии с ч. 2 ст. 151 УПК определен перечень статей УК, по УД о которых проводится предварительное следствие. Перечень статей УК, по УД о которых должно проводиться дознание, указан в ч. 3 ст. 150 УПК. В отдельных случаях, по письменному указанию прокурора, УД могут передаваться для производства предварительного следствия.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 12.04.2019).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019).

Общие условия предварительного расследования определены гл. 21 УПК. В зависимости от формы реализации предварительного расследования УПК дифференцирован порядок и сроки его проведения.

Согласно ст. 156 УПК предварительное расследование начинается с момента возбуждения УД. Об этом следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление, в котором указывается факт принятия им УД к своему производству. Если же следователю или дознавателю поручается производство по уже возбужденному УД, то он выносит постановление о принятии его к своему производству.

Предварительное расследование производится по месту совершения преступления в соответствии со ст. 152 УПК. Если преступления были совершены в разных местах, то УД в установленном порядке расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них. Предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей.

В соответствии со ст. 153 УПК в одно производство могут быть соединены УД в отношении: нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии; одного лица, совершившего несколько преступлений; лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим УД. Соединение УД допускается также в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц.

Следователь и дознаватель вправе выделять из УД в отдельное производство другое УД в соответствии со ст. 154 УПК. В отдельное производство выделяются УД по новым преступлениям либо УД в отношении нового лица. Ст. 155 УПК регламентирован порядок выделения в отдельное производство материалов УД о совершении преступления, не связанного с расследуемым преступлением.

На основании ст. 162 УПК предварительное следствие по УД должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения УД. Срок предварительного следствия может быть продлен до 3 месяцев руководителем соответствующего следственного органа, а по УД, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия может быть продлен руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями до 12 месяцев. Дальнейшее прод-

ление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями.

Дознание в общей форме, согласно ст. 223 УПК, производится в течение 30 суток со дня возбуждения УД, а при необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток. Дознание в сокращенной форме производится в соответствии со ст. 226.1 УПК в течение 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме и может быть продлен прокурором до 20 суток в установленном порядке. В случае прекращения дознания в сокращенной форме и продолжения производства по УД в общем порядке срок дознания в сокращенной форме засчитывается в общий срок предварительного расследования.

Производство предварительного расследования оканчивается по УД, по которым предварительное следствие обязательно, в соответствии с установленными порядками прекращения УД (гл. 29 УПК), направления УД с обвинительным заключением прокурору (гл. 30 УПК) и действиями и решениями прокурора по УД, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 УПК). По остальным УД производство предварительного расследования оканчивается в соответствии с установленным порядком производства дознания (гл. 32 УПК), а ст. 226.7 УПК определяет порядок окончания дознания в сокращенной форме.

В соответствии со ст. 208 УПК предварительное следствие может быть приостановлено в следующих случаях: лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам; место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в УД отсутствует; временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях. Предварительное следствие возобновляется в соответствии со ст. 211 УПК. Действия ст.ст. 208 и 211 УПК распространяются и на предварительное расследование в форме дознания в соответствии со ст. 223 УПК.

При установлении следователем или дознавателем того факта, что УД ему не подследственно, после проведения неотложных следственных действий следователь передает УД руководителю

следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности. Также УД может быть передано для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган с письменным уведомлением прокурора о принятом решении.

Система учета преступлений и УД по ним определена межведомственным приказом «О едином учете преступлений»¹. Этот приказ, наряду с порядком регистрации и учета преступлений, регламентирует еще и порядок движения УД. Под движением УД здесь следует понимать одно из принятых по нему решений при проведении предварительного расследования.

Специалистами в данной области разработана и реализуется достаточно прозрачная схема учета преступлений². К поставленным на учет преступлениям текущего периода добавляется остаток преступлений, находившихся в производстве на начало отчетного периода, и вычитается количество предварительно расследованных преступлений, преступления, УД о которых прекращены по реабилитирующим основаниям или переданы по подследственности со снятием с учета, и преступления, УД о которых впервые приостановлены по пунктам 1, 2, 3 части 1 ст. 208 УПК РФ. Эта схема повторяется ежегодно и выражается следующим образом:

$$E_t = (E_{t-1} + P_t - (Q_t + F_t)), \quad (1)$$

при

$$Q_t = D_t + U_t + A_t, \quad (2)$$

где E – остаток преступлений, УД о которых находились в производстве на конец отчетного периода;

P – поставлено на учет преступлений по принятым в производство УД;

¹ О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399.

² *Гонов Ш. Х.* Актуальные вопросы уголовной статистики / Ш. Х. Гонов // Сборник трудов XXV Всероссийской конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 66–70.

Q – общее количество предварительно расследованных преступлений по УД;

F – преступления, УД по которым прекращены по реабилитирующим основаниям или переданы по подследственности со снятием с учета;

D – преступления, по УД о которых окончено производство предварительного расследования;

U – преступления, УД о которых впервые приостановлены по пунктам 1, 2, 3 части 1 ст. 208 УПК РФ;

A – преступлений, по УД о которых приняты иные процессуальные решения.

Рассмотренный процесс учета может быть выражен как однонаправленный направленный граф, вершинами которого являются состояния УД и соответствуют выражениям (1) и (2). Этот процесс может быть выражен также графически в виде блок-схемы (рис. 1).

Рис. 1. Блок-схема процесса учета преступлений

Исходя из рассмотренных требований УПК к порядку проведения предварительного расследования, становится очевидным, что существующая система учета преступлений самодостаточна и позволяет однозначно представить запись об учетном преступлении в виде кортежа с ключевым полем, соответствующим УД. Это позволяет избежать неоднократного учета преступлений и принятых по УД решений.

Значение раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших

Е. Е. Босак,

*преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
(Псковский филиал Академии ФСИН России)
pskovbosak@mail.ru*

В статье рассматриваются некоторые аспекты раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений и их значение для защиты прав и законных интересов потерпевших.

Раскрытие и расследование преступления, осужденный, следователь, оперативные подразделения ФСИН России.

Защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, совершенных осужденными в местах лишения свободы, представляет собой одно из приоритетных направлений как уголовного процесса в целом, так и раскрытия и расследования конкретного уголовного дела в частности.

Одним из элементов методики расследования пенитенциарных преступлений является взаимодействие представителей различных правоохранительных органов. В современных исследованиях общая цель такого взаимодействия имеет два направления – раскрытие и расследование преступления¹. Рассуждая о цели взаимодействия, отметим, что именно являлось ее доминантой в исследованиях о взаимодействии следователя с органами дознания, в том числе с оперативными подразделениями.

¹ См.: Драткин Л.Я. Уголовно-процессуальные новеллы и эффективность раскрытия преступлений // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 141–145; Ахмадуллин А.С. Понятия «раскрытие преступления», «выявление преступления», «очевидное и неочевидное преступления», используемые при формировании официальной правовой статистики // Законность. 2017. № 9. С. 45–48; Волынский А.Ф. Оперативно-разыскная деятельность в системе организации раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2017. № 21. С. 43–48; Низамов В.Ю. Психологические особенности взаимодействия следователя и оперативного сотрудника в расследовании и раскрытии преступлений // Российский следователь. 2016. № 12. С. 46–49; Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Организационные аспекты групповой методики расследования преступлений // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 35–39.

Расследование преступлений определяется как «установленная законом форма собирания, проверки, оценки и использования доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, то есть процессуальная деятельность органов дознания и следователей, предшествующая судебному разбирательству»¹.

Расследование пенитенциарного преступления осуществляется с учетом особенностей, обусловленных характерными для этого рода преступлений источниками информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и способами их установления. Отталкиваясь от последнего, под расследованием пенитенциарного преступления понимается предусмотренная уголовно-процессуальным законом деятельность следователя, осуществляемая при сопровождении оперативных аппаратов исправительных учреждений ФСИН России (далее – ИУ ФСИН России), направленная на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу о преступлении, совершенном осужденным в местах лишения свободы.

Определимся теперь с понятием раскрытия пенитенциарного преступления. Принято выделять уголовно-процессуальное, криминалистическое и оперативно-розыскное содержание понятия «раскрытие преступления». Перечислим сосуществующие определения, систематизированные Р.С. Белкиным²: 1) оперативно-розыскное раскрытие преступления означает, что преступник найден; 2) установление данных в объеме, позволяющем привлечь лицо в качестве обвиняемого; 3) установление обстоятельств, обосновывающих основания для составления обвинительного заключения; 4) весь уголовный процесс, завершающийся вступлением в законную силу приговора суда. Раскрытое преступление – преступление, по которому приговор вступил в законную силу. Таким образом, трактовка понятия раскрытого преступления связана с принятием итогового процессуального решения в отношении конкретного лица³.

По мнению А.С. Кудинова, раскрытие преступления при его расследовании есть наличие доказательств, достаточных для привлечения лица в качестве обвиняемого при его задержании или при применении меры пресечения⁴. Данная точка зрения представляет

¹ Мешков М.В. Предварительное следствие. М., 2009. С. 11.

² Цит. по: Белкин Р.С. Криминалистика. Криминальное право [Электронный ресурс]: право на vuzlib.net. URL: <http://www.pravo.vuzlib.net/> (дата обращения: 18.05.2013).

³ Там же.

⁴ Кудинов А.С., Кудинов А.С. Особенности организации взаимодействия сил и средств органов внутренних дел при раскрытии преступлений по горячим следам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

ся спорной, поскольку решение о задержании и избрании меры пресечения не всегда принимается одновременно с решением о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Согласимся с А.В. Страховым в том, что раскрытие преступления – скорее задача, расследование – деятельность¹. Под нераскрытым противоправным действием понимается преступление, производство о котором приостановлено по одному из оснований, предусмотренных ст. 208 УПК РФ². Таким образом, раскрытие преступления является составной частью его расследования. Субъектом раскрытия преступления может быть как следователь, так и оперативные подразделения в пределах не зависящей друг от друга компетенции, тогда как непосредственным субъектом расследования оперативные подразделения не являются.

В современных условиях раскрытие преступления должно рассматриваться как важнейшая, коллективно решаемая задача следователя и органов дознания. Следует подчеркнуть, что в местах лишения свободы оперативные аппараты ИУ ФСИН России имеют дополнительные возможности по установлению источников информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Так, оперативные подразделения ИУ наделены правом осуществления мероприятий, направленных на обеспечение режима³ в местах лишения свободы. Именно эта специфическая возможность оперативных аппаратов ИУ ФСИН России, в отличие от возможностей оперативных подразделений других ведомств, может быть использована в качестве дополнительного средства в процессе деятельности по установлению источников информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу о пени-тенциарном преступлении.

¹ Кучерук С.А. Тактика и взаимодействие органов следствия и дознания как основа деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в особо сложных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.

² Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений (п. 2.11) [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Режим в исправительных учреждениях – установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания (ч.1 ст. 82 УИК РФ).

В работе Н.А. Аменицкой цель взаимодействия, связанная с установлением виновного лица, отмечена как достоверное установление его виновности для решения судом вопроса о его справедливом наказании. Полагаем, что на досудебном производстве преждевременно говорить о достоверном установлении виновности выявленного лица, поскольку это нарушает конституционный принцип презумпции невиновности.

По В.В. Нечаеву цель взаимодействия – это быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона¹. Полагаем, что изобличение виновных поглощается предложенным нами определением раскрытия пенитенциарного преступления. Обеспечение правильного применения закона, по большому счету, является одним из принципов любой правоохранительной деятельности – это принцип законности, а поэтому выделять его как цель взаимодействия нет необходимости.

По мнению Т.Ф. Скогоровой (быстрое и полное расследование преступления) и Р.Г. Ушанова (расследование преступлений), взаимодействие необходимо осуществлять исключительно в целях расследования преступлений. М. Ю. Бекетов целью взаимодействия называет осуществление предварительного следствия по уголовным делам в соответствии с назначением уголовного судопроизводства². На наш взгляд, расследование преступлений не может являться целью взаимодействия, поскольку оно существует независимо от того, организовывал следователь взаимодействие с органами дознания или нет. Следовательно, осуществление предварительного следствия как цели взаимодействия, по нашему мнению, слишком обширно и его необходимо конкретизировать.

Несмотря на то, что заранее спланированное умышленное совершение преступления в местах лишения свободы – это часто упущение оперативных работников, цель взаимодействия должна быть общей, поскольку приоритетами здесь выступают интересы человека и общества, а не отдельного подразделения, делающего статистику. Именно поэтому общей единой и конечной целью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной дея-

¹ Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006; Нечаев В.В. Организационно-правовые основы взаимодействия следователя и дознания: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

² Бекетов М.Ю. Взаимодействие следователя органов внутренних дел с милицией при производстве предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

тельности является защита жизни и здоровья, прав и свобод личности и собственности, безопасности общества и государства от общественно опасных противоправных деяний. Цель же взаимодействия несколько уже и сводится к раскрытию преступления.

Дополнив определение А.В. Страхова¹ указанием на использование при взаимодействии средств режимного характера, предложим следующее определение раскрытия пенитенциарного преступления – комплекс мер уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и режимного характера, осуществляемых следователем, в производстве которого находится уголовное дело о пенитенциарном преступлении, совместно с оперативными аппаратами ИУ ФСИН России, направленных на обнаружение признаков состава преступления, исчерпывающее установление обстоятельств его совершения, выявление лиц, причастных к его совершению, и обеспечение привлечения виновных к установленной законом ответственности.

Учитывая вышеизложенное, взаимодействие следователя с оперативными аппаратами ИУ ФСИН России имеет общую цель в рамках расследования уголовного дела. Эта цель – раскрытие пенитенциарного преступления. Применение комплекса мер по раскрытию противоправного действия организуется следователем, в производстве которого находится уголовное дело о пенитенциарном преступлении, совместно с оперативными аппаратами ИУ ФСИН России.

В рамках раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений среди основополагающих начал уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности главенствует общий принцип, присущий каждой из них, *принцип законности* – конституционный принцип РФ². Принцип законности пронизывает всю деятельность правоохранительных органов, обязывает взаимодействующих должностных лиц к точному и неуклонному соблюдению требований Конституции РФ и российского законодательства. Так, нарушение следователем норм УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных незаконным путем доказательств, а значит и ограничение прав потерпевших на защиту своих нарушенных интересов. По сведе-

¹ *Страхов А.В.* Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в исправительных учреждениях ФСИН России [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Страхов Александр Владимирович. Владимир, 2007. С. 97.

² Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ст. 15 Конституции РФ).

ниям Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 г. в ходе прокурорских проверок выявлено свыше трех млн нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении и более одного млн нарушений при производстве предварительного расследования. По актам прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено более 170 тыс. должностных лиц органов предварительного расследования. В целом среди личного состава УИС за 2017 г. зарегистрировано более 115 тыс. нарушений законности.¹

В 2017 г. число выявленных прокурорами нарушений закона, допущенных органами дознания и следователем, оставалось значительным. На прежнем недозволительно высоком уровне остается число нарушений, допущенных в стадии возбуждения уголовного дела и при расследовании преступлений органами предварительного расследования. Качество следствия при расследовании уголовных дел, в том числе и качество взаимодействия, осуществляемого между правоохранительными органами, вовлеченными в процесс расследования пенитенциарного преступления, по-прежнему требует радикальных изменений, поскольку соблюдение законности напрямую влияет на обеспечение защиты прав и законных интересов потерпевших.

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/> (дата обращения: 11.09.2018).

К вопросу о придании непроцессуальной информации формы источника доказательства

М. А. Брейтер,

*адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
opin18@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема соотношения непроцессуальной информации с источниками доказательств, закрепленных в ст. 74 УПК РФ. Автором определена роль непроцессуальной информации при расследовании преступлений.

Расследование преступлений, непроцессуальная информация, доказательства, источники доказательств, доказывание.

Состояние преступности в РФ все еще достаточно тяжелое, несмотря на снижение (согласно официальной статистике) количества преступных деяний. На территории РФ по состоянию за январь – декабрь 2017 г. было зарегистрировано 2 058 476 преступлений, при этом, мы полагаем, что некоторые общественно-опасные деяния не выявляются, не регистрируются в установленном законом порядке либо умышленно декриминализируются сотрудниками правоохранительных органов. Данные статистики свидетельствуют о том, что раскрываемость преступлений в России составляет 54,3 % (т. е. раскрыто из 2 058 476 преступлений только 1 117 801)¹. Исходя из официальной статистики МВД России, получается, что граждане РФ недостаточно защищены от преступных посягательств, поэтому требуется совершенствование работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию общественно-опасных деяний.

В соответствии с уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ), а именно со ст. 14 УПК РФ, которая закрепляет такой важнейший принцип уголовного правосудия, как «презумпция невиновности», обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в уста-

¹ См.: Состояние преступности за январь – февраль 2017 // Официальная статистика ГИАЦ МВД России.

новленном законом порядке. Раскрытие и расследование преступлений осуществляется во взаимосвязи, однако только в процессе предварительного расследования происходит доказывание преступлений, тогда как в процессе раскрытия преступлений сотрудниками правоохранительных органов проводятся мероприятия, направленные на поиск информации о совершенных преступных деяниях, лицах, их совершивших, прежде всего путем осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Уже традиционно в советском уголовном процессе, а в последующем и в российском большинство ученых со скепсисом относятся к использованию указанных сведений в доказывании по преступлениям. А. Винберг, Г. Кочаров и Г. Миньковский, полагали, что «оперативно-розыскная деятельность должна рассматриваться как составная часть некоторых этапов доказывания (связанных с обнаружением доказательств)»¹. Множество ученых не видели предпосылок использования результатов ОРД в доказывании и склонялись к ориентирующему характеру таких сведений. В соответствии со ст.ст. 86–87 УПК РФ правом осуществлять доказывание по преступлениям наделяются следующие участники уголовного судопроизводства: суд, дознаватель, следователь, прокурор. Собираение, проверка и оценка доказательств осуществляется только путем проведения следственных и иных процессуальных действий. Любые сведения в доктрине уголовного процесса, полученные в ином порядке, нежели в установленном УПК РФ, обозначаются как «непроцессуальная информация». А.Р. Ратинов писал, что «доказывание не исчерпывает всех путей познания в уголовном судопроизводстве. Некоторые относящиеся к делу знания могут быть получены и непроцессуальным путем, из непроцессуальных источников, запечатлены в непроцессуальной форме в виде так называемой ориентирующей информации»².

Профессор Шейфер С. А. в своей монографии указывал, что более строгое правовое регулирование отдельных видов деятельности, направленных на выявление правонарушений, в том числе и преступлений, привело к необходимости рассмотрения сущности и правового определения использования результатов таких мероприятий в доказывании³. Следует признать, что доказыва-

¹ См.: Винберг А., Кочаров Г., Миньковский Г. Актуальные вопросы теории судебных доказательств // Социалистическая законность. 1963. № 3. С. 24.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 290.

³ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. С. 104.

ние отдельных видов преступлений не может быть осуществлено только с помощью сведений, полученных субъектами, осуществляющими предварительное расследование, в рамках проведения следственных и процессуальных действий. При расследовании преступлений в банковской сфере, должностных преступлений, пенитенциарных преступлений, преступных посягательств от экстремистской и террористической деятельности, преступлений, совершаемых организационными преступными сообществами или группами, широко используются непроцессуальные средства получения информации.

Нельзя не согласиться с В. П. Божьевым, что «познание обстоятельств уголовного дела, осуществляемое органами предварительного расследования и судом, возможно только через источники доказательств»¹. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств в УПК РФ допускаются следующие источники: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

И. А. Зинченко, указывал, что «источники же доказательств служат той процессуальной формой, в которой доказательства допускаются в уголовное судопроизводство»². Схожую позицию в свое время занимал Бедняков Д. И. Он обращал внимание на то обстоятельство, что источник является результатом извлечения информации из носителя с помощью установленных законом средств³. Мы разделяем мнение указанных ученых и в свою очередь полагаем, что определенное соотношение источников доказательств с процессуальной формой имеется, если брать в расчет приоритетное значение нормативно-правовой определенности средств извлечения информации.

Перечень «источников доказательств», закрепленный в ст. 74 УПК РФ, является предметом научной дискуссии. Для более детального изучения информационной составляющей доказательства необходимо определить значение «источников доказательств». По нашему мнению, источники доказательств можно условно разделить на две группы.

¹ См.: Божьев В. П., Лубенский А. И. Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств. М., 1981. С. 4–5.

² См.: Уголовный процесс. Проблемные лекции / под. ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 432.

³ См.: Д. И. Бедняков. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. С. 57.

Первая группа источников доказательств включает в себя источники доказательств, сведения, содержащиеся в которых, могут быть получены только в результате проведения следственных и процессуальных действий.

Вторая группа источников включает в себя источники доказательств, сведения, содержащиеся в которых, могут быть получены как в результате проведения следственных и процессуальных действий, так и в результате проведения непроцессуальных познавательных мероприятий.

В первую группу источников доказательств входят: показания участников уголовного судопроизводства; заключения и показания эксперта и специалиста; протоколы следственных и иных процессуальных действий.

Во вторую группу источников доказательств входят: иные документы; вещественные доказательства.

Показания участников уголовного судопроизводства представляют собой информацию, переданную следователю, дознавателю, суду, прокурору участниками уголовного судопроизводства (обвиняемый (подозреваемый), свидетель, потерпевший), затрагивающую обстоятельства расследуемого или рассматриваемого в суде преступного деяния. Экспертом даются показания только в рамках предмета судебной экспертизы, которая проводится при ее назначении следователем (дознавателем), судом, прокурором. Показания специалиста состоят в разъяснении вопросов, входящих в его компетенцию. Показания участников уголовного судопроизводства могут быть изложены как в устной, так и в письменной форме. Заключение эксперта (специалиста) всегда является письменным документом, составленным по результатам исследований, проводимым по запросам властных участников уголовного судопроизводства. В данном случае носителями информации указанной группы источников являются протоколы допроса, заключения эксперта (специалиста), протоколы следственных и иных процессуальных действий. Указанные источники, а равно информация, соответствует формальным требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Протоколы следственных и судебных действий представляют собой уголовно-процессуальные акты властных участников уголовного судопроизводства, которые являются результатами проведения следственных действий, судебных и иных процессуальных действий. Носителем информации будет являться протокол следственного (процессуального) действия, в совокупности с полученными в результате их производства материалами, документами и предметами. Источниками информации, на наш взгляд, будут выступать

протоколы (как форма их закрепления) и основания их проведения, выраженные в письменном виде.

Указанная группа источников доказательств не вызывает разногласий по поводу соответствия источников информации и содержащихся в них сведений, источников доказательств. Способами собирания указанных сведений являются процессуальные действия, проводимые лицами, являющимися субъектами доказывания.

Наиболее спорным, на наш взгляд, является содержание доказательств, относящихся к таким источникам, как «вещественные доказательства» и «иные документы». С одной стороны, уголовно-процессуальный закон строго регламентирует процедуру по сбору доказательственной информации, с другой стороны, в практике доказывания уголовных дел, как уже нами указывалось, достаточно широко используется информация, полученная непроцессуальным путем (в особенности сведения, полученные органами, осуществляющими ОРД). Примечательно, что из-за недостаточной законодательной определенности статуса «материалов, полученных в результате осуществления ОРД» достаточно сложно определить соотношение указанных сведений с источниками доказательств.

Исследовав структуру нормы права ст. 74 УПК РФ, мы приходим к выводу, что понятие «иные документы» представляет собой логическое противопоставление группе источников доказательств, не вызывающих сомнения в их процессуальности (т. е. соответствие процессуальной форме), к которым относятся: показания участников уголовного судопроизводства; заключения и показания эксперта и специалиста; протоколы следственных и иных процессуальных действий. Законодатель в ч. 2 ст. 84 УПК РФ определяет иные документы как любые документы (в том числе аудио-, видеозаписи и иные носители), полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Получение указанных материалов, истребование или представление участниками уголовного судопроизводства являются формами собирания доказательств. При этом представление доказательств осуществляется не только участниками уголовного судопроизводства, но и гражданами, организациями, должностными лицами и т. д., поскольку в ст. 84 УПК РФ не определяется круг субъектов, имеющих право предоставить сведения следователю (дознавателю), суду, прокурору. Кроме того, в отношении материалов, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий субъектами, осуществляющими ОРД, действуют правила представления их следователю, дознавателю,

суду, установленные ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и межведомственной инструкции «О представлении результатов ОРД следователю дознавателю, суду»¹. Вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ) также могут быть представлены следователю (дознавателю) лицами, не являющимися субъектами доказывания. Практика применения уголовно-процессуального закона сводится к наделению таких «источников доказательства», как иные документы и вещественные доказательства, функциями информационного канала, позволяющего использовать при формировании доказательств результаты непроцессуальных мероприятий. Ряд ученых полагают, что заключение непроцессуальной информации в форму источников «вещественные доказательства» или «иные документы» является единственным дозволенным способом придания непроцессуальной информации при надлежащей проверки ее носителя и источника, процессуальной формы².

Как отмечал В.С. Балашкин, «доказательство» объединяет в себе материальную, процессуальную и информационную сторону. Соответственно оно представляет собой юридическую конструкцию (систему), включающую *три* основных элемента: 1) сведения о фактах, 2) источники этих сведений и 3) способы и порядок собирания, закрепления и проверки сведений о фактах и их источниках³. Данная гипотеза, на наш взгляд, объясняет процессуальную и информационную основу в неразрывной связи как самого доказательства, так и процесса доказывания, признавая при этом юридическую значимость источника и носителя информации при оценке и проверки доказательства.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что сведения, полученные в результате осуществления непроцессуальных-позна-

¹ См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. например: *Аверкин С.Д.* Использование результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска), проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений: монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2011. С. 106; *Семенцов В. А.* Уголовное судопроизводство в механизме обеспечения национальной безопасности // Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 11.

³ См.: *Балашкин В.С.* Доказательства в уголовном процессе: материальный, процессуальный и информационный аспекты // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С.139.

вательных мероприятий, не являются доказательствами в готовом виде, но при этом могут составлять информационную основу доказательства. Дальнейшее развитие законодательных положений, регламентирующих вопросы имплементации непроцессуальной информации в плоскость уголовного судопроизводства, положительно скажется на раскрытии и расследовании преступлений, поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство нормативно не закрепляет использования непроцессуальной информации в уголовном судопроизводстве. Поэтому многие вопросы, требующие законодательного решения разрешаются путем применения лицами, осуществляющими уголовное преследование, норм УПК по аналогии, что для развития института доказывания является неблагоприятным фактором.

Проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса

Т. Н. Булатов,
начальник отдела Следственной службы
(МВД Кыргызской Республики)
migrantkg@yandex.ru

В статье исследованы проблемы обеспечения прав личности, в контексте соотношения прав, обязанностей и ответственности участников процесса, а также формах и средствах их разьяснения.

Права, обязанность и ответственность участников процесса, протокол ознакомления с правами и обязанностями, право на обжалование.

В юридической литературе определение пределов прав лица справедливо рассматривается как юридическое средство, обеспечивающее наиболее полную реализацию этого права¹. Одновременно такое уточнение границ и пределов не только права, но обязанности и ответственности выступает в качестве юридического средства, которое защищает и предупреждает нарушения прав и законных интересов личности.

Казалось бы, права те авторы, которые оспаривают отнесение к процессуальным гарантиям сами права и обязанности личности на том основании, что наличие прав ничего еще не гарантирует, поскольку права и обязанности являются объектом гарантии². Однако участники уголовного судопроизводства пользуются не одним единственным правом, а их совокупностью. В этой совокупности одни права могут служить средством обеспечения, другие – гарантиями. Например, право на обжалование действий и решений следователя обеспечивается, в частности, такими его правами, как получить копию постановлений, пользоваться помощью защитника при составлении жалоб и т. п. В свою очередь право на обжалование служит действенной гарантией защиты по существу всех других прав и интересов конкретного участника уголовного процесса. Сле-

¹ Витрук В.Н. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 314.

² Юрченко В.Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск, 1977. С. 55.

довательно к элементам механизма обеспечения статуса участников уголовного процесса можно отнести не только права, но и систему прав и обязанностей, а также и процессуальные средства их осуществления¹.

Однако регламентация правового статуса лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, сама по себе непосредственно не решает проблемы обеспечения их прав и законных интересов. Как правильно отмечено в юридической литературе, в уголовном судопроизводстве активность лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, «находится в прямой зависимости от усмотрения должностных лиц, наделенных властными полномочиями»². Поэтому важнейшим из средств, направленных на защиту и обеспечение прав участников процесса в сфере уголовного судопроизводства, являются обязанности должностных лиц, несущих ответственность за принимаемые решения в ходе производства следствия по уголовному делу. Однако в УПК КР, за редким исключением, отсутствует единая, логически последовательная, стройная система прав и обязанностей должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, не определен и круг их обязанностей (гл. 5 УПК КР).

Для того чтобы знать свои права и использовать их по назначению, участник процесса должен быть своевременно с ними ознакомлен³. Однако, как показывают результаты нашего исследования, в стадии возбуждения уголовного дела примерно в 30 % случаев участники процесса не были ознакомлены должным образом со своими правами и обязанностями, предусмотренными в УПК КР. В стадии же расследования, хотя участники уголовного процесса были ознакомлены с правами, с их разъяснением, однако в 41 % случаев это носило формальный характер, ибо в материалах уголовных дел не нашло своего отражения либо содержание процессуальных документов не соответствовало процессуальной форме их оформления (свыше в 30 % случаев).

¹ *Гладышева, О. В.* Теоретическая модель механизма обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 13.

² *Володина Л. М.* Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 104.

³ С аналогичной позиции проведено исследование и в России, согласно данным которого также в процессуальных актах способы и условия разъяснения прав участников процесса не соответствуют процессуальной форме закона (25 % случаев). Более подр. см.: *Овчинников Ю. Г.* Надлежащая фиксация прав и обязанностей участников процесса в процессуальных документах органов предварительного расследования // *Российский следователь*. 2012. № 24. С. 26–28.

Исследованием также установлено, что из числа проанализированных 320 процессуальных документов, в части отражения и разъяснения прав участников уголовного процесса, только 210 из них (65,6 %) полностью соответствовали процессуальной форме закона, т. е. в содержательной части в этих документах хотя и формально соблюдены требования ч. 6 ст. 170 УПК КР, но не были приведены ссылки на нормы УПК, где указаны права и обязанности участника процесса.

На наш взгляд, участники уголовного процесса должны четко себе представлять объем своих правомочий и объем возложенных на них обязанностей, а также характер негативных последствий, к которым может привести несоблюдение обязанностей.

Важно также учитывать, что и для лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых, и для потерпевших сама по себе ситуация, вызванная преступлением или происшествием, возбуждением уголовного дела, его расследованием, вызовами на допрос в правоохранительные органы, – это стрессовая ситуация. Данные обстоятельства серьезно влияют на способности гражданина полноценно воспринимать полученную устно информацию и, следовательно, затрудняют возможность реализации прав и защиты своих законных интересов. Кроме подозреваемых, обвиняемых и потерпевших в уголовном деле могут принимать участие и иные субъекты расследования, которые также имеют собственные интересы и рассчитывают на точное и полное знание своих правомочий: гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители несовершеннолетнего обвиняемого или потерпевшего и иные граждане.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами представляется целесообразным дополнить ст. 58 УПК Кыргызской Республики частью второй, указав в ней, что на судье и следователе лежит обязанность разъяснять участвующим в уголовном деле лицам их права, обязанности и ответственность и вручать каждому из них перед началом любого процессуального действия документ, который можно именовать как «протокол ознакомления с правами и обязанностями участника процесса». При этом необходимо определить порядок и сроки вручения такого процессуального документа соответствующему лицу, по примеру расписки о вручении постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Следует также оговориться в УПК, что по сложившейся судебной практике невручение такого процессуального документа на досудебном производстве будет являться существенным нарушением требований УПК со всеми вытекающими последствиями.

Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции 34/169 от 17 декабря 1979 г., перечисляя ряд аргументов в пользу принятия Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, в частности, установила, что принимает Кодекс, «сознавая важность задачи, которую добросовестно и с достоинством осуществляют должностные лица по поддержанию правопорядка в соответствии с принципами прав человека, памятуя, однако, о возможных злоупотреблениях, которые связаны с осуществлением этих обязанностей...»¹.

Поэтому гарантией выполнения обязанностей со стороны должностных лиц должна быть предусмотрена правовая ответственность лиц, не обеспечивших предписание закона. В связи с этим следует обратить внимание на отмеченный Л. М. Володиной пробел в существующем механизме обеспечения прав личности – отсутствие в законодательстве четких последствий ненадлежащего исполнения или неисполнения обязанностей субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Далее она предлагает четко закрепить не только обязанности должностных лиц, призванных осуществлять производство по уголовному делу, но и последствия ненадлежащего исполнения обязанностей².

Действительно, до тех пор, пока констатация обязанности в праве не будет сопровождаться указанием на возможную меру ответственности за ее неисполнение, нельзя говорить ни о стабильности правоотношений, ни о реальной защите прав личности. Ответственность должна стать обязательным элементом правового статуса участников уголовного процесса, а в системе процессуальных средств прав, свобод личности ее место предопределено важной целью: обеспечить защиту прав, свобод и интересов личности от процессуальных правонарушений.

Законодатель, учитывая как возможность, так и реальность ошибок в судебной и следственной практике и стремясь к дальнейшему укреплению законности, особо выделяет в сфере защиты прав, свобод и интересов участников процесса – право на обжалование действий и решений органов дознания, следователя, прокурора

¹ Справедливо отмечает О. А. Зайцев, что следователь, прокурор и суд должны разъяснить смысл и содержание прав в понятных для соответствующего участника уголовного процесса выражениях. См.: *Зайцев, О. А.* Комментарий к ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» // Уголовное право. 2002. № 2. С. 65. Однако следует отметить, что участникам процесса помимо прав необходимо разъяснять и обязанности.

² *Володина Л. М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 292–293.

и суда (ст. 25, гл. 15 УПК КР; ст. 19, гл. 16 УПК РФ). При этом, он (законодатель) ставит перед собой глубоко гуманную задачу – ликвидировать неблагоприятные материальные и моральные последствия, причиненные от незаконных действий и уголовно-процессуальных решений (гл. 46 УПК КР)¹.

Право, в том числе и уголовно-процессуальное, может рассматриваться не только как совокупность норм, в которых конкретно закреплены права и обязанности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, других участников процесса, но и как деятельность субъектов, применяющих, исполняющих и соблюдающих правовые предписания.

Поэтому исследование процессуального права в действии включает в себя изучение не только правовых норм, но и всего механизма правового регулирования, в том числе объективных и субъективных факторов. К таковым, например, относятся: организация деятельности государственных органов и должностных лиц в уголовном процессе; требования профессиональной подготовленности должностных лиц к выполнению тех или иных полномочий; социально-психологические условия деятельности и личностные качества правоприменителя – следователя, прокурора и судьи. При этом надо учитывать, что эта деятельность формируется не только под влиянием уголовно-процессуальных средств, но и других факторов (организационных, идеологических и т. д.). Это, как представляется, не лишает деятельность характера процессуальной гарантии, как полагали некоторые ученые², поскольку она осуществляется в рамках производства по уголовному делу.

Следователь и прокурор, выполняя возложенные на них функции от имени государства, проявляют в ней (в деятельности) свою волю и способности решать определенные задачи. При этом способы решения стоящих перед ними задач выбираются ими самими в зависимости от их способностей, умения, профессионализма, свойств личности и ряда иных факторов. Это может быть сила убеждения, высокоразвитая логика, основанная на собранных по уголовному делу доказательствах, но это может быть и шантаж, угрозы, прямое подавление воли физическими методами воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе.

¹ Эти два средства (гарантии) защиты, обеспечения и восстановления прав, свобод и законных интересов личности, как мы указали, возведены в ранг принципов уголовного процесса.

² Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: изд-во Московского ун-та, 1972. С.13.

Дифференциация процессуальной формы промежуточных судебных решений в уголовном судопроизводстве

С. В. Бурмагин,

*старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент
(Северный институт предпринимательства)
serburmagin@yandex.ru*

В статье уточняется понятие промежуточного судебного решения в уголовном процессе и анализируются процессуальные порядки их вынесения. Раскрыта проблема обеспечения прав личности при применении устной формы решения и даны рекомендации по оптимальному выбору между письменной и устной формами промежуточных решений.

Уголовное судопроизводство, итоговое решение, промежуточное судебное решение, письменная форма, аудиозапись судебного заседания.

Общеизвестно, что все судебные решения в уголовном процессе по отношению к главному вопросу, поставленному в деле на разрешение суда, делятся на итоговые и промежуточные, однако законодательное закрепление этих понятий с точки зрения отражения сущностной стороны этих явлений не является безупречным.

Законом установлено: итоговое судебное решение есть приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу, а промежуточное – все иные определения и постановления суда (пункты 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ). В развитие данных положений закона Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 ноября 2012 г. № 26¹ разъяснил, что под итоговым судебным решением следует понимать приговор, определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, либо определение или постановление суда, вынесением которых завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица. Далее, исходя из позиции законодателя, определившего итоговое решение как результат рассмотрения исключительно уголовного дела, Верхов-

¹ О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума ВС РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 // БВС. 2013. № 1.

ный Суд РФ отнес к промежуточным решениям все решения в ходе досудебного производства по делу, а также в процессе исполнения итоговых судебных решений (п. 4 постановления).

Такой подход представляется методологически неверным, сужающим понятие итогового решения и не учитывающим наличие в уголовном судопроизводстве относительно самостоятельных и вполне обособленных от уголовного дела судебных производств, осуществляемых судом на досудебных стадиях уголовного процесса и в стадии исполнения приговора, в рамках которых, так же как и в основном производстве – уголовном деле, направленное в суд обращение, породившее судебное производство, рассматривается по существу поставленного в нем вопроса и завершается итоговым решением, которое может быть обжаловано в вышестоящие судебные инстанции независимо от состояния и движения самого уголовного дела¹. По нашему убеждению, все решения, которыми завершаются судебно-контрольные производства (в досудебных стадиях), производства по вопросам, связанным с исполнением приговора, а также производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, имеют все существенные признаки итоговых судебных решений наравне с итоговыми решениями суда первой инстанции по уголовному делу, поэтому должны охватываться общим понятием.

Исходя из такой позиции, к промежуточным решениям следует относить решения суда, выносимые на этапах подготовки и проведения судебного разбирательства, не касающиеся разрешения основного вопроса по судебному делу, а предназначенные для решения частных, чаще процедурных вопросов, носящие вспомогательный характер и направленные на организацию судебного разбирательства и обеспечение надлежащих условий его проведения. К таким решениям относятся различного рода подготовительные, обеспечительные и организационные постановления и определения (о назначении судебного заседания, о приводе свидетеля, об отложении судебного заседания, о назначении экспертизы и многие другие).

Процессуальный закон не устанавливает различий в порядке принятия однородных промежуточных решений для разных судебных производств, а судебная практика издавна унифицировала его, распространив процессуальную форму принятия промежуточных решений, установленную для судебного производства по уголовному делу, на рассмотрение как судебно-контрольных дел, так и дел

¹ Подробнее об этом см.: *Бурмагин С.В.* Статус и деятельность суда в уголовном процессе. М.: Проспект, 2016. С. 83–88.

по вопросам, связанным с исполнением приговора. Данное обстоятельство позволяет нам при исследовании поставленного вопроса абстрагироваться от характера судебного дела (вида судебного производства).

В отличие от итоговых судебных решений, для каждого из которых обязательна письменная форма, для промежуточных решений, независимо от существа дела, рассматриваемого в порядке уголовного судопроизводства, установлен дифференцированный порядок их принятия и вынесения. Определенная часть решений (в случаях, прямо указанных в законе) выносится в строго письменной форме в виде отдельного процессуального документа, а если решение принимается в ходе судебного заседания, то и с его обязательным постановлением и изготовлением в совещательной комнате. Остальная (более значительная) часть решений выносится в альтернативном порядке: либо письменно, либо устно по усмотрению суда (ч. 2 ст. 256 УПК РФ). Устные решения выносятся судом открыто, непосредственно в судебном заседании, путем совещания судей «на месте», при этом в письменной форме решение не составляется, а его наименование и содержание после провозглашения фиксируется секретарем судебных заседаний в протоколе судебного заседания посредством соответствующей записи.

Как показывает практика уголовного правосудия, в устной форме принятия промежуточных решений кроется ряд серьезных проблем, связанных с обеспечением как процессуальных прав участников судопроизводства, так и основополагающих прав личности, а также исполнимостью этих решений.

Во-первых, законодатель не охватил такие обязательные случаи письменного изготовления промежуточных решений, когда судебное решение направляется для исполнения другим органам власти, организациям, учреждениям, должностным лицам: о направлении дела по подсудности, о розыске подсудимого, о приводе, о доставлении (этапировании) в судебное заседание обвиняемого или свидетеля, о применении любых иных мер процессуального принуждения, а также частные постановления и определения суда. Исполнение подобных решений, вынесенных в устной форме, очевидно, неосуществимо, и потому по сложившейся практике они принимаются в порядке изготовления отдельного процессуального акта.

Во-вторых, согласно принципам законности и справедливости уголовного судопроизводства (ст. 7 УПК РФ; ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) любое постановление, определение суда, а следовательно и вынесенное в устной форме, должно быть обоснованным и мотивированным. Несоблюдение

этих нормативных предписаний, как правило, влечет нарушение иных принципов судопроизводства, ущемление уголовно-процессуальных и личностных прав участников судебного разбирательства: права на судебную защиту, на доступ к правосудию, на справедливое судебное разбирательство, на обжалование судебного решения и др.

Согласно указанным нормативно-правовым требованиям, предъявляемым к судебным решениям, судья (председательствующий) обязан не только объявить результирующую часть устного решения суда, но и сообщить присутствующим мотивы и основания – как фактические, так и юридические, и при необходимости разъяснить суть такого решения, а секретарь судебного заседания – занести все объявленное судьей в протокол судебного заседания, не ограничиваясь шаблонной записью «постановление вынесено и оглашено».

На практике судьи не часто прибегают к письменной форме решения тогда, когда закон разрешает ограничиться его устным провозглашением. Между тем при объявлении устного решения суду нередко весьма затруднительно «на ходу» достаточно четко и полно обосновать и мотивировать принятое решение, а иногда и сформулировать его суть. Невнятное же оглашение решения затрудняет правильное его восприятие и понимание участниками судебного процесса, а секретарю судебного заседания и точное отражение решения в протоколе судебного заседания. Зачастую участники судопроизводства и наблюдатели сталкиваются с ситуациями, когда судьи значительно сокращают эту и без того упрощенную процедуру вынесения устных решений. Публикации в юридической печати, исходящие, в частности, от адвокатского сообщества, изобилуют небезосновательными жалобами на немотивированность и произвольность устных решений, особенно по важным для сторон и исхода дела вопросам, связанным с истребованием и исследованием доказательств. Ознакомление с реальными протоколами судебных заседаний подтверждает наличие этой проблемы. В них, в лучшем случае, содержатся записи типа «суд, совещаясь на месте, постановил...», после которых указывается суть, формулировка принятого решения без какого-либо обоснования и очень редко – ссылка на конкретную норму закона. Содержание таких протоколов свидетельствует, что судья не утруждал себя какими-либо разъяснениями принятого в устной форме решения.

С другой стороны, возможны и встречаются на практике случаи безосновательных упреков в адрес судебных органов в немотивированном и (или) необоснованном решении, проверить которые

затруднительно ввиду сложности полноценного мотивирования устных решений, что не может не учитываться судами вышестоящих судов при оспаривании этих решений.

В каком направлении искать решение обозначенной нами проблемы? Отказаться от дифференцированного порядка вынесения промежуточных решений? Конечно, письменная форма судебного решения более предпочтительна с точки зрения соблюдения требований обоснованности и мотивированности процессуальных актов и обеспечения прав участников судопроизводства, в частности права на справедливое судебное разбирательство. При письменном оформлении решения более-менее ясно, чем руководствовался суд при принятии решения, на основании чего сделал свои выводы, какими правовыми нормами оперировал. Письменная форма не только обеспечивает возможность обжалования решения заинтересованным лицом, но и облегчает его проверку вышестоящим судом.

Однако такой, казалось бы, легкий путь решения проблемы представляется неприемлемым. Абсолютное большинство промежуточных решений по большинству дел не носят спорного характера, касаются простых процедурных вопросов, и требовать от суда по каждому из них удаляться в совещательную комнату и составлять письменное решение совершенно нерационально. Очевидно, что такой поворот в развитии уголовного правосудия будет не оправдан ни с позиции процессуальной экономии, ни с точки зрения оперативности процесса и соблюдения права на разумный срок уголовного судопроизводства. Следовательно, выход видится в развитии дифференцированного подхода к уголовно-процессуальному порядку принятия промежуточных решений и выработке (прежде всего в судебной практике) критериев выбора между письменной и устной формами вынесения решения в допускаемых законом случаях.

На наш взгляд, выносить в судебном заседании промежуточное решение в письменной форме: а) обязательно в случаях, когда принимаемое решение подлежит направлению для исполнения другим органам власти, организациям, учреждениям, должностным лицам; б) необходимо, когда по заявлению, ходатайству или несколькими ходатайствам сторон разрешается сложный процессуальный вопрос или комплекс таких вопросов, требующих от судьи (судей) для их правильного разрешения оценки доказательств, дополнительного изучения материалов дела, обдумывания и обсуждения решения, его серьезного обоснования и мотивирования, что весьма затруднительно осуществить в устной форме в зале судебного заседания;

в) целесообразно, когда решение существенным образом затрагивает конституционные и иные основные права и свободы личности.

В устной форме принятие решений в ходе судебных заседаний должно допускаться по несложным, процедурным вопросам, разрешение которых не требует от суда основательной аргументации. Такие решения должны быть доступны для понимания участникам процесса «на слух», т. е. при прослушивании их устного провозглашения, а их суть и мотивы принятия – достаточно просты и очевидны.

Важной гарантией обоснованности и соблюдения порядка вынесения в устной форме промежуточных решений по уголовным делам и, соответственно, обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве послужит новое правило протоколирования судебного заседания с обязательным использованием средств аудиозаписи, которое вводится с 1 сентября 2019 г. на основании Федерального закона от 29.07.2018 № 228-ФЗ¹. Аудиозапись хода судебного заседания, как ожидается, снимет накал страстей вокруг проблемы фальсификации протоколов судебных заседаний и, что важно в контексте исследуемой темы, с одной стороны, будет стимулировать судей к оглашению мотивов и оснований, принимаемых в устной форме решений, а с другой – снизит количество надуманных обвинений в неаргументированности того или иного устного промежуточного решения.

Дифференцированный подход к выбору формы принятия промежуточного решения в совокупности с дополнительной гарантией объективной фиксации его принятия и провозглашения – применением аудиозаписи – будет способствовать, на наш взгляд, более высокому уровню обеспечения прав личности в уголовном правосудии, повышению его качества и законности.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2018 № 228-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4817.

Отличие правового статуса гражданина РФ от иностранного гражданина

О. А. Ветрова,

адъюнкт

(Академия управления МВД России)

В статье рассматриваются отличия правового статуса гражданина Российской Федерации от правового статуса иностранного гражданина; заслуживает внимания вывод, что права и свободы рассматриваемой категории лиц не только могут, но и должны быть ограничены в соответствии с Конституцией РФ, принципами и нормами международного права, национальным законодательством РФ.

Правовое положение, правоохранительные органы, правовой статус, права, обязанности, законные интересы, иностранные граждане.

Незаконная миграция требует срочного реагирования в целях обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, прав, свобод и законных интересов граждан РФ. Однако существует ряд проблем, мешающих устранению указанного явления, а также снижающих эффективность принимаемых мер.

Правовой статус (от лат. status – состояние, положение) в общей теории права обычно трактуется как правовое положение гражданина. В обществе юридически закрепленное положение субъекта правоотношений принято называть правовым статусом личности. Некоторые авторы между тем отмечают, что правовой статус устанавливается основными законоположениями страны и является общим для всех граждан, а правовое положение граждан различно, так как оно определяется совокупностью объективных и субъективных факторов¹.

Л. Д. Воеводин ставил понятия правового статуса и правового положения в один ряд: «Правовое положение советских граждан, их правовой статус – это комплексная категория. Изучая закрепленные в Конституции права и обязанности граждан, необходимо

¹ Дерюга Н. Н. Семейная правосубъектность осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Хабаровск, 2000. С. 7.

исходить именно из такого представления о правовом положении, правовом статусе советских граждан»¹.

С.С. Алексеев указывает, что в содержание правового статуса входит правосубъектность, а также основные права, которые определяют правовое положение в обществе или в данной области жизни².

По мнению Н.И. Матузова, правовой статус включает в себя следующие элементы: правовые нормы, устанавливающие данный статус, правосубъектность, основные права и обязанности, законные интересы, гражданство, юридическую ответственность, правовые принципы, правоотношения общего (статусного) типа³. При этом данная структура является на сегодняшний момент наиболее широким пониманием правового статуса.

Н.В. Витрук в содержание правового статуса включал законные интересы личности, свободы, обязанности и права личности, которые признаются государством⁴. Он разграничивал юридические категории «правовое положение» и «правовой статус». Понятие правового положения является более широким понятием и включает в себя правовой статус, а именно: гражданство, правосубъектность, а также юридические гарантии прав и свобод личности. В состав правосубъектности входят такие элементы, как вменяемость, деликтоспособность, дееспособность и правоспособность. Она является неотъемлемой частью правового положения. На наш взгляд, нельзя не согласиться с данной точкой зрения, так как права, свободы, законные интересы так же, как и обязанности, непосредственно влияют на определение места индивида в системе общественных отношений и, таким образом, входят в содержание его правового статуса.

Правовой статус личности является одной из самых сложных категорий теории государства и права. В самом общем виде в юридической науке он определяется как система признанных и гарантированных государством прав, свобод и обязанностей личности, персонифицирующих индивида как субъект права⁵.

¹ Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 6.

² Алексеев С.С. Государство и право: Начальный курс. М.: Юридическая литература, 1994. С. 93.

³ Матузов Н.И. Право и личность // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 228.

⁴ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 38.

⁵ Теория государства и права: учебник / под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп. и перераб.: в 3-х томах. Т. 2. СПб.: Фонд «Университет». 2010. 344 с.

В Конституции РФ определяется основа правового статуса личности, который является также и конституционным статусом. В содержание конституционного статуса входят права, свободы и обязанности. Конституционным статусом определяется мера возможного и должного поведения личности, пределы ее свободы; он подразделяется на правовой статус гражданина РФ, правовой статус иностранца и правовой статус апатрида. При этом наиболее широкими правами в Российской Федерации пользуются ее граждане, которые также несут обязанности.

Основные права и свободы личности в Российской Федерации закреплены в гл. 2 Конституции «Права и свободы человека и гражданина». Так, провозглашается, что гражданин РФ обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ. Права и свободы человека и гражданина подразделяются в юридической науке на следующие группы: социальные, культурные, личные, экономические, экологические, социальные, экологические.

В Российской Федерации правовой статус личности имеет следующую структуру: общий правовой статус, который является единым и одинаковым для всех – конституционный статус; специальный правовой статус – это особый статус определенных категорий граждан, у которых имеются дополнительные специфические права, льготы, обязанности, предусмотренные законодательством; индивидуальный правовой статус – совокупность персонифицированных прав и обязанностей конкретного лица, его единичный статус (данный статус меняется вместе с изменениями в жизни человека).

Со статусом гражданина как человека тесным образом связаны личные права (например, право на жизнь), поэтому они существуют у всех людей вне зависимости от наличия или отсутствия гражданства. Права же политические обусловлены состоянием гражданства, которое имеет или не имеет человек в данном государстве. Как правило, иностранные граждане не обладают многими политическими правами.

Положение Конституции РФ, закрепленное в ч. 2 ст. 19, о равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности, пола, происхождения, языка и расы, распространяется далеко не на всю совокупность прав и свобод, а только на естественные права, которые являются основными правами личности. Указанная оставшаяся часть прав и свобод, закрепленная в Конституции РФ, в свою очередь, распространяется на граждан Российской Федерации. Правовая связь личности и государства обеспечивается

гражданством, которое наделяет обе стороны взаимными правами и обязанностями.

Ст.ст. 2, 3, 6, 7, гл. 2, отдельные нормы глав 4, 5, 7 Конституции РФ закрепляют основы правового статуса гражданина Российской Федерации. Основные положения, определяющие правовой статус личности, закреплены в федеральных конституционных законах: «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О референдуме в Российской Федерации», «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; в законах «О гражданстве Российской Федерации», «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и во многих других федеральных законах и подзаконных актах. При этом правовое положение (статус) человека и гражданина в полном объеме устанавливается и регулируется совокупностью норм всех отраслей права. Нормы же конституционного права закрепляют и регулируют наиболее важные права и обязанности, составляющие основы правового статуса личности, а другие отрасли права (семейное, трудовое, гражданское и т. д.) закрепляют права и обязанности индивида в определенных сферах правоотношений, конкретизируют их.

Иностранцам на равном основании – так же, как и гражданам РФ, предоставляются основные конституционные права и свободы, независимо от национальности, религии, пола, расы, материального и служебного положения. Человеку от рождения принадлежат основные конституционные права, свободы и обязанности: они выражают всю систему взаимоотношений государства и личности. В Конституции подчеркивается роль и значение норм, закрепляющих правовой статус человека и гражданина, указывается, что эти нормы являются частью конституционного строя РФ. Так, нормы гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции не могут быть изменены ни парламентом, ни Президентом РФ. Конституционный статус является основой индивидуального статуса человека и влияет на положение личности в обществе. Индивидуальный статус зависит от многих факторов, например таких, как общественное, семейное, иное положение конкретного человека, от его профессии и т. д.

Однако необходимо понимать, что правовой статус иностранных граждан значительно отличается от правового статуса граждан РФ. Иностранец – это физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказатель-

ства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Конституция РФ определяет также и правовой статус иностранного гражданина. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами нашего государства, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ. В ч. 1 ст. 27 Конституции говорится, что каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Лица, находящиеся на территории нашего государства, вне зависимости от того, являются ли они гражданами России или нет, обязаны соблюдать законодательство РФ. В связи с указанным важнейшее значение имеет определение правового статуса иностранного гражданина, находящегося на территории нашего государства.

Определяя правовой статус иностранного гражданина, следует уточнить понятийный аппарат по вопросам пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации. Во всем мире юридическая практика использует институт правового режима, нацеленный на регламентацию важных проблем, связанных с внутригосударственной и международной безопасностью. Правовой режим пребывания иностранцев – это совокупность прав и обязанностей иностранных граждан, устанавливаемых национальным законодательством и международными договорами на время нахождения в стране пребывания¹.

По мнению П. Б. Музыченко и Ю. П. Музыченко, административно-правовой статус – это совокупность прав и обязанностей, обеспечиваемых и гарантируемых административным правом. Он подразделяется на правовой статус гражданина, человека и личности и состоит из следующих элементов.

1. Структура, включающая в себя: права и законные интересы граждан; обязанности граждан; правоспособность; дееспособность; гражданство. При этом правоспособность и дееспособность входят в состав правосубъектности.

2. Содержание, в которое входит комплекс прав и обязанностей, регламентированных нормами административного права, то есть определенные правовые связи и отношения между гражданами и государством.

¹ *Музыченко П. Б., Музыченко Ю. П.* Юридическая ответственность иностранных граждан в Российской Федерации. Научное издание // Издательство ТОГУ. Хабаровск, 2014. С. 9.

3. Механизм регулирования, включающий в себя принципы правового положения, гарантии прав и обязанностей, способы их реализации и защиты, ответственность за нарушение прав и несоблюдение обязанностей (совокупность правовых средств, с помощью которых государство определяет и обеспечивает положение гражданина в политической системе общества)¹.

Основные вопросы пребывания иностранных граждан в России закреплены в Конституции Российской Федерации, Федеральных законах «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. (ратифицирована СССР в 1964 г.), в Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, и в других международных договорах и консульских сношениях с определенными странами. Так, в соответствии со ст. 24 Федерального закона РФ от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым в Российской Федерации в этом качестве².

Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ»³ определяет правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан на территории нашей страны, и отношения, возникающие между иностранными гражданами и государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами указанных органов. Данный закон подразделяет иностранных граждан, находящихся на территории России на законных основаниях, на три категории: временно пребывающие (до 90 суток); временно проживающие (до 3-х лет); постоянно проживающие (получившие вид на жительство на срок не более 5-ти лет).

В соответствии с российским законодательством иностранные граждане, законно находящиеся на территории нашей страны,

¹ Там же. С. 6.

² О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон РФ от 15.08.1996 № 114-ФЗ (в ред. от 11.10.2018 г.) // Рос. газ. 1996. № 159. 22 августа.

³ О правовом положении иностранных граждан в РФ: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 19.07.2018) // Рос. газ. 2002. № 140. 31 июля.

имеют ряд правоограничений. Так, временно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин не вправе по собственному желанию изменять место своего проживания в пределах субъекта Российской Федерации, на территории которого ему разрешено временное проживание, или избирать место своего проживания вне пределов указанного субъекта РФ. Иностранный гражданин не может быть избранным в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, не имеет права избирать, а также участвовать в референдуме Российской Федерации и референдумах субъектов Российской Федерации.

Следовательно, правовой статус иностранного гражданина отличается своим объемом прав и обязанностей от правового статуса гражданина РФ. Причем логично представить, что объем прав иностранных граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы, должен быть еще меньше, а объем обязанностей – больше. Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность такого ограничения прав и свобод личности в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Иностранные граждане, отбывшие наказание в виде лишения свободы, безусловно, создают угрозу государственной безопасности РФ, здоровью, правам, свободам, законным интересам граждан РФ, а иногда конституционному строю и нравственности. Это значит, что права и свободы рассматриваемой категории лиц не только могут, но и должны быть ограничены в соответствии с Конституцией РФ, принципами и нормами международного права, национальным законодательством РФ.

К вопросу об исчислении процессуальных сроков проверки сообщения о преступлении

В. А. Видягин

(Академия Управления МВД России)

vvidyagin@mvd.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы о проблемных моментах, связанных с порядком исчисления процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела. Делается вывод о некотором несовершенстве ст. 128 УПК Российской Федерации и необходимости внесения изменений в ее содержание.

Законность, исчисление процессуальных сроков, своевременность рассмотрение сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела.

В последние годы руководством МВД России, а также органов прокуратуры проводится активная работа, направленная на укрепление законности в деятельности сотрудников МВД России, связанной с рассмотрением сообщений (заявлений) о преступлении.

Так, 26 марта 2014 г. принят межведомственный приказ № 147 / 209/187/23/119/596/149/196/110/154 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях». Основываясь на положениях указанного приказа, практически во всех субъектах Российской Федерации были приняты аналогичные межведомственные приказы регионального уровня (пример: межведомственный приказ прокуратуры Кировской области, УМВД России по Кировской области, УФСКН России по Кировской области, УФССП России по Кировской области и ГУ МЧС России по Кировской области от 29.07.2014 №235/443/126/194/334 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений при разрешении сообщений о преступлениях»).

Далее, 26 января 2017 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации был введен в действие приказ № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», в котором разработан комплекс мер, направленный

на повышение прокурорского надзора за деятельностью органов дознания.

На ведомственном уровне МВД России в 2016 г. были разработаны и разосланы в территориальные органы МВД России методические рекомендации по способам и порядку выявления скрытых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации сообщений (заявлений) граждан и иной информации о преступлениях от регистрации (указание МВД России от 08.06.2016 №1/5326).

Однако меры, принимаемые в настоящее время, не в полной мере решают задачу обеспечения законности при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Так, по состоянию за 12 месяцев 2017 г. количество выявленных нарушений со стороны прокуратуры в указанной сфере выросло с 1 289 297 до 1 362 998 (+0,4 %)¹.

В соответствии с положениями ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) одной из основных обязанностей полиции является прием и регистрация (в том числе в электронной форме) заявлений и сообщений о преступлениях; выдача заявителям на основании личных обращений уведомлений о приеме и регистрации их письменных заявлений о преступлениях, осуществление в соответствии с подведомственностью проверки заявлений и сообщений о преступлениях.

Полнота, своевременность и качество рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях являются важнейшими составляющими в ходе реализации гражданами своего права на защиту со стороны государства от противоправных действий, права потерпевших на доступ к правосудию, закрепленного в ст. 52 Конституции Российской Федерации.

В целях реализации положений ст. 12 Закона о полиции 29 августа 2014 г. в МВД России был принят приказ № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», который направлен на укрепление учетно-регистрационной дисциплины и законности в территориальных органах МВД России.

Важнейшим фактором эффективного обеспечения указанного конституционного права является своевременность рассмотрения

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. genproc.gov.ru (дата обращения: 15.06.2018).

заявлений и сообщений граждан о преступлениях. К сожалению, принятие решений по поступившим заявлениям (сообщениям) о преступлениях нередко умышленно затягивается, в том числе посредством незаконных отказов в возбуждении уголовного дела. Ежегодно от 20 % до 40 % таких решений признаются прокурорами незаконными или необоснованными и отменяются. Следует также учитывать и нерациональность затрат, связанных с их принятием. В 2014 – 2015 гг. количество процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела вместе с отмененными и повторно вынесенными составило, соответственно, порядка 10 и 11 млн, что эквивалентно затратам (на государственном уровне нигде не учитываемым) труда порядка 20 тыс. сотрудников органов полиции, не считая десятков млн руб. на бумагу, почтовые расходы и т. д. Вместе с тем, нельзя отрицать и огромную правозащитную роль стадии возбуждения уголовного дела, ее задачей является проверка законности повода и установление оснований для возбуждения уголовного дела. Основное ее предназначение – это «фильтрация» поступающей информации о различного рода деяниях и выявление событий, требующих производство уголовно-процессуальной деятельности.

Заметим, что некоторые основания для искаженного применения института возбуждения уголовного дела предоставляет сам законодатель несовершенством законодательного регулирования.

Так, своевременность при рассмотрении сообщения (заявления) о преступлении непосредственно связана с процессуальными сроками, закрепленными в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК).

На проверку поступившего сообщения о преступлении сотруднику органа внутренних дел отводится первоначальный срок не более 3 суток, который может продлеваться в установленном порядке. Невзирая на наличие в УПК такого порядка, установленного ст. 128 УПК, именно при исчислении сроков проверки сообщения о преступлении возникают серьезные проблемы. Эти проблемы отчасти связаны с неоднозначным пониманием ст. 128 УПК.

Несовершенство законодательного регулирования процессуальных сроков в процессуальной литературе уже отмечалось. Об этом писали такие ученые, как И. В. Маслов, О. А. Анашкин, К. Б. Калиновский и другие.

В ст. 128 УПК указано, что процессуальные сроки исчисляются часами, сутками и месяцами. Срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Фактически законодатель четко не определяет, когда начинается и когда заканчивается течение срока, исчисляемого сутками. В частности трудно сказать, распростра-

няется ли на исчисление срока сутками правило, согласно которому если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый, следующий за ним рабочий день.

В ст. 103 УПК РСФСР 1960 г. указанный порядок исчисления сроков в отдельную часть статьи не выделялся, а вот в УПК РСФСР 1923 г. данная норма была выведена в отдельную часть, это исключало возможность смешения сроков, исчисляемых сутками, с иными процессуальными сроками. Так, в настоящее время часть практических работников и научных деятелей считают, что указанное правило распространяется только на процессуальный срок, исчисляемый месяцами.

Сутки – современная единица измерения времени, по своему объему равная 24 часам¹.

Пример: сообщение о преступлении поступило в дежурную часть территориального органа внутренних дел в 18 час. 00 мин. 15 августа 2018 г., соответственно одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК следовало принять не позднее 24 часов 18 августа 2018 г., но учитывая, что срок принятия решения приходится на выходной день, окончательное решение следует принять не позднее 24 часов 19 августа 2018 г. Этот порядок применим, если не учитывать те сутки, которыми начинается течение срока.

Вместе с тем существует и другое мнение, при котором срок фактически исчисляется днями, то есть используя в качестве образца вышеуказанный пример, окончательное решение следовало принять не позднее 24 часов 17 августа 2018 г.

С этим трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, в данном случае сроки на самом деле исчисляются не сутками, а днями, и в УПК такие сроки также предусмотрены (ч. 6 ст. 186 УПК, ч. 2 ст. 448 УПК и др.), однако порядок их исчисления не регламентирован. Во-вторых, при указанном способе исчисления сроков проверки фактически у сотрудника отнимается часть того необходимого объема времени, который был определен законодателем для принятия законного и обоснованного решения (очевидно, что срок проверки становится менее трех суток). В-третьих, ограничивается право потерпевшего на доступ к правосудию.

Имеется и еще одно мнение по вопросу порядка исчисления указанного срока, согласно которому итоговое решение следует принять не позднее 18 часов 18 августа 2018 г., (указание Кировской областной прокуратуры от 02.12.2005 № 11-06-05 «О порядке исчисления срока рассмотрения сообщения о преступлении»).

¹ Большая советская энциклопедия. Издание 2-е. М., 1956.

В этом случае сроки толкуются с учетом законодательства о служебном времени сотрудников, что вряд ли верно, учитывая, что процессуальные сроки к служебному времени не привязаны.

В обоснование такой неверной позиции, то есть порядка исчисления срока с момента фактической регистрации сообщения о преступлении в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП), руководители территориальных органов внутренних дел нередко опираются на порядок регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, прописанный в приказе МВД России от 29.08.2014 № 736, где сказано о необходимости проставления времени поступления сообщения о преступлении в КУСП. Но совершенно очевидно, что указанное требование связано с необходимостью ведения хронологического учета поступающих сообщений, а также осуществления ведомственного контроля за своевременностью реагирования дежурных нарядов на поступающую информацию о преступлении и никак не может ограничивать процессуальный срок.

Следующей из не менее важных проблем является игнорирование возможности, а вернее сказать права, предоставленного законодателем, на принятие процессуального решения в первый рабочий день после выходного или праздничного дня, если окончание срока приходится на таковой. Если это правило не учитывать, то нарушается другая процессуальная норма, устанавливающая срок, связанный с уведомлением заявителя о принятом решении.

Согласно ч. 4 ст. 148 УПК копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору.

В соответствии с требованиями межведомственного приказа от 26.03.2014 № 147/209/187/23/119/596/149/196/110/154 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» выполнение требований ч. 4 ст. 148 УПК должно быть документально подтверждено, то есть к материалу проверки приобщается сопроводительное письмо с регистрационным номером.

В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 20.06.2012 № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации», регистрационные номера на исходящих документах присва-

иваются сотрудником подразделения делопроизводства и режима. Соответственно сотрудник указанного подразделения обязан находиться в выходной день на рабочем месте.

Даже если допустить возможность указанной регистрации без участия сотрудника подразделения делопроизводства и режима, будут нарушаться требования, содержащиеся в постановлении Правительства Российской Федерации от 15.06.2009 № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» в части направления исходящей документации в день регистрации либо на следующий рабочий день.

Конечно указанные проблемы отчасти связаны с несовершенной юридической конструкцией самой ст. 128 УПК, которую следовало бы сформулировать по другому, более понятно, исключив ее неоднозначное толкование.

В качестве примера можно использовать норму уголовно-процессуального законодательства Казахстана либо Белоруссии о порядке исчисления процессуальных сроков.

Так, в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан в ч. 1 ст. 48 сказано, что **сроки, установленные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками, месяцами, годами. При этом в ч. 2 этой же статьи предусмотрено, что при исчислении сроков не принимаются в расчет тот час и те сутки, которыми начинается течение срока, при этом статья сформулирована так, что исключено ее неоднозначное толкование к исчислению сроков часами.**

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь в ч. 1 ст. 158 написано, что не принимаются во внимание тот час и сутки, которыми начинается течение срока, а далее в ч. 3 этой же статьи сказано, что срок, исчисляемый сутками и месяцами, начинается течь с нуля часов следующих суток и истекает в 24 часа последних суток или последнего числа соответствующего месяца.

Аналогичный порядок должен быть установлен и в ст. 128 УПК.

Правовая основа осуществления неотложных следственных действий начальником исправительного учреждения

И. В. Воеводина,
адъюнкт ФПНПК
(Академия ФСИН России)
ira.anosik@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются вопросы производства неотложных следственных действий на территории исправительного учреждения.

Неотложные следственные действия, уголовно-исполнительная система, органы дознания, начальник исправительного учреждения, оперативно-розыскная деятельность, система следственных действий.

Среди уголовно наказуемых деяний, совершаемых в Российской Федерации, самым важным аспектом является доля преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Данное обстоятельство является негативным фактором, затрудняющим достижение целей, закрепленных в УИК РФ. Именно поэтому задача пресечения подобных деяний, установления лиц виновных в их совершении, формирования соответствующей доказательственной базы является актуальной для ФСИН России.

На практике именно органы дознания зачастую, выявив признаки преступления, иницируют уголовное судопроизводство, приступая к производству неотложных следственных действий, устанавливая при этом событие преступления, закрепляя его следы и осуществляя розыск преступников, по делам, подследственным следователям. Становится очевидным, что от того, насколько оперативно и умело действуют органы дознания, зависит успех расследования, поскольку наиболее эффективными являются действия по раскрытию преступления в первые несколько дней после его совершения.

В связи с указанной проблематикой в научной литературе отмечается, что институт неотложных следственных действий, представленный на данный момент в российском законодательстве, ограни-

чивает деятельность органов дознания, снижая его эффективность¹. Кроме того, анализ практики органов дознания демонстрирует противоречивое толкование норм указанного института со стороны соответствующих должностных лиц при реализации своих полномочий. Все это усугубляется имеющими место проблемами стадии возбуждения уголовного дела, взаимодействия со следственными подразделениями, конвертации информации оперативно-розыскного характера и результатов режимных мероприятий в процессе доказывания.

Исходя из вышесказанного, производство неотложных следственных действий в ИУ необходимо с целью оперативного реагирования на заявления о совершенных преступлениях, обеспечения быстрого и полного расследования значительного количества преступлений.

Своевременное и правильное проведение неотложных следственных действий позволяет одновременно разрешать по делу как уголовно-процессуальные, так и криминалистические задачи. В ходе проведения неотложных следственных действий добываются и закрепляются сведения, информация, необходимая для перехода к последующему этапу расследования. Также может быть получена ориентирующая информация, позволяющая обоснованно выдвигать криминалистические версии произошедшего.

Правоприменительная практика свидетельствует о производстве неотложных следственных действий при совершении преступлений на территории ИУ именно сотрудниками оперативных аппаратов. Действенность производства неотложных следственных действий в ИУ указанными должностными лицами объясняется тем, что они обладают достаточной информацией относительно конкретных осужденных, отрицательно характеризующихся группировок, полноценно осведомлены о территории ИУ. Подобная информированность позволяет им с большей вероятностью определить перечень потенциально возможных мест сокрытия, проноса, провоза запрещенных предметов, орудий преступления, возможных вариантов противодействия расследования со стороны представителей спецконтингента.

С учетом специфики функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы законодателем в ч. 5 ст. 157 УПК РФ на их начальников было возложено производство неотложных след-

¹ См.: *Александрова О.П.* Производство органами дознания уголовно-исполнительной системы неотложных следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 18.

ственных действий. Мы разделяем позицию ученых, согласно которой возложение обязанности производства неотложных следственных действий на начальников ИУ является оправданным с точки зрения следственной практики и специфики ИУ, способствует скорому раскрытию преступления¹. Совершенно оправданно наделение указанных должностных лиц правомочием возбуждения уголовного дела и делегирования подчиненным сотрудникам права проведения следственных действий.

Неправильное понимание института неотложных следственных действий в ряде случаев порождает подмену их производства проведением режимных или оперативных мероприятий. Такая практика с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства совершенно недопустима и не позволяет получить доказательственную информацию. Предметы и документы, изъятые в ходе проведения режимных или оперативных мероприятий, после соответствующей конвертации² и процессуального оформления могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу (ст. 89 УПК РФ).

На наш взгляд, анализ и сопоставление норм УПК РФ, ФЗ «Об ОРД», УИК РФ позволит дать обоснованный ответ относительно процессуального статуса органов и учреждений ФСИН России, а также определить обоснованность позиций в споре о том, кто в УИС правомочен принимать решение о возбуждении уголовного дела и о начале уголовного преследования о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами.

¹ См.: *Гришин Д. А., Вавилова М. С.* Законность уголовно-процессуальной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Реализация принципов уголовного судопроизводства в правоприменительной практике в Российской Федерации: сб. науч. трудов / науч. ред. С. В. Булатецкий, Л. М. Бабкин. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. С. 22; *Гришин Д. А.* Нарушения принципа законности при производстве расследования: правовые и неправовые последствия // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. материалов VIII научн.-практ. конф. молодых ученых (г. Москва, 3 июня 2016 г.) / под ред. А. Ю. Винокурова, К. А. Комогорцевой; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 256.

² См.: *Гришин Д. А., Шурухнов Н. Г.* О конвертации результатов производства оперативно-розыскных мероприятий в доказательства // Актуальные проблемы науки и практики XXI века: материалы всероссийской научно-практической конференции, 5 декабря 2016 г. / под ред. Е. В. Прыся, Н. В. Наруцкой. Казань: Бук, 2017. С. 109–112.

Подобный подход законодателя к регулированию уголовно-процессуальных правоотношений с использованием отсылочных норм, адресующих правоприменителя к положениям другого закона, позволяющего определить перечень иных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, на наш взгляд, не совсем обоснован. В данном случае стоит согласиться с мнением профессора Б.Т. Безлепкина, выступающего против определения органов дознания по признаку обладания ими полномочиями на проведение оперативно-розыскной деятельности, так как указанный критерий является чрезмерно упрощенным. Очевидно, что уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность, будучи взаимосвязанными, тем не менее, существенно различны по целям, задачам, используемым средствам.

В рамках рассмотрения проблематики уголовно-процессуальной компетенции органов и учреждений ФСИН России для полной картины необходимо обратиться к нормативным положениям УИК РФ. Согласно ст. 84 указанного нормативно-правового акта оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях, являясь средством обеспечения режима, осуществляется следующими субъектами:

- оперативными аппаратами исправительных учреждений;
- другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции.

Исходя из проведенного анализа на проведение ОРД, законодательством РФ уполномочены различные подразделения, органы и должностные лица ФСИН России. К ним относятся оперативные подразделения ФСИН, оперативные аппараты исправительных учреждений, другие уполномоченные на то органы в пределах их компетенции, учреждения, исполняющие наказания, и работники уголовно-исполнительной системы.

Такое разнообразие субъектов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, однако не позволяет нам относительно рассматриваемой проблематики использовать все указанные формулировки. Связано это с приоритетом норм УПК РФ применительно к регулированию уголовно-процессуальной деятельности, определения порядка ее производства.

Учитывая сказанное, мы склонны толковать нормы УПК РФ и ФЗ РФ «Об ОРД» следующим образом: оперативные подразделения органов и учреждений, входящих в состав ФСИН России, имеют право осуществлять оперативно-розыскную деятельность, а соответственно и проводить в необходимых случаях неотложные

следственные действия. С учетом положений ст. 5 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», закрепляющих организацию уголовно-исполнительной системы, мы склоны вести речь о следующих субъектах, уполномоченных на проведение неотложных следственных действий: оперативные подразделения учреждений, исполняющие наказания, территориальных органов уголовно-исполнительной системы, центрального аппарата ФСИН России.

В результате мы приходим к выводу, что для определения правовой основы осуществления неотложных следственных действий начальником исправительного учреждения определяющим является конкретность участников таковой деятельности. Двусмысленность, порождаемая действующим законодательством, негативно сказывается на эффективности всей деятельности исправительных учреждений. В связи с этим необходимо совершенствование нормативных основ, предусматривающих процессуальную активность органов дознания.

Изучение личности осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в исправительных учреждениях

Д. Ю. Волков,

*преподаватель кафедры уголовного процесса,
криминалистики и оперативно-розыскной
деятельности
(Вологодский институт права
и экономики ФСИН России)
hartman1@yandex.ru*

О. М. Дечкин,

*преподаватель кафедры уголовного процесса,
криминалистики и оперативно-розыскной
деятельности
(Вологодский институт права
и экономики ФСИН России)
olegD4105@mail.ru*

В статье проводится анализ отдельных вопросов, связанных с изучением личности осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в условиях исправительного учреждения.

Осужденный, личность преступника, предварительное следствие, исправительное учреждение, изучение личности.

Изучение личности преступника, в том числе осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в исправительных учреждениях (далее – ИУ) уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) имеет особое значение, так как именно оно является одним из решающих факторов, способствующих выбору наиболее эффективных способов установления психологического контакта, определению коммуникативных средств и тактики проведения отдельных следственных действий.

Данное обстоятельство подтверждают и ведущие специалисты, говоря о важности анализируемого этапа для положительного исхода как отдельных следственных действий, так и всего предварительного следствия¹.

¹ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002, С. 44; Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе рассле-

При исследовании вопроса об изучении личности преступника, а именно осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в ИУ, а также об объеме сведений, характеризующих его, необходимо в первую очередь использовать криминалистическое направление.

Криминалистическое исследование личности преступника, как правило, осуществляется двумя путями¹.

Во-первых, сбор и анализ необходимых сведений со стороны следователя о неизвестной личности преступника. В этом случае получение данных, прежде всего, осуществляется по оставленным преступником следам на месте преступления, признаков способа и механизма совершения преступления, из особенностей обстановки совершения преступного деяния и иных сведений. Такая информация дает представление об общих свойствах какой-либо группы лиц, среди которых следует искать преступника или реже – о некоторых качествах конкретной личности.

Во-вторых, в собирании и получении информации следователем о личности уже известного преступника. Здесь изучается совокупность социальных, психологических и иных свойств личности преступника. Полученная информация используется в следующем: для налаживания контакта с осужденным (преступником); получения правдивых от него показаний, а также для проверки выдвинутых следователем версий; выбора тактических приемов при производстве следственных действий и т. д.

При сборе информации о личности преступника и дальнейшем ее изучении, как правило, следователь по существу обладает возможностью использования сведений, поступивших в результате его процессуальной деятельности, а также, полученные непроцессуальным путем.

Как отметил в своей работе Г.К. Курашвили, именно рациональная работа со всеми видами информации, поступившей к следователю, в том числе из вышеуказанных источников, раскрывает большие возможности для установления важных обстоятельств, характеризующих личность преступника².

дования. М.: Юрид. лит., 1971. 80 с.; *Хоменко А.Н.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления и ее роль в расследовании преступлений (по материалам дел об убийстве): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. 30 с.; *Шурухнов Н.Г.* Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 74–83; и др.

¹ См.: *Васильев В. Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: изд-во МГУ, 1984. С. 127–128.

² См.: *Курашвили Г.К.* Изучение следователем личности обвиняемого. М.: Юрид. лит., 1982. С. 12.

В нашем случае внимание будет уделено использованию сведений, характеризующих личность осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в условиях ИУ, которые получены следователем в результате процессуальной деятельности, путем проведения отдельных следственных действий.

По мнению А.С. Кривошеева, именно использование следственных действий является основным путем изучения личности обвиняемого, поскольку именно в ходе процессуальной деятельности следователя выявляются наиболее полные и достоверные сведения о его личности. Только в ходе проведения процессуальных действий могут быть получены те сведения, которые используются в ходе расследования¹.

Изучение личности, как правило, начинается с установления персонаграфических данных, таких как: пол, возраст, место рождения, образование, круг общения в среде осужденных, отношение к труду, наличие определенной специальности и профессиональных навыков, привычки, интересы и ряда других².

Данная информация позволяет сформировать общее представление о личности преступника. Наличие общей характеристики в последующем дает возможность определить индивидуальные особенности лица – с точки зрения его психологических, нравственных, профессиональных качеств, круга интересов, увлечений, взаимоотношений с другими лицами, проходящими по уголовному делу³.

Ряд авторов делает акцент на конкретных специфических свойствах личности. Так, А.И. Ложкин говорит о такой психологической черте, как мотивация агрессивно-преступного поведения⁴, А.Н. Васильев и Л.М. Карнеева – о роли темперамента подозреваемого, обвиняемого⁵, а А.Р. Ратинов выделяет необходимость под-

¹ См.: *Кривошеев А.С.* Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М.: Юрид. лит., 1971. С. 44.

² См.: *Волков Д.Ю.* Изучение личности как подготовительный этап допроса подозреваемого, обвиняемого, содержащегося в следственном изоляторе // *Человек: преступление и наказание.* 2017. № 2. С. 284.

³ См.: *Моторин А.С.* Производство допроса в контексте современной системы уголовно-процессуальных гарантий: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. [Б. и.] 2009. С. 114; *Романова С.А.* Личность преступника: прошлые догмы и новые подходы // *Академическая мысль.* 2018. № 2 (3). С. 138–139.

⁴ См.: *Ложкин А.И.* Психология личности агрессивно-насильственного преступника: дис. ... канд. псих. наук. М. [Б. и.], 2009. С. 44.

⁵ См.: *Васильев А.Н.* Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1970. С. 12–13.

робного изучения самооценки¹. При этом необходимо согласится с мнением Н. Г. Шурухнова, что длительное пребывание в местах лишения свободы приводит к перестроению личности в целом и наделяет ее комплексом определенных свойств².

По мнению авторов, основными путями изучения следователем личности осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в ИУ в процессе его раскрытия и расследования являются следующие.

Во-первых, детальный анализ личного дела осужденного (преступника), полученного из ИУ, в котором он отбывал уголовное наказание на момент совершения преступления.

Во-вторых, изучение характеристик на осужденного, подготовленными сотрудниками воспитательной службы (начальником отряда) и психологами психологической лаборатории, а также других документов, находящихся в ИУ, если в них содержатся данные о личности преступника.

В-третьих, изучение документов, полученных из других учреждений (организаций), в том числе медицинских и судебных, в которых содержатся сведения о личности осужденного, совершившего умышленное причинение вреда жизни и здоровью, в ИУ.

В-четвертых, получение сведений, характеризующих личность осужденного, и их письменная фиксация в ходе его допроса.

В-пятых, получение сведений, характеризующих личность преступника, и их письменная фиксация в ходе допроса свидетелей и потерпевшего.

В-шестых, собирание сведений о личности преступника в процессе проведения других следственных действий.

Изучение личности подозреваемого, обвиняемого необходимо для установления психологического контакта, определения тактики следственного действия, понимания и объяснения отдельных поступков, высказываний, в целях разоблачения лжи и оценки его показаний. Кроме того, оно способствует установлению наличия или отсутствия уголовно-правовых признаков подозреваемого, обвиняемого, имеющих психологическую основу: сильного волнения, особой жестокости или цинизма, небрежности и т. д., а также помогает выяснить в причины, мотивы, цели совершения преступления и определить форму вины и т. д.³

¹ См.: *Ратинов А. Р.* Изучение самооценки преступников / Юридическая психология / под ред. Т. Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001. С. 148.

² См.: *Шурухнов Н. Г.* Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 74.

³ Там же. С. 60–61.

Говоря о допросе осужденного, совершившего преступление в условиях ИУ, следует отметить, что следователь может создать первоначальное представление о личности допрашиваемого из материалов, представленных сотрудниками ИУ и бесед с ними. Поэтому, с учетом полученных сведений, следователь имеет возможность обратить внимание на те черты личности, которые в дальнейшем могут способствовать установлению психологического контакта. В случае, когда данный контакт установлен не был, более подробно изучить личность допрашиваемого необходимо путем проведения допросов в качестве свидетелей лиц, содержащихся с осужденным в одном отряде, сотрудников ИУ, родственников и знакомых, сбора дополнительных характеризующих материалов, а также информации, полученной от оперативных работников ИУ, в том числе для установления противодействия со стороны допрашиваемого.

Отдельно стоит выделить возможность следователя перед проведением следственных действий с осужденным, ознакомиться с его личным делом. Как правило, в указанных материалах содержится относительно полный перечень характеризующих материалов. При этом если расследуемое уголовное дело аналогично с ранее совершенными преступлениями, следователь получает возможность спрогнозировать поведение допрашиваемого лица, а также своевременно принять меры по выявлению намерений на дачу ложных показаний¹.

Таким образом, изучение личности осужденного, совершившего умышленное причинение жизни и здоровью в условиях ИУ, заключается в сборе и анализе его личностных характеристик. Изучение личности осужденного необходимо в первую очередь для установления психологического контакта, определения тактики допроса, понимания и объяснения действий и высказываний, разоблачения лжи и оценки его показаний.

¹ *Савоськина Т.Н.* Тактические особенности получения информации в ходе допроса от лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград [Б. и.], 2007. С. 184–185.

Проблемы реализации прав потерпевшего в уголовном процессе

Л. М. Володина,
профессор, доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ
(Московский государственный
юридический университет им. О. Е. Кутафина)
lm.volodina@yandex.ru

В статье рассматривается необходимость создания действенного механизма обеспечения прав потерпевшего в уголовном процессе.

Уголовное судопроизводство, потерпевший, защита прав, система.

Обеспечение прав человека как важнейшее завоевание демократии, доставшееся человечеству нелегкой ценой, является непреложным в силу требований норм международного права. И не случайно в трудах ученых Австрии говорится, что уголовно-процессуальное право, по сути своей, есть прикладное конституционное право¹. Приоритетным назначением уголовного судопроизводства норма, содержащаяся в ст. 6 УПК РФ, называет защиту прав и законных интересов потерпевшего. Права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, включают набор определенных возможностей, казалось бы, дающих ему надежду на полное восстановление нарушенных прав. В рамках парламентских слушаний, прошедших 22 апреля 2016 г. в Совете Федерации, прозвучало суждение, принадлежащее Е. Б. Мизулиной, о том, что защита прав потерпевшего законом решена, а проблемы, касающиеся возмещения причиненного ему вреда, – это проблемы правоприменения. Однако только ли правоприменитель виновен в том, что приоритетное направление уголовно-процессуальной деятельности, означенное в ст. 6 УПК РФ, не реализуется в ходе производства по уголовному делу?

В рамках анализа этой далеко не новой проблемы уже не раз говорилось о тех сложностях, которые встают на пути доступа потерпевшего к правосудию: это и отказ в возбуждении уголовного дела, и вопросы приостановления и прекращения производства

¹ Dr. Walter Huber. Strafprozeßordnung in der Fassung des Strafprozeßänderungsgesetzes 1993. Herausgegeben von Hofrat. Eisenstadt. 1994. S. 5.

по уголовному делу, отказ прокурора от обвинения. В трудах ученых не раз отмечалось отсутствие в системе действующих принципов четко и определенно закрепленного принципа, направленного на обеспечение права каждого на судебную защиту. Не входя в обсуждение содержания данного положения в настоящей статье¹, следует все же сказать, что недостаточно решать этот вопрос только путем расширения перечня прав потерпевшего. В число приоритетных задач органов, осуществляющих производство по уголовному делу, должна быть четко поставлена задача о принятии всех необходимых мер для быстрого и полного устранения последствий преступления, связанных с причинением вреда. Иначе говоря, речь должна идти о системе правовых предписаний, реально гарантирующих права, предоставляемые потерпевшему законом. В свете сказанного важной является последовательность законодателя, задачей которого является такое построение системы норм, которое обеспечивало бы ее целостное единство как прочную связь системообразующих компонентов, определяемую функциональной ролью института, через четкое определение цели, конкретных задач и гарантий их наиболее эффективного решения.

Обращаясь к «определению системы, имеющей гносеологическую цель», Д.А. Керимов утверждал, что исследованию в этом направлении подлежат «составные части системной целостности», «специфические качества каждой из частей», «познание функционального назначения, роли и эффективности воздействия системы и каждой ее части на среду и обратного влияния среды на систему»². Исходя из означенных посылок, теоретическая модель механизма, играющего роль инструментария реально обеспечивающего права потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства, как своеобразная правовая система, должна включать набор соответствующих взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, каждый из которых, играя определенную роль, между тем действует в едином направлении.

Наиболее значимыми элементами модели механизма, прежде всего, являются законодательная установка, определяющая приоритетность назначения уголовного судопроизводства, и принципы уголовного процесса, как направления – векторы системы, определяющие ее функциональную роль. Другим компонентом, безус-

¹ См. об этом подробно: *Володина Л. М., Володина А. Н.* Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 103–104.

² *Керимов Д. А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 243–244.

ловность которого определена законом, являются права потерпевшего. Их наличие дает основание рассчитывать на восстановление нарушенных прав. Имея в виду, что любому субъективному праву корреспондирует соответствующая юридическая обязанность, еще одним элементом этого механизма должно быть четкое установление обязанностей властных субъектов уголовного судопроизводства. Инструментом, обеспечивающим реальность возмещения причиненного потерпевшему вреда, должен стать четко и последовательно разработанный институт гражданского иска в уголовном процессе. Существующий номинально, он не закреплён в уголовно-процессуальном законе в надлежащем виде. Более того, законодатель, закрепив право потерпевшего на компенсацию морального вреда в денежном выражении путем подачи гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42 УПК РФ), отказался от решения данного вопроса в рамках уголовного судопроизводства. На практике это приводит к тому, что потерпевший, пройдя процедуру судебного разбирательства уголовного дела, психологически (а иногда и физически) не в состоянии выдерживать еще один процесс, учитывая неповоротливость нашей судебной системы. Известно, что несмотря на жесткость регламентации законодательных сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел, установленных ст. 154 ГПК РФ, они повсеместно нарушаются. Проблема регламентации порядка возмещения морального вреда связана и с тем, что бремя доказывания причинения вреда в этом случае ложится на потерпевшего. Кроме того, следует заметить, что в настоящее время в практике следственных органов гражданский иск воспринимается как досадная помеха в осуществлении производства по уголовному делу. Разрешима ли проблема доступа потерпевшего к правосудию в ситуациях, связанных с приостановлением производства по уголовному делу? Обжалование постановлений о приостановлении производства по уголовному делу крайне редко. По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2014 г. следователями и дознавателями органов внутренних дел прекращено уголовных дел в связи с истечением сроков давности в отношении неустановленных лиц 4 104 994 уголовных дела¹. Что может сделать потерпевший, если дело прекращено по реабилитирующему основанию, в том числе в случае отказа прокурора от обвинения: к кому потерпевшим может быть предъявлен гражданский иск? В литературе обращается также внимание на то, что

¹ Формы федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» за 2010 – 2014 гг. [Электронный ресурс].

в гражданском судопроизводстве действует принцип преюдициальности, и решение суда, состоявшееся по уголовному делу, обязательно для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесено решение о прекращении уголовного дела¹.

Постановление Конституционного Суда от 8 декабря 2003 г. по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан не разрешило означенную проблему. Конституционный Суд признал положения ч. 7 ст. 246 УПК РФ, не противоречащими Конституции, считая, что предоставление потерпевшему права на обжалование решения суда о прекращении уголовного дела в случае отказа прокурора от поддержания обвинения вполне компенсирует утраченные возможности потерпевшего. Однако возможность удовлетворения претензий по результатам обжалования решения суда представляется весьма отдаленной и туманной перспективой. Но даже при условии направления дела на новое судебное рассмотрение, кем будут поддерживаться интересы потерпевшего, закон не решает. Кроме того, практика показывает, что нередко суды вышестоящей инстанции оставляют без изменения решения о прекращении уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения².

Прокурор при поддержании обвинения и при отказе от него оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Внутреннее же убеждение потерпевшего, как участника стороны обвинения, может не совпадать с убеждением прокурора. Несмотря на это, в случае отказа прокурора от обвинения потерпевший лишен права изложить суду основания своего убеждения в том, что вина подсудимого в ходе судебного следствия доказана: потерпевший лишается, таким образом, права на доступ к правосудию, вопреки ст. 52 Конституции РФ.

В связи со сказанным следует заметить, что, например, в соответствии с ч. 8 ст. 293 УПК Республики Беларусь, если государственный обвинитель отказывается от обвинения, а потерпевший с этим не согласен, то судебное разбирательство в таком случае продолжится, потерпевший может осуществлять обвинение как лично,

¹ Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевших на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 29; Кириллова Н.А. Правовые последствия отказа от обвинения // Российская юстиция. 2006. № 7. С. 55.

² См. к примеру: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.01.2013 № 71-О12-17 // СПС «КонсультантПлюс».

так и через своего представителя. По УПК Австрии (ст.ст. 90, 259) при отказе обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства судья выносит оправдательный приговор, но потерпевшему предоставлено право поддерживать публичное обвинение вместо прокурора¹.

Процесс восстановления нарушенных прав затягивается во времени в связи с отсутствием в законе четко определенных обязанностей властных субъектов, в связи с длительными сроками пересмотра уголовных дел в вышестоящих судебных инстанциях, а также в связи с недостатками в работе судебных приставов. Интересно в плане рассматриваемой проблемы решение подобных вопросов в других странах. Известно, что в большинстве стран вред, причиненный жизни и здоровью граждан, компенсируется из государственных фондов, кроме того, в них существует разветвленная система обязательного страхования, в значительной мере обеспечивающая компенсационные выплаты пострадавшим. В США в мае 2005 г. приняты Директивы Министерства юстиции США «Об оказании помощи потерпевшим и свидетелям преступлений», в основе которых лежат федеральные законы о правах потерпевших (положения ст. 3771 Титула 18 СЗ США и ст. 10607 Титула 42 СЗ США и др.). Целью этого документа является установление руководящих принципов работы с потерпевшими и свидетелями преступлений для должностных лиц и сотрудников Министерства юстиции, следственных органов, органов прокуратуры и пенитенциарных учреждений США. В этом документе содержится перечень услуг, предоставляемых потерпевшему, перечислен круг должностных лиц, ответственных за предоставление этих услуг, их обязанности. При этом последовательно и четко определен порядок предоставления услуг и порядок передачи полномочий от одного подразделения другому и ответственности должностных лиц. Такой подход, подчеркнуто в Директивах, обеспечивает непрерывность процесса оповещения потерпевших и оказания им услуг с момента начала следственных действий по уголовному делу и в течение всего периода общения потерпевших с органами федеральной уголовной юстиции. Потерпевший, в числе прочих прав, имеет право сделать заявление по поводу освобождения обвиняемого из-под стражи до суда. Ответственное должностное лицо обязано проинформировать потерпевшего о его праве сделать заявление об угрозе со стороны обвиняемого.

¹ Dr. Walter Huber. Strafprozeßordnung in der Fassung des Strafprozeßänderungsgesetzes 1993. Herausgegeben von Hofrat. Eisenstadt. 1994. S. 70,162.

Директивы предписывают: после установления факта преступления в кратчайший срок ответственное должностное лицо обязано установить личности потерпевших (ст. 10607(b)(1) Титула 42 СЗ США). До предъявления официального обвинения сотрудники подразделений, подключенных к Системе уведомления потерпевших (АСУП), обязаны внести в базу данных АСУП имена установленных потерпевших и их контактные данные¹.

В соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 «Комитет министров – государствам-членам относительно положения потерпевших в рамках уголовного права и уголовного процесса» полиция должна информировать потерпевшего о возможности получения содействия, практической и правовой помощи, компенсации со стороны правонарушителей и компенсации со стороны государства. Дискреционное решение о возбуждении уголовного дела против правонарушителя должно приниматься только после должного рассмотрения вопроса о компенсации потерпевшему.

В свое время Э. Ферри обращал внимание на то, что «строгое и быстрое вознаграждение за вред потерпевших от преступлений... было бы действенным предупредительным средством против преступлений», что «защита интересов потерпевших должна быть функцией прокурорского надзора в тех случаях, когда потерпевший не умеет или не может защитить свои поправленные права»². И. Я. Фойницкий считал, что «пока доступ к уголовному суду частным лицам в качестве обвинителей стеснен, институт присоединенного гражданского иска представляется необходимым коррективом», что «заставить потерпевшего вынести на своих плечах последовательно и отдельно сначала уголовный, потом гражданский процессы значило бы еще более затруднить ему защиту перед судом своих прав и интересов»³.

Построение института гражданского иска в уголовно-процессуальном законе требует четкого определения особенностей гражданского иска и порядка его рассмотрения в рамках осуществления уголовного судопроизводства. Логика вещей подсказывает, что решение этих вопросов требует внедрения в УПК РФ специальной главы, носящей соответственно название «Граждан-

¹ Директивы Министра юстиции США «Об оказании помощи потерпевшим и свидетелям преступлений». Министерство юстиции США. Управление программ правосудия. Отдел по работе с потерпевшими. Май 2005. Рукопись. Пер. с англ.

² Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА-М., 2009. С. 293–294.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: АЛЬФА-2, 1996. С. 74–75.

ский иск в уголовном процессе». Идея эта обсуждалась и ранее, в том числе и автором данной статьи¹. В структуру предлагаемой главы должны войти нормы, определяющие основание и предмет гражданского иска, его особенности (признаки), его содержание, нормы, устанавливающие порядок разъяснения права на подачу гражданского иска и отказа от него, порядок подачи иска, обязанности властных субъектов по обеспечению права подачи иска, гарантии его обеспечения, порядок принятия решения о производстве обеспечительных мер и порядок их производства, порядок отказа от гражданского иска и возможные последствия отказа, особенности доказывания причинения вреда, характера и размера вреда, порядок рассмотрения и разрешения иска в суде, последствия разрешения иска, последствия производства по иску в случае прекращения уголовного дела (преследования) или в случае принятия решения в порядке гл. 40 УПК РФ, полномочия прокурора по защите прав и законных интересов потерпевшего и гражданского истца.

Неполноту регламентации процессуального порядка рассмотрения и разрешения гражданского иска в уголовно-процессуальном законе некоторым образом компенсирует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» в разделе «Вопросы гражданского иска». В частности, Постановление обязывает суды приводить мотивы, обосновывающие полное или частичное удовлетворение иска либо отказ в нем, с указанием и приведением соответствующих расчетов размеров, в которых удовлетворены требования истца, и закона, на основании которого разрешен гражданский иск, и т. п. Но постановление Пленума не является законом, представляется все же, что означенные вопросы должны найти четкое закрепление в уголовно-процессуальном законе.

Вся деятельность по обеспечению требований истца по защите его прав и законных интересов в уголовном процессе облечена в форму уголовно-процессуальных отношений. Особенности уголовно-процессуальных отношений, безусловно, накладывают отпечаток на порядок производства по гражданскому иску. Диспозитивное начало как метод правового регулирования, вторгающееся в означенном случае в сферу действия императивного метода, находится в его подчинении. Это проявляется, в частности, в том, что волеизъявлению гражданского истца корреспондируют

¹ См.: *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Изд. Группа «Юрист», 2006. С. 336–338.

полномочия властных субъектов, принимающих решения, связанные с признанием лица гражданским истцом, привлечением лица в качестве гражданского ответчика, осуществлением доказывания причинения вреда, определения его вида и размера, принятием решений, направленных на применение мер обеспечения гражданского иска. Состязательность в уголовном процессе предполагает равные права гражданского истца и гражданского ответчика, но действует в условиях, обеспечиваемых отраслевой публичностью. Кроме того, так или иначе на стороне гражданского истца стоит (должен стоять) государственный механизм защиты его прав и законных интересов. В этой связи необходимо более четко определить полномочия прокурора, связанные с осуществлением защиты нарушенных прав потерпевшего и его законных интересов: положение о праве предъявления или поддержания иска прокурором, содержащееся в ч. 6 ст. 246 УПК РФ, весьма лаконично. Прежде всего рассматриваемое полномочие должно быть закреплено в числе приоритетных в ст. 37 УПК РФ. Кроме того, на наш взгляд, прокурору должно быть предоставлено право дачи в суде заключения о возможности возмещения причиненного вреда по аналогии с подобного рода правом, предоставленным прокурору ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

Вместе с тем гражданский иск – не единственный способ защиты прав и законных интересов потерпевшего. В этом отношении УПК РФ – шаг назад по сравнению с действовавшим ранее УПК РСФСР, согласно которому формами возмещения ущерба, причиненного преступлением, могли быть, кроме того, и возмещение вреда по инициативе суда (ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР), и уголовно-процессуальная реституция (ст.ст. 83 – 86 УПК РСФСР).

Важнейшим условием принятия решения о прекращении дела должно стать реальное возмещение вреда потерпевшему. Думается, что отсутствие данного условия влечет право потерпевшего требовать производства по делу в обычном порядке, и это право в законе должно быть четко оговорено. В законе, на наш взгляд, следует четко оговорить право потерпевшего на ознакомление с материалами досудебной проверки в случае отказа в возбуждении дела, с материалами дела в случае приостановления его производства. Позиция потерпевшего должна быть учтена при любой форме окончания производства по уголовному делу, а также в случае приостановления производства по уголовному делу.

Механизм обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, должен являть собой основанную на конституционных

началах систему уголовно-процессуальных норм, последовательно устанавливающих способы возмещения вреда, меры по обеспечению возмещения вреда, обязанности властных субъектов по обеспечению этого права, гарантии его обеспечения, в том числе полномочия властных субъектов по проверке и контролю законности и обоснованности процессуальных действий, направленных на обеспечение возмещения вреда. И еще – если бы неисполнение обязанности властным субъектом либо ее ненадлежащее исполнение, в том случае, когда это повлекло нарушение прав человека, было отнесено к разряду существенных нарушений закона, то положение вещей, несомненно, изменилось.

Трансформация уголовно-процессуальной формы в условиях цифровой экономики

Ю. В. Гаврилин,

*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
доктор юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
yuriy902@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности уголовно-процессуальных форм и их трансформации в условиях цифровой экономики.

Трансформация, уголовно-процессуальная форма, цифровая экономика, технологический институциональный функциональный аспекты.

Развитие информационных и коммуникационных технологий сегодня достигло такого уровня, что они уже стали неотъемлемым элементом системы государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка.

Формирование цифровой экономики обозначено в качестве приоритетной задачи в ряде документов стратегического планирования: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹, программе «Цифровая экономика Российской Федерации»² и др.

В этих условиях уголовно-процессуальная наука получает мощный импульс развития за счет интеграции возможностей использования современных информационных и коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве.

При этом содержащиеся в отдельных научных публикациях некоторые выводы их авторов заставляют более детально рассмотреть данную тенденцию, выделив несколько аспектов рассматриваемого вопроса.

Во-первых, технологический аспект. В этом плане вызывает серьезное сомнение практическая возможность применения технологии блокчейна в уголовном процессе, предложенная Л. В. Бертовским³. По мнению автора, любое уголовное дело или материал

¹ Утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203.

² Утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р.

³ Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 228.

доследственной проверки можно представить как совокупность процессуальных и иных документов, содержащих уголовно-релевантную информацию, а также отражающих ход и результаты расследования события, имеющего признаки преступления. Каждый документ, в цифровом варианте, представляет собой информационный блок. При этом все документы, находящиеся в уголовном деле, должны быть переведены в цифровой формат, включая фото- и видеоизображения объектов – вещественных доказательств, фигурирующих в деле. У этого блока есть метка: дата и время внесения этого документа. В результате формируется база данных, которая управляется автономно, без единого центра. Это делает цепочки блоков очень удобными для регистрации событий (например, фиксации поступивших документов, протоколов проведенных следственных действий, получение решения суда об избрании или продлении меры пресечения, внесения медицинских записей) и операций с данными, управления идентификацией и подтверждением подлинности источника.

В первом приближении идея, действительно, представляется перспективной. Действительно, неоспоримым достоинством блокчейн-технологии является практически полное исключение возможности замены информации и иных фальсификаций. Эта возможность обеспечивается тем, что каждый информационный блок, образующий цепь блоков, связан с предыдущим определенной контрольной суммой, рассчитанной в соответствии со специальным алгоритмом.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в основе технологии блокчейна положен принцип распределенности реестра, то есть у каждого пользователя на компьютере хранится копия данных блокчейн¹. Соответственно, у каждого следователя будут храниться материалы ВСЕХ без исключения уголовных дел и проверок сообщений о преступлении, находящихся в производстве следователей в Российской Федерации. Не говоря о чисто технических проблемах, связанных с ограничением вычислительных мощностей, подробная ситуация несет как риски разглашения данных предварительного следствия, так и расширения возможностей оказания противодействия расследованию.

Кроме того, добавление каждого нового блока усложняет расчет контрольной суммы, что в условиях ограниченности вычислительных мощностей может привести к потере функциональности системы.

¹ См.: *Петров В.А.* Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты. М., 2017. С. 66.

Вместе с тем представляется возможным использование данной технологии для ведения ограниченных по объему информационных ресурсов, таких, например, как реестр уголовных дел, находящихся в производстве, реестр сообщений о преступлении, реестр судебных приговоров и иных решений. Ведение подобных реестров уже предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством отдельных государств. В 2014 г. Генеральная прокуратура РФ также предпринимала попытку создания системы правовой статистики (ГАС ПС), которая позволяла бы потерпевшим в режиме online отслеживать ход расследования вплоть до приговора суда¹.

Второй аспект – институциональный. При этом обращает на себя внимание спорный тезис, выдвигается представителями Нижегородской процессуальной научной школы, согласно которому уголовно-процессуальная деятельность должна основываться на концепции «государство-как-платформа», в основе которой лежит комплексная организационно-техническая инфраструктура для предоставления необходимых населению государственных услуг. Очевидно, авторы подобного подхода относят правосудие, а также деятельность по раскрытию и расследованию преступлений к государственным услугам².

Вместе с тем государственная услуга, в отличие от государственной функции, носит заявительный характер, для ее оказания заинтересованное лицо должно обратиться в соответствующий государственный орган. Инициатива в этом случае лежит на стороне заявителя, что отличает оказание услуги от других типов государственных функций, где инициатива принадлежит государству³.

Публичные же начала уголовного судопроизводства не позволяют относить данную деятельность к числу государственных услуг. Отправление правосудия, защита личности от противоправных посягательств – есть важнейшие государственные функции, прямо предусмотренные Конституцией Российской Федерации (ст. 18, 46, 55 и др.).

Однако это лишь формальное несовпадение назначения системы «государство-как-платформа» правоохранительной функции

¹ Генпрокуратура РФ создает единую онлайн-базу преступлений. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1578889> [Электронный ресурс] (дата обращения: 04.10.2018].

² См.: *Власова С. В.* К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

³ *Рубцова М. В.* Правовые проблемы разграничения государственных услуг и государственных функций в российском законодательстве при осуществлении прокурорского надзора // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 50–53.

государства. Сущностное же их несовпадение определяется направленностью системы «государство-как-платформа» на алгоритмизацию и комплексное решение жизненных ситуаций человека, основанное на едином массиве данных¹. Назначения же уголовного судопроизводства сформулированы в ст. 6 УПК РФ и включают в себя: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и недобросовестного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод.

Иными словами, целепологание при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности и построении системы «государство-как-платформа» не совпадает. Тем не менее, сказанное не препятствует использованию в уголовно-процессуальной деятельности отдельных информационных технологий, о которых далее мы скажем отдельно.

Третий аспект – функциональный. Некоторое недоумение вызывает предложение профессора Нижегородской академии МВД России С. В. Власовой отказаться от протокола следственного действия как источника доказательств. Обоснованием подобного предложения приводится мнение о том, что в познавательном плане значение осмотра электронных носителей информации якобы ничтожно. Вместе с тем именно протоколы следственных действий содержат информацию об обстоятельствах обнаружения и изъятия данного источника доказательственной информации, о соблюдении при этом прав участников уголовного судопроизводства, об индивидуальных признаках объекта, о предпринятых действиях по защите носителя информации от искажения и постороннего вмешательства. Именно данное обстоятельство предопределяет, в конечном счете, достоверность доказательственной информации, содержащейся на электронном носителе.

Вообще следует заметить, что в существующих реалиях ценность традиционной уголовно-процессуальной формы не снижается, а, напротив, возрастает. Именно неукоснительное ее соблюдение обеспечивает неизменность информации, содержащейся на изъятom носителе, по сравнению с ее исходным состоянием. Современные технологии открывают значительный простор для всевозможных манипуляций с такой информацией, что может создавать предпосылки для признания ее недопустимым доказательством.

¹ М. Петров В., Бузов М., Шклярук А. Шаров. Государство как платформа (кибер) государство для цифровой экономики. М.: Центр стратегических разработок, 2018. <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 04.10.2018).

В этих условиях необходимо развивать процессуальные гарантии при собирании доказательств, имеющих в своей информационной основе сведения, содержащиеся на электронных носителях. Развивать их необходимо хотя бы по причине особой физической формы такой информации, которую, как известно, всегда необходимо учитывать при формировании и применении процессуальных познавательных приемов¹.

Еще один распространенный в литературе научный подход вызывает возражение. Это утверждение о том, что существующий процессуальный инструментарий не позволяет эффективно работать с цифровыми следами и поэтому требуется создание дополнительных «электронных следственных действий»: «электронная выемка», «электронный обыск», «электронное наблюдение», «электронный осмотр информационной среды», «электронное копирование»². Думается, что это не вполне верное направление развития уголовно-процессуальной мысли. Вообще представляется не вполне оправданным обозначившийся в настоящее время подход, при котором текст уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок производства тех или иных следственных действий, дополняется положениями, касающимися особенностей работы с электронными носителями информации в ходе их производства. Данный вывод обусловлен как контрпродуктивностью казуистичного подхода в нормотворческой деятельности, так и требованиями юридической техники, согласно которым общие для нескольких норм положения группируются в отдельные нормы, действие которых распространяется на частные случаи. Так, простое сопоставление текстов ч. 9.1 ст. 182 УПК и ч. 3.1. ст. 183 УПК, регламентирующих порядок изъятия электронных носителей информации в ходе производства, соответственно, обыска и выемки, свидетельствует об их схожести до степени смешения. При этом принципиальных отличий порядка работы с электронными носителями информации, изъятymi в ходе обыска и выемки, по сравнению с иными объектами, из текста приведенных норм, не просматривается (за исключением спорного требования о необходимости участия специалиста по всем без исключения случаям изъятия электронных носителей информации).

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 38.

² Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт // Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 11, 16–17, 204–206, 221–225.

В связи с изложенным представляется более целесообразным признать утратившими силу положения ч. 9.1 ст. 182 УПК и ч. 3.1. ст. 183 УПК с одновременным дополнением ст. 164 УПК частью 6.1, регламентирующей процессуальный порядок и особенности обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации на электронных носителях в ходе следственных действий, а также ст. 166 УПК, частью 5.1, предусматривающей особенности отражения перечисленных действий в протоколе.

Каковы же, на наш взгляд, перспективные направления совершенствования уголовно-процессуальной формы получения цифровой доказательственной информации.

Во-первых, требуется законодательное закрепление процедур, обеспечивающих сохранность возвращенных законному владельцу электронных носителей информации в порядке п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Это может быть предупреждение о недопустимости уничтожения информации, повреждения носителя и т. д. Введение этих механизмов потребует определенных изменений действующего законодательства, предусматривающих ответственность за утрату, уничтожение или повреждение вещественных доказательств, возвращенных законному владельцу для ответственного хранения.

В этой связи нами предлагается дополнить перечень мер уголовно-процессуального принуждения следующим: «Запрет на совершение определенных действий с компьютерной информацией». Представляется, что данная мера может применяться в ходе производства по уголовным делам на основании судебного решения. Основанием применения данной меры может являться наличие достаточных оснований полагать, что компьютерная информация, имеющая значение для дела, может находиться на электронных носителях, принадлежащих обвиняемому, подозреваемому, свидетелю или потерпевшему. Содержание запретов может быть различным: запрет на уничтожение информации и (или) ее носителей, запрет на модификацию информации и (или) ее носителей, запрет на использование информации и (или) ее носителей – либо запрет на все вышеперечисленные действия. О ее применении информируется законный владелец и пользователь соответствующих информационных ресурсов.

Представляется, что применение данной меры по отношению к потерпевшему или свидетелю будет более предпочтительным по сравнению с изъятием носителей. Кроме того, это позволит свести к минимуму имеющиеся в практике деятельности органов расследования преступления случаи изъятия электронных носителей

информации «на всякий случай», в расчете на то, что на них может оказаться информация, имеющая значение для уголовного дела.

Разумеется, эффективность данной меры должна быть обеспечена неотвратимостью наступления ответственности на нарушение установленных ограничений и запретов. Здесь представляется целесообразным ориентироваться на ст. 312 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации. Предлагается дополнить данную норму частью 3, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение запретов на совершение определенных действий с компьютерной информацией.

Отметим, что Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» введена новая мера пресечения для подозреваемых и обвиняемых – запрет на определенные действия. В число действий, подлежащих запрету, может входить использование средств связи и сети Интернет. Вместе с тем предлагаемая мера процессуального принуждения имеет иную правовую природу. Не относясь к мерам пресечения, она может применяться к свидетелю и потерпевшему.

Во-вторых, требуется нормативное закрепление особенностей собирания доказательств, имеющих в своей основе сведения, содержащихся на электронных носителях. Сегодня единственная специальная норма, предусматривающая особенность изъятия информации, выраженной в электронной форме, – ч. 7 ст. 185 УПК, согласно которой могут осматриваться и изыматься сведения, содержащиеся в сообщениях, передаваемых по электронным сетям или содержащиеся в электронных сообщениях (ч. 7 ст. 185 УПК). Однако и она включена в УПК в связи с принятием комплекса правовых норм, устанавливающих дополнительные меры противодействия терроризму и обеспечивающих общественную безопасность, а не в связи с разрастанием цифровых технологий сохранения и передачи информации¹. Возможно поэтому приведенная норма не предусматривает даже элементов процедуры осмотра и изъятия указанных сведений.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

Считаем целесообразным регламентировать процедуру изъятия доказательственной информации, находящейся на соответствующих страницах интернет-сайтов (сайтов социальных сетей, блогов, электронной почты, иных интернет-сервисов), путем введения в УПК самостоятельного вида осмотра – дистанционного осмотра информационных ресурсов. В зависимости от содержания этих ресурсов (охраняемая Конституцией Российской Федерации тайна переписки или иная информация) должны различаться и правовые основания для такого осмотра: судебное решение в порядке ст. 165 УПК или решение лица, производящего расследование. При этом предусмотреть, что такой осмотр может производиться в помещении следственного органа (органа дознания).

В-третьих, представляется необходимым решить на законодательном уровне вопрос о процессуальном статусе электронных носителей информации, от которого зависит придание им надлежащей процессуальной формы, обеспечивающей допустимость доказательств.

В настоящее время все особенности процессуальных действий для электронных носителей информации предусмотрены только как для вещественных доказательств: осмотр, признание вещественным доказательством и приобщение к уголовному делу, порядок хранения, особенности работы с ними по делам о преступлениях в сфере экономики (ст. ст. 81–82 УПК). В этой связи практика злоупотребляет признанием предметов и документов вещественными доказательствами¹.

Между тем, информация, содержащаяся на электронных носителях, вполне может определять его статус как «иногo документа». Именно таковыми и является основная часть электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики.

В отношении таких доказательств должны быть предусмотрены правила их признания «иными документами», хранения, возвращения законным владельцам и т. д. либо указано, что таковые могут являться только вещественными доказательствами с соответствующей корректировкой ч. 1 ст. 81 УПК.

В-четвертых, требует решения проблема процессуальных технологий заверения содержания процессуальных документов, составляемых на досудебных стадиях уголовного судопроизвод-

¹ *Россинский С.Б.* Приложение к протоколам следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. (8). С. 91–103.

ства. В настоящее время такой «технологией» является собственноручное подписание протокола участником следственного действия (п. 7 ст. 166 УПК РФ). Процедура удостоверения текста протокола лицом, которое в силу физических недостатков или состояния здоровья не может подписать протокол, предусмотренная п. 3 ст. 167 УПК, также основана на выполнении собственноручных подписей защитника, законного представителя, представителя или понятых, в присутствии которых происходит ознакомление такого лица с протоколом. Вместе с тем, наряду с собственноручной подписью, альтернативными технологиями удостоверения достоверности содержания процессуального документа могут быть технологии использования электронной подписи и биометрическая идентификация.

О последней технологии следует сказать особо. Правовой основой для ее применения служит ст. 14.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, согласно которой государственные органы, банки и иные организации в случаях, определенных федеральными законами, после проведения идентификации при личном присутствии гражданина Российской Федерации с его согласия на безвозмездной основе размещают в электронной форме сведения, необходимые для регистрации гражданина в единой системе идентификации и аутентификации, и биометрические персональные данные гражданина – в единой информационной системе персональных данных.

С 30 июня 2018 г. единая система идентификации и аутентификации внедрена в банковской сфере. Банк проводит идентификацию лица при личном присутствии, регистрирует его в системе идентификации, снимает биометрические параметры (аудиозапись голоса и фотоизображение) и направляет их в единую информационную систему персональных данных.

При последующих обращениях происходит подтверждение биометрических данных с помощью смартфона, планшетного ПК или с помощью веб-камеры.

После сравнения элементов лица и голоса клиента с ранее внесенными в систему он получает доступ к сервисам банка без личного визита в банк.

В-пятых, цифровые технологии способны существенно упростить процедуру производства следственных действий, участники которых территориально находятся в различных местах: в различ-

¹ Введена Федеральным законом от 31.12.2017 № 482-ФЗ.

ных помещениях, населенных пунктах, регионах, странах. Применение технологии видео-конференц-связи в совокупности с обозначенными выше технологиями удостоверения содержания документов позволяет снять пространственные препятствия проведения следственных действий, направленных на получение вербальной доказательственной информации: допросов, очных ставок и др.

При этом должны быть обеспечены следующие технические условия:

- устойчивость канала связи в режиме телеконференции;
- возможность преобразование устной речи в письменный текст;
- возможность ознакомления участников следственного действия с протоколом в режиме online;
- удостоверение протокола с использованием технологии, рассмотренной в предыдущем пункте.

В-шестых, внедрение технологий межведомственного электронного взаимодействия участников уголовного судопроизводства, включая суд, прокурора, начальника экспертного учреждения, начальника органа дознания, руководителей следственного органа различного уровня, следователя.

Подобные технологии способны повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности, положительно сказаться на сокращении сроков расследования и, в конечном счете, повысить доступность правосудия для граждан и организаций, потерпевших от преступлений.

Защита прав личности в уголовном процессе

Д. А. Гришин,
старший преподаватель кафедры,
кандидат юридических наук
(Академия ФСИН России)
GDA187@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав участников уголовно-процессуальной деятельности, система гарантий правового статуса личности.

Права личности, соблюдение прав и свобод человека, уголовный процесс, уголовно-процессуальная деятельность.

Учитывая установленный Конституцией и УПК РФ приоритет защиты основных прав и свобод человека, в том числе от необоснованного ограничения их в ходе производства по уголовному делу, данная проблематика является актуальной в современной правовой теории и практики. Установив, что Российская Федерация является правовым государством, законодатель принял в качестве системообразующих признаков обеспечение верховенства права, незыблемость основных прав и свобод человека, охрана непротивоправных интересов личности, взаимная ответственность государства и граждан, защита общества от произвола властей. Права человека при этом выступают как маркер степени свободы личности и как средство ограничения государственной власти¹.

К ограничению прав и свобод личности часто приходится прибегать в сфере борьбы с преступностью, что обуславливает возникновение и развитие конфликтов между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве. Это связано с принудительным характером процессуальных действий, направленных на собирание и проверку доказательств по уголовному делу. Проблема установления баланса в указанной сфере является крайне актуальной. При этом гарантированность прав и свобод личности, выраженная в принципах уголовного процесса, не тождественна абсолютному запрету на ограничение этих прав и свобод. Она лишь означает, что ограничение прав и свобод может иметь место в строго

¹ Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. М.: Юрайт, 2014. С. 15.

определенных условиях, при наличии установленных законом оснований и в установленном законом порядке.

Прежде всего обратим внимание на неоднозначное понимание сущности ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе, оснований и мер, необходимых для этого, что порождает соответствующие трудности в теоретическом и законодательном уточнении целей, оснований и мотивов производства следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права личности. Актуальными следует признать и вопросы обеспечения прав на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи, на безопасность.

Наличие проблем правового и правоприменительного характера в сфере правового статуса личности в уголовном процессе подтверждается и повышением интереса научного сообщества к институтам прокурорского надзора и судебного контроля за законностью действий и решений в ходе уголовного судопроизводства.

Конституционные положения, устанавливающие приоритет человеческой личности, ее прав и свобод позволяют правильно определить и понять задачи уголовного судопроизводства, осмыслить закрепленные обязанности дознавателя, следователя, прокурора и суда по обеспечению правового статуса лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Действительно, указанные должностные лица являются представителями государственной власти, а соответственно несут ответственность перед человеком за претворение в жизнь обязанностей, взятых на себя Российской Федерацией.

Претворяя в жизнь конституционные положения, законодатель в УПК РФ закрепил в качестве назначения уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Тем самым уголовное судопроизводство не имеет прямой направленности на борьбу с преступностью, что позволило ученым¹ утверждать о формировании нового типа уголовного процесса – охранительного.

Естественно, простое декларирование прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве не имело бы столь серьезного эффекта при отсутствии уголовно-процессуальных гарантий, которые представляют собой единую, взаимосвязанную жесткую систему.

¹ Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 33.

Нарушение любого элемента этой системы не только нарушает права конкретного участника уголовного судопроизводства, но и неизбежно отражается на всей системе, приводит к ущербу, неэффективности, искажению результата производства по уголовному делу. В таком случае следует отметить, что сущностью уголовного процесса является лишь та деятельность по расследованию и разрешению уголовных дел, которая соответствует установленному законом порядку совершения процессуальных действий и принятия тех или иных решений.

Реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства, сбалансированности их прав, исключению совершения незаконных действий и принятия неправомерных решений способствует система процессуальных гарантий. К последним мы склонны отнести судебный контроль (включая право на обжалование), прокурорский надзор, ведомственный контроль, обязанность следователя дознавателя уведомлять заинтересованных лиц о совершении процессуальных действий и принятии соответствующих решений, право на квалифицированную юридическую помощь, право на информацию.

Явно имеет место потребность в разработке на законодательном уровне эффективных средств защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. При этом такой разработке должен предшествовать глубокий теоретический анализ. Правовая основа уголовно-процессуальной деятельности должна отвечать современному положению дел, отражать и защищать интересы государства, общества и отдельного гражданина. Следует признать необходимость демократизации уголовно-процессуальной процедуры и ее подчинение задаче защиты прав, свобод, чести и достоинства личности, ориентации уголовного процесса на расширение возможности активного участия сторон в уголовном судопроизводстве.

В интересах охраны прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, подробнейшая регламентация оснований и процедуры следственных и иных процессуальных действий и решений, ограничивающих конституционные и иные права и свободы человека и гражданина, послужит одной из наиболее важных гарантий от злоупотребления публичной властью. Полное и объективное рассмотрение вопросов, связанных с повышением гарантий и прав участников уголовного судопроизводства, будет способствовать формированию чувства справедливости, равенства всех перед законом и судом.

Соблюдение прав и свобод гражданина на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (на примере преступлений в сфере экономической деятельности)

А. Е. Гришко,
*доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия ФСИН России)
9105001000@mail.ru*

Статья посвящена соблюдению прав и свобод гражданина на досудебных стадиях уголовного судопроизводства средствами прокурорского надзора, его роли и актуальных проблемах в указанной сфере. Также анализируется статистическая база преступности в целом и преступлений в сфере экономической деятельности в частности.

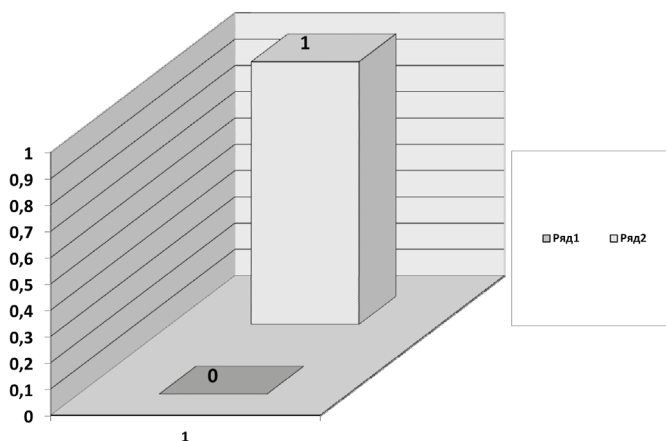
Досудебные стадии уголовного судопроизводства, экономическая деятельность, права и свободы гражданина.

Динамика преступлений в сфере экономической деятельности за последние пять лет говорит о том, что их уровень не снижается в соотношении с общим числом преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации. В 2018 г. удельный вес таких преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,5 %, в 2017, 2016, 2015 и 2014 гг. – 5,1 %, 5 %, 4,7 %, 5 %¹. Ущерб от них составил только за шесть месяцев 2018 г. – более 54 млн руб., а за полный 2017 г. – около 627 млн руб. Соответственно данная категория преступлений, как и прочие, не может остаться без внимания со стороны надзирающих органов в части исполнения законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Поскольку прокурорский надзор служит одним из элементов государственного механизма в деле обеспечения конституционных гарантий личности в уголовном процессе.

Руководствуясь принципами уголовного судопроизводства, закрепленными в ст.ст. 11 и 14 УПК РФ, прокурор обязан охранять

¹ URL: <http://crimstat.ru/> Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ.

права и свободы граждан в уголовном процессе, а также следовать принципу презумпции невиновности. И немедленно реагировать в рамках своих полномочий на любые нарушения, выразившиеся в искажении или неправильном толковании закона, выгодное тому или иному субъекту правоприменения.

При имеющихся в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством полномочиях, особенно в отношении органов предварительного следствия, добиться восстановления законности в конкретном уголовном деле либо по конкретному материалу процессуальной проверки прокурору зачастую очень сложно. При отсутствии надлежащего межведомственного взаимодействия между органами прокуратуры и территориальными следственными органами на местах функция прокурора сводится к проверке законности следующих 5 процессуальных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия, о прекращении предварительного следствия и о направлении уголовного дела в суд¹.

Практика осуществления прокурорского надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства показывает, что характерными нарушениями законодательства при расследо-

¹ См.: *Провоторь Ю.А.* Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в указанной сфере // Крымские юридические чтения. Преступность и общество. Сборник материалов научно-практической конференции: в 2-х томах. Под общей редакцией Н. Н. Колюки. 2018. С. 28–32.

вании уголовных дел экономической направленности являются нарушения требований ст. 6.1 УПК РФ, выражающиеся в несвоевременном принятии к производству уголовных дел после отмены незаконных решений о приостановлении предварительного расследования, необоснованном продлении сроков предварительного расследования и несвоевременным проведением необходимых следственных действий.

К примеру, следователем МВД России в отношении гражданина В. возбуждено уголовное дело по факту хранения с целью сбыта и продажи алкогольной продукции, маркированной поддельными федеральными специальными марками на общую сумму более 1 млн руб.

Изучение материалов уголовного дела показало, что в ходе расследования, срок которого продлен руководителем следственного органа до 9 месяцев, следователем выполнены всего 2 следственных действия, а именно 2 допроса подозреваемого В. При этом в одном из протоколов, в нарушении требований ст. 166 УПК РФ, не указаны дата его составления, а также время начала и окончания допроса.

Кроме того, в материалах уголовного дела на момент проверки отсутствовало постановление о принятии уголовного дела к производству следователем.

При продлении срока предварительного следствия следователь ссылаясь на одни и те же основания, послужившие продлению, однако мероприятий к их выполнению, установлению обстоятельств совершенного преступления, а также лиц, виновных в совершении преступления, не выполнено.

В связи с выявленными нарушениями прокурором в адрес руководителя следственного органа внесено требование, которое рассмотрено и удовлетворено.

Среди нарушений в данной сфере можно выделить, например, вынесение следователями постановлений о возбуждении уголовного дела по составам гл. 22 УК РФ с грубыми нарушениями норм уголовно-процессуального законодательства в связи с тем, что достаточных данных, указывающих на признаки преступления, не имеется.

Кроме того, по результатам прокурорских проверок нередко принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления).

Кроме того, среди преступлений экономической направленности частыми являются нарушения прав и свобод участников уголовного судопроизводства при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В частности, при опросе, направленном на выявление обстоятельств и фактов, уличающих гражданина в совершении преступления, следователем не допускается адвокат, в нарушение Конституции РФ (ст. 48 – право на предоставление квалифицированной

юридической помощи и ч. 1 ст. 51 – право не свидетельствовать против себя самого). В разрез с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», сотрудниками отделов по борьбе с экономическими преступлениями нарушается порядок проведения обследования. Имеют место незаконные действия со стороны сотрудников, факты разглашения или незаконного использования в своих целях материалов, ставших известными сотруднику, проводившему обследование.

В силу сказанного выше можно говорить о значимой роли прокурорского надзора в системе гарантий прав и свобод участников уголовного судопроизводства, которые на основании уголовно-процессуального законодательства состоят в защите законных прав и интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений, равно как и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а также ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Это полностью отвечает положениям норм 2-й, 22 – 25, 46 – 51, 53 – 55 статей Конституции Российской Федерации.

Правовые аспекты обеспечения прав и свобод личности при проверке сообщений о преступлении

И. И. Гусева,

*доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Владимирский юридический институт
ФСИН России)
guseva-ir@mail.ru*

В. Н. Зубков,

*старший преподаватель кафедры
частноправовых дисциплин
(Владимирский юридический институт
ФСИН России)
z-vladimir-z@mail.ru*

В статье анализируются проблемные вопросы правового регулирования прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела. Обращается внимание на пробелы уголовно-процессуального законодательства в части регламентации процессуального порядка, касающегося обеспечения прав и свобод граждан в ходе проверки сообщения о преступлении. Вносятся предложения по системному реформированию уголовно-процессуального законодательства в части регулирования прав и свобод участников стадии возбуждения уголовного дела.

Права и свободы участников УСП, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщений о преступлении, процессуальная форма.

Важным залогом предоставления всех необходимых прав и свобод гражданам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, служит уголовно-процессуальная форма. В данном случае мы рассматриваем уголовно-процессуальную форму в широком смысле как алгоритм уголовно-процессуальной деятельности, процессуальный порядок (процедура) производства процессуальных, следственных и судебных действий, форма и содержание процессуальных документов, технология уголовного судопроизводства и пр. Являясь одной из основных категорий уголовного процесса, процессуальная форма определяет уголовно-процессуальную деятельность правоприменителей. Несом-

тря на четкость законодательных предписаний (требований), процессуальная форма в отдельных ее проявлениях должна быть гибкой. Особенно это относится к обеспечению законных интересов участников судопроизводства, требующих своего совершенствования.

До внесения в марте 2013 г. изменений в ст. 144 УПК РФ¹ возникали проблемы с возможностью осуществления участниками стадии возбуждения уголовного дела отдельных конституционных прав. Так, многие следователи и дознаватели при проверке сообщения о преступлении не допускали представителя-адвоката при получении объяснений или производстве других действий, не принимали заявленные ходатайства и т. п., мотивируя отсутствием в УПК РФ таких предписаний. В данном случае процессуальная форма, предусматривавшая производство проверочных действий до возбуждения уголовного дела, шла вразрез с общепризнанными правовыми нормами, что вызывало справедливые нарекания со стороны участников уголовного процесса, правоприменителей и ученых. Вышеуказанные изменения, к сожалению, не до конца разрешили существующие проблемы и еще далеки от совершенства.

Обратимся к ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, которая обязывает уполномоченных субъектов разъяснять лицам, участвующим в производстве проверочных действий, их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечить им возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые решения затрагивают их интересы. Далее в данной статье употребляется уточняющий или дополняющий союз «в том числе» и перечисляются права – на свидетельский иммунитет, на пользование услугами адвоката и на обжалование действий (бездействий) и решений должностных лиц. Следует отметить, что предписание указанной законодательной нормы о разъяснении прав, предусмотренных УПК РФ, может распространяться лишь на отдельных субъектов данной стадии² – это заявитель, лицо, явившееся с повинной, эксперт, специалист, переводчик, понятой. Только им в кодексе определен скромный перечень прав на данной ста-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23 (в ред. ФЗ от 30.12.2015 № 440-ФЗ). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

² Более подробно о проблемных вопросах определения круга участников стадии возбуждения уголовного дела, обеспечении их прав и обязанностей см.: *Гусева И. И., Зубков В. Н.* Обеспечение прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовный процесс, на стадии возбуждения уголовного дела // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.). М.: РГУП, 2018. С. 44–51.

дии. Однако права, предоставленные заявителю и лицу, явившемуся с повинной, не касаются этапа проведения проверочных действий. Всем участникам этой стадии, согласно УПК, может быть разъяснено и гарантировано только право на обеспечение безопасности себя и своих близких (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Поэтому не ясно, о разъяснении и обеспечении каких еще прав, предусмотренных УПК РФ, при производстве доследственной проверки говорится в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Руководством к действию правоприменителей являются лишь уточнения, четко обозначенные в указанной статье, об обеспечении именно вышеназванных конституционных прав.

Система уголовно-процессуальных гарантий прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве (УСП) нуждается в оптимизации. Полагаем, не возникает сомнений, что права граждан, закрепленные в Конституции Российской Федерации (также как и в отдельных международных договорах), должны безоговорочно предоставляться участникам уголовного процесса вне зависимости от их фиксации в уголовно-процессуальном законе и стадии, на которой в них возникла потребность. Учитывая, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается именно УПК РФ (ст. 1 УПК РФ), на наш взгляд, целесообразен унифицированный подход к закреплению гарантий предоставления конституционных прав и свобод граждан. Это можно сделать, например, путем дополнения ст. 11 УПК РФ, с оговоркой о допустимости их ограничения в определенных случаях и порядке, предусмотренных Конституцией РФ и УПК РФ.

Предоставив отдельные права в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель ушел от облечения их в процессуальную форму, тем самым повысив риск их ограничения. Так, право пользоваться услугами адвоката не определяет, например, его полномочий, сроков явки и пр.

До настоящего времени в правоприменительной практике возникают проблемы с предоставлением возможности заявления ходатайств в стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии с внесенными в 2012 г.¹ дополнениями в ч. 1 ст. 119 УПК РФ право заявлять ходатайство получили лица, чьи права и законные интересы затронуты в ходе досудебного производства. Пункт 9 ст. 5 УПК РФ определяет досудебное производство с момента получения сообщения о преступлении. Соответственно нормы ч. 1 ст. 119 УПК

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 № 143-ФЗ. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

РФ распространяются и на участников вышеназванной стадии. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 120 и ст. 121 УПК РФ процедура заявления, приобщения и рассмотрения ходатайства предусмотрена лишь по уголовному делу. В данном случае процессуальная форма ограничивает осуществление одного из прав участников УСП.

В настоящий момент самым простым решением будет внесение изменений в ч. 1 ст. 120 УПК РФ, которую следует изложить в следующей редакции: «1. Ходатайство может быть заявлено в любой момент в ходе досудебного или судебного производства. Письменное ходатайство приобщается к материалам проверки сообщения о преступлении или материалам уголовного дела, устное – заносится в протокол процессуального, следственного действия или судебного заседания». В ст. 121 УПК РФ словосочетание «предварительного расследования» следует заменить на «досудебного производства».

Аналогичная проблема возникает с обеспечением права на представление доказательств участниками доследственной проверки материалов. Такое право предоставлено лишь отдельным участникам по возбужденному уголовному делу (ч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ). В то же время возможность получения в качестве доказательств письменных документов и предметов в ближайшее время после поступления сообщения о преступлении будет способствовать не только защите интересов заинтересованных лиц, но и скорейшему раскрытию и расследованию преступления.

Внесение дополнений в ч.ч. 2, 3 ст. 86, ст. 87 УПК РФ о заинтересованных участниках проверки сообщения о преступлении частично нивелирует данную проблему. В то же время и ныне существующая норма требует модернизации в части определения процедурного характера представления и получения доказательственного материала. На протяжении длительного времени различными авторами велся поиск перспективных направлений развития процессуального порядка получения доказательств и предлагались пути совершенствования законодательства¹. Каждая из позиций имеет

¹ Бедняков Д. И. О принятии предметов и документов, представленных в порядке ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе. Волгоград, 1988. С. 37–44; Гусева И. И., Лазарева Л. В. Проверка сообщений о преступлениях: процессуальные и непроцессуальные формы // Вестник ВЮИ. 2017. № 3 (44). С. 60–61; Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения [Текст] // Российский следователь. 2010. № 15. С. 18; Кальницкий В. В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 64–71; Стельмах В. Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 150; и др.

право на существование, но наделена и отдельными погрешностями, что является темой отдельного исследования.

Как было отмечено, отдельные права, связанные с выполнением полномочий в рамках проверки сообщений о преступлении, предоставляются экспертам, специалистам, переводчикам, понятым. Нормы, регламентирующие эти права, имеет отдельные изъяны в основном именно процедурного характера. Предлагаемые изменения и дополнения законодательных норм до настоящего времени не восприняты законодателем.

Множество вопросов возникает при реализации права на возмещение расходов, связанных с участием в проверочных действиях, из-за отсутствия механизма для данной стадии. Схожие проблемы мешают осуществлению права на возмещение вреда, причиненного преступлением. В этой связи следует обратить внимание законодателя на рассмотрение возможности придания гибкости процессуальной форме в похожих ситуациях.

Особый интерес и в то же время проблему представляет право на обеспечение безопасности участникам досудебного производства. Предоставляя гарантии обеспечения безопасности, законодатель определяет порядок, предусмотренный ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Однако в данной норме четко определено, что для обеспечения безопасности могут не приводиться данные о личности в протоколе следственного действия, к коим заявление о совершении преступления и объяснение не относятся. Если с заявлением можно решить вопрос путем изложения сведений, сообщенных пострадавшим или иным заявителем, в рапорте об обнаружении признаков преступления, то как быть с получением объяснений и проведением других процессуальных действий. Возникает проблема согласования постановления о псевдониме в случае проведения проверки сообщения о преступлении дознавателем. Несовершенство процедуры и несогласованность законодательных норм усложняет процесс их применения, лишает возможности отдельных участников воспользоваться законным правом на собственную безопасность.

Обозначенный неполный перечень проблем, возникающих при предоставлении прав участникам стадии возбуждения уголовного дела, позволяет говорить о несовершенстве законодательных норм, регламентирующих процедуру их обеспечения. Системное реформирование уголовно-процессуального законодательства с учетом реальных потребностей правоприменительной практики будет способствовать разумному балансу между соблюдением процессуальной формы и удовлетворению потребности личности, вовлеченной в уголовный процесс, в обеспеченности правами и свободами.

О подготовке кадров для органов предварительного следствия и дознания

И. Ю. Данилова,

*доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
кандидат педагогических наук
(Академия ФСИН России)
danilova.iu@mail.ru*

В статье рассматриваются основные инновационные подходы к подготовке кадров органов предварительного следствия и дознания.

Инновационные подходы, образование, предварительное следствие, дознание.

Развитие системы образования в Российской Федерации побуждает выработку инновационных подходов к профессиональному обучению сотрудников правоохранительных органов

Стоит отметить, что актуальные вопросы подготовки следователей и дознавателей, как первоначальной, так и дополнительной, рассматривались в юридической литературе неоднократно, а также предлагались меры к ее усовершенствованию.

Таким образом, как и перед выпускниками правовых вузов, профессорско-преподавательским составом, так и перед представителями науки ставятся задачи, среди которых можно выделить следующие: формирование глобального видения мира посредством приобретения глубоких и разносторонних знаний, развитие аналитических способностей и критического мышления, осознание собственных возможностей; формирование профессиональных компетенций, знаний, умений и навыков, способности оперативно и эффективно решать возникающие проблемы в сфере профессиональной деятельности посредством выработки умений преодолевать нежелательные импульсы и вредные привычки и другие¹.

¹ Попова К.В. Криминалистическое содержание профессиональной подготовки следователей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 : СПб., 2002. 185 с. РГБ ОД, 61:03-12/148-8.

Для того чтобы правоохранительные органы успешно существовали и развивались, нужно, чтобы их сотрудники обладали необходимым «багажом знаний», профессиональными и человеческими качествами. Формирование таких качеств следует начинать еще со школы, а их укрепление должно происходить не только в профессиональной, но и в повседневной жизни¹.

Те знания, которые будущие следователи и дознаватели получают в процессе профессиональной подготовки, являются фундаментом их работы. Однако от того, как они применяют на практике усвоенный материал, зависит успех их деятельности². Именно вопрос о способности применить полученные знания на практике, а порой и в стрессовой ситуации, является главным постулатом проблемно-коммуникативного подхода.

В настоящее время представления о выпускниках того или иного вуза заранее сформировано будущим работодателем. При этом оцениваются как знания, умения и навыки, так и системы корпоративных ценностей и моделей организационного поведения, усвоенные выпускниками.

К примеру, существует мнение, что выпускники Московского государственного университета ориентированы более на теоретическое представление полученных знаний, тогда как выпускники Саратовской государственной юридической академии, напротив, имеют склонность к практическому предоставлению материала.

Ориентированное на разрешение конкретных проблем коммуникативное обучение готовит обучаемых к использованию полученных знаний в реальной практической деятельности следователя или дознавателя.

Практическое моделирование различных ситуаций, которые часто встречаются в повседневной работе следователей и дознавателей, позволяет не только усвоить теоретический материал, который необходим для разрешения конкретных ситуаций, а также получить навык их применения в реальной жизни. При этом рядом с ними должен находиться опытный наставник, который позволит обучаю-

¹ Багмет А.М. Организация учебной деятельности в Институте повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://организация учебной деятельности.рф/article/3640> (дата обращения: 07.08.2018).

² Ерошенков Н.В. Образовательная среда вуза МВД России в профессионально-нравственной подготовке будущего полицейского // Современные исследования социальных проблем. (Электронный Научный Журнал). 2012. № 11.

щемуся проявить себя, но в то же время указать на ошибки и помочь исправить их¹.

В таких условиях будущие следователи и дознаватели способны четко представлять для себя положительные результаты обучения, нести ответственность за них. При этом они развивают умение учиться, получают возможность проверять объективность самооценки своих знаний, стремятся их углубить и закрепить.

К примеру, во многих профильных вузах Российской Федерации в последнее время стали появляться криминалистические полигоны, которые помогают не только приобрести практические навыки, необходимые для службы в органах, но и интерактивно разнообразить образовательный процесс.

Стоит отметить, что одним из подходов к подготовке кадров органов предварительного следствия и дознания является предоставление им возможности получения практического опыта в работе со специализированными программами, которые помогают упростить объем криминалистически значимой информации².

Современные информационные технологии, особенно информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, образуют виртуальную реальность путем передачи текста, звуков, изображений³. Насыщение современной жизни компьютерными системами, телекоммуникациями, виртуальной реальностью не только существенно видоизменяет преступность, но и открывает новые возможности борьбы с ней. Эти возможности необходимо как можно быстрее и полнее интегрировать в современную систему обучения будущих сотрудников органов предварительного следствия и дознания.

Наконец для слушателей и студентов необходимо предоставить возможность самообучения. На сайтах образовательных учреждений должны быть размещены материалы для самоподготовки, учебно-методические пособия, онлайн-библиотека, практикумы.

Итогом самостоятельной работы является изложение проблематики любой из выбранных тем, оформленную в форме реферата. При этом обучающиеся нацелены на то, чтобы спроецировать

¹ *Гаврилов Б.Я.* Производство дознания в сокращенной форме [Текст]: научно-практическое пособие / Б.Я. Гаврилов, А.Н. Кузнецов. Воронеж: Научная книга, 2014. 210 с.

² *Астафьев Н.В.* Повышение профессиональной подготовленности выпускников вузов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. и доп. от 19.07.2018 № 211-ФЗ) // СЗ РФ. 31.07.2006. № 3448.

в реферате полученные теоретические знания на свою практическую деятельность.

Преподаватели обобщают работы, лучшие из них запланированы к опубликованию, а приведенные в них примеры следственной практики, методы организации следственной деятельности и процессуального контроля «берутся на вооружение», рассматриваются в качестве определенного обмена опытом на научно-практических конференциях и круглых столах.

Чтобы профессиональное обучение было эффективным, оно должно быть системным. Безусловно, чтобы достичь высокого профессионального уровня, недостаточно нескольких лет. Сегодня актуален принцип «образование в течение всей жизни», а не существовавшая ранее концепция «образование на всю жизнь»¹.

¹ *Попова К.В.* Криминалистическое содержание профессиональной подготовки следователей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 : СПб., 2002. 185 с. РГБ ОД, 61:03-12/148-8.

Реализация общих условий судебного разбирательства в судебном заседании по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора

А. Б. Диваев,

*декан юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
(ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИИ России)
divalex09@mail.ru*

В представленной статье рассматриваются сущность судебной деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, понятие и система общих условий судебного разбирательства, возможность и особенности реализации этих условий при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

Уголовно-процессуальное производство, судебное разбирательство, общие условия судебного разбирательства, исполнение приговора.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) прямо ничего не говорит о распространении положений гл. 35 УПК РФ, предусматривающих общие условия судебного разбирательства, на судебную деятельность по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, что необходимо рассматривать как существенный пробел законодательства.

Под общими условиями судебного разбирательства, как представляется, необходимо понимать закрепленные уголовно-процессуальным законом, производные от принципов уголовного судопроизводства правила судебного разбирательства, являющиеся общими для всех форм производства в суде первой инстанции.

Согласно ст. 401 на судебное решение, вынесенное при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть поданы апелляционная жалоба или представление в порядке, определенном ст. 3891 УПК РФ, что наталкивает на вывод: производство по разрешению этих вопросов – форма производства в суде первой инстанции. Да, предметом этого судебного заседания является не обвинение, а круг других вопросов, но это полноценная судебная деятельность с разрешением правовой ситуации по существу, т. е. судебное разбирательство.

Раз закон допускает обжалование судебного решения, значит имеется правовой вопрос, спор, требующий принятия судом законного и обоснованного решения, возможны неудовлетворенные интересы, требующие защиты вышестоящим судом. Именно это позволяет данное вид судебного заседания считать не формой распорядительного заседания суда, когда соответствующий правовой вопрос решается в бесспорном порядке, а судебным разбирательством, когда суду нужно «разобраться», установить фактическую сторону дела и принять основанное на законе решение.

Но если это судебное разбирательство в суде первой инстанции, на него должны распространяться общие условия судебного разбирательства. Если они на него не распространяются, значит эти условия нельзя назвать «общими». Противоречие?

Можно, конечно, подойти к вопросу с другой стороны. Например, предположить, что судебное заседание по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, хотя и судебное разбирательство, но какое-то необычное, характеризующееся каким-то своими условиями. Но тогда возникает ответный вопрос: а почему тогда порядок обжалования решений, постановленных по его итогам, совершенно обычный? Что в этом случае является предметом судебной деятельности при их пересмотре в суде апелляционной инстанции, как, и руководствуясь чем, он должен выносить решение по жалобе или представлению? Если это необычное судебное разбирательство, должны быть и особые основания обжалования его решений, и особый порядок рассмотрения апелляционных жалоб и представлений и, что самое главное, особые процессуальные основания их отмены и изменения. Но ничего подобного в законе нет. Суд апелляционной инстанции рассматривает жалобы и представления на эти решения в общем порядке, используя унифицированную систему процессуальных оснований их отмены или изменений, что означает только одно: к этим решениям предъявляются общие критерии их законности и обоснованности. А поэтому и порядок их вынесения также должен соответствовать этим критериям.

Однако законодатель прямо не говорит об этом. Налицо существеннейший пробел законодательства, который может быть устранен единственным способом – прямым указанием в законе на то, какие именно положения гл. 35 УПК РФ работают в суде по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, что дало бы возможность участникам этого судебного разбирательства понять, какие условия судебного разбирательства здесь неприменимы.

Пленум Верховного Суда РФ, при отсутствии достаточного законодательного регулирования этих вопросов, пытается помочь правоприменителю. По вопросам применения судами законодательства, регламентирующего исполнение приговора, им даже было вынесено специализированное постановление¹. Однако, во-первых, не на все вопросы дает и может дать ответ постановление Пленума. И, во-вторых, даже если бы оно было более содержательным, это не более чем временное решение проблемы. Необходимо более детальная регламентация судебного разбирательства по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, на уровне закона.

Нельзя сказать, что теория безмолвствует по данному кругу вопросов. В настоящее время активные исследования в этом направлении ведут такие авторы, как В.В. Николюк, В.И. Качалов, Л.А. Пупышева (Шабалина), Ю.А. Тябина, Д.В. Тулянский, О.В. Воронин и др. Однако пока единой концепции относительно реформирования законодательства в сфере разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, не выработано.

Сразу отметим, что далеко не все условия судебного разбирательства применимы в данном судебном заседании. Можно определенно утверждать, что в принципе не могут быть реализованы здесь условия, устанавливающие равенство прав сторон судебного разбирательства (ст. 244 УПК РФ), условия участия обвинителя (ст. 246 УПК РФ), гражданского истца, гражданского ответчика (ст. 250 УПК РФ), специалиста (ст. 251 УПК РФ).

Какие же условия судебного разбирательства имеют распространение на это судебное разбирательство?

Очевиден факт реализации в судебном заседании по разрешению вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК РФ, начала гласности, предусмотренного ст. 241 УПК РФ. Это прямо вытекает из требований Конституции РФ, на что обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 20.12.2011 № 21: «Судам следует иметь в виду, что рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия в открытом судебном заседании, за исключением случаев, указанных в **ч. 2 ст. 241 УПК РФ**». Это условие судебного разбирательства здесь действует в полном объеме, без каких-то оговорок.

¹ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 29.11.2016) // Рос. газ. 2011. № 296.

Также не вызывает сомнений и безусловная реализация в этой деятельности такого условия судебного разбирательства, как неизменность состава суда.

Очень неоднозначно в науке решен вопрос о том, реализуются ли в данном судебном разбирательстве условия непосредственности и устности судебного разбирательства.

Сложность этой проблемы обусловлена тем обстоятельством, что ни в науке, ни на практике не разрешена проблема наличия доказательственной деятельности в ходе судебного разбирательства по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. От ее решения зависит ответ на поставленный вопрос.

Так, в науке в последние годы получило распространение мнение о том, что деятельность суда по установлению обстоятельств, являющихся основаниями разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, является доказыванием. Сформулирован предмет этого доказывания, дается трактовка средствам, используемым судом при осуществлении этой деятельности, как средств доказывания, а результаты этой деятельности рассматриваются как доказательства¹. В то же время существует и противоположное мнение².

Как представляется, исходя из системного толкования норм современного закона, все же первая точка зрения более близка к истине. Дело в том, что другого вывода просто не может быть. Если судебную деятельность по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, признавать уголовно-процессуальной (а на сегодня это, хотя бы из соображений того, что она регламентируется нормами уголовно-процессуального закона, бесспорно), то возможность использования в судебном заседании, при исследовании тех или иных обстоятельств, каких-либо иных средств познания, кроме средств доказывания, исключена. Законодатель прямо в ст.ст. 399 и 400 указал, что после доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя, происходит исследование представленных материалов. Судебное исследование осуществляется исключительно в судебном следствии путем производства судебных следственных действий.

¹ См., например: *Качалов В.И.* Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 142–211; *Шабалина Л.А.* Указ соч. С. 6–88; *Тябина Ю.А.* Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 120; и др.

² См., например: *Тулянский Д.В.* Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 101–118.

Другого способа в уголовном процессе нет. Итогом этого, в обязательном порядке, являются доказательства.

Некоторые авторы, в целом поддерживая наличие доказывания при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, в то же время считают, что здесь имеет место некая особая упрощенная его форма¹.

С такой точкой зрения, по нашему мнению, согласиться нельзя. Да, в основе она вполне разумна. Однако рассматривать это пока можно только в качестве пожелания законодателю и не более того. Любые «сокращенные», «упрощенные», «суммарные», «особые» формы процессуальной деятельности допустимы только по прямому указанию закона. Пока законодатель прямо не отразит их в законе, вряд ли возможно говорить об упрощенном доказывании обстоятельств, устанавливаемых судом при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Исходя из сказанного и учитывая доказательственный характер деятельности, производимой в этом судебном заседании, следует согласиться и с распространением условий непосредственности и устности на эту форму судебного разбирательства.

Если анализировать условия, относящиеся к основам участия тех или иных лиц в судебном разбирательстве, можно уверенно утверждать, что в судебном разбирательстве, производимом по вопросам, связанным с исполнением приговора, безусловно, реализуются условия участия председательствующего и секретаря судебного заседания. Это обязательные участники этой деятельности.

Наибольшие споры вызывает возможность реализации в этом судебном разбирательстве условий, характеризующих основы участия в суде подсудимого и защитника.

Учитывая, что положения ст.ст. 247 и 248 УПК РФ, в настоящее время имеют отсылочный характер и построены в своей основе на положениях ст.ст. 47 и 49–53 УПК РФ, можно, с определенными оговорками, распространить положения этих условий судебного разбирательства и на судебное заседание, производимое по вопросам, указанным в ст. 397 УПК РФ.

Такой же вывод можно сделать, если проанализировать в системе и нормы закона, предусматривающие право осужденного пригласить в судебное заседание по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, адвоката. Условие судебного разбирательства, предусмотренное ст. 248 УПК РФ, посредством его

¹ См.: Качалов В.И. Указ соч. С 168–169.

системного толкования с со ст. 47 УПК РФ ч. 2 ст. 49 УПК РФ, в контексте гарантированного каждому конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи вполне распространимо на рассматриваемое судебное разбирательство.

Думается, что нет никаких препятствий и для реализации здесь ряда иных условий судебного разбирательства. Судебное разбирательство по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, вполне может быть и отложено, и приостановлено по правилам ст. 253 УПК РФ. В ходе него в полном объеме соблюдается регламент судебного разбирательства, и могут быть применены меры воздействия к нарушителям порядка в судебном заседании. Ну и, безусловно, ведется протокол судебного заседания по правилам, установленным ст. 259 УПК РФ, хотя закон об этом прямо и не говорит. На такой вывод наталкивает возможность обжалования итогового решения суда, что было бы невозможно без фиксации хода и результатов судебного разбирательства по вопросам, связанным с исполнением приговора.

Права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера: проблемы законодательного регулирования

Н. В. Жарко,

*доцент кафедры,
кандидат юридических наук
(Академия ФСИН России)
nwm2011@yandex.ru*

А. В. Новикова,

*заместитель начальника кафедры,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия ФСИН России)
nlw2013@yandex.ru*

В статье анализируются современные проблемы законодательного регулирования прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Права и интересы, принудительные меры медицинского характера, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера должна реализовываться в строгом соблюдении прав, свобод и интересов лиц, страдающих психическими расстройствами. Более того, законодатель к лицу, которому судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, должен проявлять особое внимание, поскольку данная «специальная» категория участников уголовного судопроизводства зачастую из-за своего психического состояния не может лично защищать свои права и отстаивать свои интересы. Именно поэтому сфера процессуальных прав и интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, требует теоретического осмысления с целью выявления существующих проблем ее законодательного регулирования и выработке предложений для их решения. Ведь точ-

ность, полнота, структурированность и непротиворечивость уголовно-процессуальных норм, закрепляющих правовой статус указанных лиц, и есть гарантия обеспечения их прав, свобод и интересов¹.

В этой связи представляется необходимым заострить внимание на некоторых проблемных вопросах нормативно-правового регулирования рассматриваемой сферы правоотношений, которые, на наш взгляд, не достаточно разрешены в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Бесспорно, что размещение норм, регулирующих порядок производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовно-процессуальном законодательстве, позволяет говорить о лице, в отношении которого данное производство осуществляется, как о полноправном участнике уголовного судопроизводства. Вместе с тем, законодатель ставит данное утверждение под сомнение, не закрепляя в разделе II Уголовно-процессуального кодекса РФ «Участники уголовного судопроизводства» совокупность норм о данном лице и его правовом статусе. Кроме того, в законе не дается четких предписаний о том, как этот участник уголовного процесса должен однозначно именоваться. Так, ч. 1 ст. 433 УПК РФ перечисляет категории лиц, которым могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, называя их: лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости; лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Далее в названии ст. 437 УПК РФ, в ч. 3 ст. 439 УПК РФ законодатель объединяет эти две категории одним понятием как «лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера»².

Для исключения таких разночтений на протяжении многих лет ученые-процессуалисты в своих научных изысканиях пытаются сформулировать однозначное понятие исследуемого участника уголовного судопроизводства. В частности, П. А. Колмаков предлагает называть данного участника как «лицо, нуждающееся в применении принудительных мер медицинского характера»³. Т. А. Михайлова

¹ См.: *Гаврилов Б.Я.* Роль уголовно-процессуального права в обеспечении прав и свобод участников уголовного процесса // Материалы международной научно-практической конференции: Трансграничная безопасность и государство в современном мире. Улан-Уде, 2016. С. 11.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2018. С. 221.

³ См.: Колмаков П. А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... док. юрид. наук. СПб., 2000. С. 32.

считает, что правильным было бы определить его как «лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера»¹. Позиция В. В. Николюка, В. В. Кальниченко аналогична сформулированной законодателем в ст.ст. 437, 439 и, думается, абсолютно правильна, поскольку отражает специфику процессуального положения исследуемого субъекта и особого порядка уголовного судопроизводства в отношении указанной категории лиц.

Представляется, что для окончательного разрешения обозначенных проблем необходимо размещение отдельной статьи в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», закрепляющей четкое наименование, нормативное понятие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера в качестве участника уголовного судопроизводства и определяющей его правовой статус. Последнее позволит детально и нормативно урегулировать и конкретизировать права лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а не руководствоваться правами подозреваемого и обвиняемого, закрепленными в ст. 46 и 47 УПК РФ.

В рамках исследуемой проблемы особую актуальность приобретает вопрос о моменте обязательного допуска защитника к участию в производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Казалось бы, ст. 438 УПК РФ, содержащая положение о том, что защитник обязательно участвует в производстве с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, разрешает обозначенную проблему. Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке продолжают обосновываться иные воззрения на указанную проблему, направленные, по мнению авторов, на усовершенствование действующего законодательства и повышение гарантий в обеспечении прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Одни ученые утверждают, что невменяемому лицу не предъявляется обвинение и, соответственно, при отсутствии обвинения в совершении деяния защита становится беспредметной. Данная позиция, на наш взгляд, является несостоятельной, поскольку предмет защиты состоит не только в защите от предъявленного обвинения, но и в действиях защитника, направленных на обеспе-

¹ См.: Михайлова Т.А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М., 1987. С. 32.

чение всех субъективных прав и законных интересов «специфического подзащитного» – лица, страдающего психическим расстройством, не всегда способным самостоятельно защищать свои права и интересы.

Другие усматривают необходимость обязательного участия защитника только после производства судебно-психиатрической экспертизы, то есть после получения заключения и его оценки¹. Несомненно, данная точка зрения имеет право на существование, но, на наш взгляд, порождает вполне закономерный вопрос: будет ли данный момент участия защитника в производстве о применении принудительных мер медицинского характера своевременным?

В этой связи правильной представляется позиция О.В. Левченко и Е.В. Мищенко, которые утверждают, что «момент участия защитника должен быть установлен при наличии сомнений в психической полноценности лица»², поскольку оно нуждается в защите и до назначения судебно-психиатрической экспертизы решение о производстве которой может быть им оспорено.

Еще одной гарантией обеспечения прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является привлечение на основании постановления следователя или суда к участию в уголовном деле его законного представителя и закрепление в законе прав последнего. Такая норма сформулирована в ст. 437 УПК РФ, которая, на наш взгляд, носит фрагментарный характер, поскольку недостаточно четко определяет некоторые моменты. Так, законодатель не конкретизирует, с какого момента законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, допускается к участию в деле и при наличии каких оснований может быть отстранен.

Думается, что законный представитель должен выступать в защиту прав и законных интересов лица, страдающего психическим расстройством и в силу своего физического состояния не могущего лично осуществлять свои права и выполнять свои обязанности с момента необходимости проведения первого допроса.

¹ См.: *Галан А.И.* Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признанных невменяемыми. Киев, 1966. С. 36; *Михайлова Т.А.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М., 1987. С. 43.

² См.: *Левченко О. В., Мищенко Е.В.* Проблемы правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 3. С. 93.

Вместе с тем нельзя исключать и тот факт, что со стороны законного представителя возможны действия, наносящие ущерб интересам лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В таком случае необходимо немедленное реагирование следователя или суда с решением вопроса об его отстранении и вынесении соответствующего постановления, что, безусловно, должно найти отражение в законе по аналогии с нормой, закрепленной в ч. 4 ст. 426 УПК РФ, в отношении законного представителя несовершеннолетних.

Высказанные соображения настоятельно свидетельствуют о необходимости их закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. И, конечно, не исчерпывают круг проблемных вопросов законодательного регулирования прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, что, в свою очередь, открывает перед исследователями широчайшие возможности для дальнейших научных изысканий.

Формирование положительного образа следователя в средствах массовой информации

С. В. Зиберов,
начальник отделения ЦКС УМВД России
по Калининградской области
sergei-zibero@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования положительного имиджа следователя в средствах массовой информации. Автор уделяет внимание не только традиционным формам, используемым средствами массовой информации, но и современным, реализуемым в социальных сетях посредством Интернета.

Положительный имидж, имидж следователя, взаимодействие полиции и средств массовой информации, имидж полицейского.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений, что понятие «информация» является одним из центральных научных категорий, в том числе и в юриспруденции: наряду с преступной деятельностью и судебно-следственной практикой информация, порожаемая преступлением и связанная с ним, выступает в качестве одного из объектов не только отечественной криминалистики, но и криминологии.

И это не удивительно. Роль информации в жизни человека была интуитивно осознана с древнейших времен. «В начале было слово...» – мысль, пронизывающая сознание человека во все времена. В самых разных религиях в круг ключевых значений входят понятия, связанные с передачей информации: откровение, заповедь, завет и др. По сути дела, вся история религии состоит в движении и изменении некоторой специальной информации.

С развитием информационного подхода, раскрывающего новые свойства, новые стороны материальных объектов, социальных явлений и процессов, само понятие информации переросло из обиходных категорий в общенаучное понятие, которое, несмотря на свою распространенность, и по сей день вызывает огромное количество споров, дискуссий и по поводу которого имеется множество самых различных точек зрения¹.

¹ Полонников Р.И. Феномен информации и информационного взаимодействия (введение в семантическую теорию информации). СПб.: Анатолия, 2001. С. 6.

Важную роль информация играет и в процессе формирования положительного имиджа должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в частности следователя, положительно влияя тем самым на профилактику преступного поведения и повышение эффективности расследования. Заметим, что в отличие от повседневной деятельности сотрудников служб полиции, оказывающих физическое противодействие преступности, работа следователя в средствах массовой информации освещается весьма скупо, а если такая информация и подается, то не всегда соблюдаются требования, к ней предъявляемые.

Большую роль играет достоверность информации. Кроме достоверности, в литературе отмечаются и другие важные свойства информации: полнота, своевременность, непрерывность, систематичность и другие.

Следователь, в отличие от сотрудника патрульно-постовой службы или участкового уполномоченного полиции, – это лицо, которое в своей повседневной деятельности работает с лицами, имеющими процессуальный статус. В этой связи сведения о профессионализме следователей и процесс формирования их имиджа в умах основного населения носит весьма опосредованный характер – главным посредником выступают именно средства массовой информации, питаемые информацией от участников уголовного судопроизводства. В этой связи на качество и объективность формирования имиджа следователя влияет сама информация и способ ее размещения в средствах массовой информации. Рассмотрим требования, которым должна отвечать информация для формирования положительного имиджа следователя и которую используют средства массовой информации в профессиональной деятельности.

Требование полноты связано с отбором такой информации, которая имеет отношение к поставленной задаче, необходима и достаточна для ее разрешения. Указанное требование связано с понятием избыточности информации, подразумевающей ту часть сообщения, которая не несет полезной нагрузки. В деятельности следователя это один из самых сложных аспектов, так как в процессе расследования нередко необходимо соблюдать конфиденциальность, и неполная информация может порождать домыслы, ложные сведения. В то же время строго должно соблюдаться требование о недопустимости разглашения информацией, охватываемой тайной следствия.

Также информация о деятельности следователя должна быть объективной. Критерии объективности в этом случае сводятся к следующему:

– деятельность следователя должна всегда иметь объективную оценку;

– критика деятельности следователя нежелательна, в крайнем случае она должна носить конструктивный, доброжелательный характер, подчинена цели – оказать следователю содействие и помощь в выявлении и устранении недостатков, а также способствовать установлению истины по возбужденному уголовному делу.

Исследования показывают, что население получает информацию о работе следователей чаще всего именно из средств массовой информации (печать, радио, телевидение, кино, интернет). Эти средства не только в определенной мере отражают общественное мнение, но и формируют его. Именно поэтому органам внутренних дел должно быть безразлично, каким будет это общественное мнение. Именно поэтому в пресс-службах управлений, главных управлений внутренних дел МВД России ежедневно осуществляется не только мониторинг печатных и электронных СМИ, но и систематическое, разностороннее изучение общественного мнения по каждому курируемому региону, области (на примере Калининградской области, изучается как обстановка в области в целом, так и в каждом районе области отдельно)¹. Важным фактором повышения эффективности деятельности органов внутренних дел, профилактики правонарушений и формирования позитивного мнения населения о следствии и других службах ОВД является обеспечение их постоянного взаимодействия со средствами массовой информации, общественными движениями и организациями.

В определенной мере данную задачу сегодня решают существующие центры общественных связей, пресс-центры, пресс-группы, а также отдельные сотрудники, выполняющие их функции в МВД республик, ГУВД, УВД краев, областей, автономных образований и УВДТ. Пресс-службы занимают важное место в организации пропаганды оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и создании положительного имиджа следователей. В то же время МВД России, обладая достаточными информационными возможностями, не всегда использует их в полной мере для поддержания авторитета, формирования и укрепления положительного образа сотрудников следственных

¹ Сотрудники пресс-служб ежемесячно выезжают в каждый из районов области и проводят анкетированный опрос населения. Кроме того, за аналогичный период времени данные по тем же анкетам поступают из каждого райотдела внутренних дел, таким образом, данные сверяются.

подразделений¹. Работа чаще всего строится без учета социальных и психологических особенностей, которые характеризуют современное общество, что сводит все действия к простой констатации проведенных организационных и практических мероприятий², без указания роли следователя в раскрытии и расследовании преступлений, его высочайшем мастерстве, интеллектуальном напряжении, большой работе по недопущению дальнейших преступлений конкретной категории.

Особый практический интерес вызывает взаимодействие средств массовой информации со следователями. Так, 11.08.2011 был подписан приказ Следственного комитета России № 127 «Об организации взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью»³. Этот приказ должен был стать толчком к урегулированию размежеваний, возникающих на практике между следственными органами и журналистами. В связи с чем в 2012 году было сформировано Положение об управлении взаимодействия со средствами массовой информации Следственного комитета России, утвержденное приказом Следственного комитета России от 07.06.2012. Данная нормативно-правовая база существенным образом облегчает деятельность следственного аппарата Следственного комитета по взаимодействию со средствами массовой информации и может быть использована как положительный опыт в органах внутренних дел.

Основоположник криминалистики Ганс Гросс в известной работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» выразил мнение о большом значении использования печати при расследовании преступлений и рекомендовал судебным следователям взаимодействовать с ней. По этому поводу он писал: «Самой собой разумеется, что судебный следователь не может быть равнодушен к такой могучей общественной силе, как ежедневная печать»⁴.

¹ *Баконин А.Д.* Процессуальное взаимодействие правоохранительных органов, суда со средствами массовой информации при расследовании и рассмотрении дел о правонарушениях // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Санкт-Петербургский юрид. институт Генеральной прокуратуры РФ. Санкт-Петербург, 2004.

² *Копылов А.В.* Изучение динамики общественного мнения в управленческой деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3.

³ Об организации взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 11.08.2011 № 127 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121557/.

⁴ *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 339.

В Следственном департаменте вопросы взаимодействия со СМИ решаются в рамках Приказа МВД России от 11.12.2015 № 1165 «Об организации информационного сопровождения деятельности территориальных органов МВД России». Полагаем, разработка приказа и положения о взаимодействии Следственного департамента МВД России со СМИ напрямую существенным образом усовершенствовало бы это направление по формированию положительного имиджа следователями.

Как видно, формирование положительного имиджа следователя в средствах массовой информации – важное и необходимое направление деятельности пресс-служб органов внутренних дел, а также элемент национальной политики по повышению уровня доверия населения к правоохранительным структурам и государственному аппарату в целом.

Принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве и гарантии его обеспечения

У. С. Ищенко,

заместитель начальника правового отдела
(Академия управления МВД России)

В статье рассматривается система гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в виде комплекса средств, приемов, методов: институциональные, функциональные (процессуальные), социальные гарантии. Особое внимание автором уделено функциональным (процессуальным) гарантиям обеспечения принципа независимости судей.

Эффективное уголовное судопроизводство, принципы уголовного судопроизводства, суд, независимость судей, принцип независимости судей, гарантии обеспечения принципа независимости судей, функциональные (процессуальные) гарантии обеспечения принципа независимости судей.

Проблемы теоретического, нормотворческого и правоприменительного характера при реализации гарантий обеспечения принципа независимости судей обуславливают актуальность заявленной тематики научной статьи. Вышеуказанный комплекс проблем систематически становился предметом научных дискуссий¹.

Как представляется, гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия позволят сохранить доверие к независимости и беспристрастности судьи в Российской Федерации. В этой связи на государственном уровне принимаются всесторонние меры в целях формирования системы гарантий обеспечения принципа независимости судей и построении механизма их реализации.

¹ Об отдельных аспектах реализации гарантий обеспечения независимости судей см.: Колосовский В.В. Оценка субъективной природы квалификационных ошибок и гарантии независимости судей // Журнал российского права. 2009. № 8; Ливеровский А.А. Публичность правовых позиций как гарантия независимости судьи // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2; Макарова О.В. Некоторые проблемы укрепления гарантий независимости судей // Журнал российского права. 2008. № 5; Макарова О.В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 1; Петухов Н. А., Ермошин Г.Т. Независимость судьи Российской Федерации: современные проблемы обеспечения // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 11–15. Камардина А.А. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 57–59.

Несмотря на принятые последовательные меры, направленные на обеспечение независимости судей, всесторонний анализ законодательства и научных изданий позволил вычленировать ряд вопросов, разрешение которых является в современных условиях первостепенным. Это формирование системы гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей; изучение возможности реального осуществления гарантий независимости судей в современных условиях; построение механизма реализации гарантий независимости судей.

Анализ законодательства, научных и учебных изданий позволяет констатировать необходимость формирования целостной системы гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей, и позволяет представить данную систему в виде *институциональных, функциональных (процессуальных), организационных, социальных и нравственных гарантий независимости судей*.

Совершенствование функциональной (процессуальной) независимости судей позволит сформулировать правовой механизм обеспечения независимости судей в уголовном судопроизводстве в русле международно-правовых стандартов отправления правосудия. В рамках научной статьи представляется значимым уделить внимание анализу функциональных (процессуальных) признаков независимости судей и гарантиям их обеспечения.

Функциональные (процессуальные) элементы принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве представляют собой процессуальные средства. Плюрализм мнений ученых относительно процессуальных средств, которые позиционируются в качестве функциональных (процессуальных) гарантий, позволяет отнести к ним процессуальные нормы, принципы уголовного судопроизводства, процессуальные институты, уголовно-процессуальную форму, деятельность участников уголовного судопроизводства, процессуальное принуждение и процессуальные санкции¹.

Процессуальными гарантиями независимости судей, как отмечают ученые и практики, являются установленные уголовно-про-

¹ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 56; *Рахунов Р. Д.* О юридических гарантиях независимости судей в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 50; *Мотовиловкер Я. О.* О гарантиях интересов личности и правосудия // Советское государство и право. 1974. № 6. С. 112; *Кокорев Л.Д.* Уголовно-процессуальные гарантии // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 114; *Ермошин Г.Т.* Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 92; *Гущина Н.А.* Независимость судей как предпосылка справедливого и беспристрастного правосудия // Журнал российского права. М., 2016. № 5. С. 151–159; и др.

цессуальным законом положения (средства), которые позволяют выполнить назначение уголовного судопроизводства, исключают механизмы подчинения судьи в уголовном процессе, обеспечивают свободное и самостоятельное принятие судьей процессуальных решений по уголовному делу на основе закона и своего внутреннего убеждения, а также устанавливают особую процедуру привлечения судьи к уголовной ответственности.

Как представляется из вышеизложенного, в функциональной (процессуальной) независимости судей в уголовном судопроизводстве как объективно необходимого состояния (положения) субъекта правосудия просматривается в качестве обеспечения гарантий не одно процессуальное средство, а несколько компонентов, которые образуют систему средств: правовые нормы, принципы, процессуальные институты и др. Указанная система процессуальных средств должна стать частью процессуально-правового механизма, направленного на нейтрализацию противодействия институту независимости суда.

Справедливо обращает внимание О. В. Гутник на то положение, что в сфере уголовного судопроизводства фактически отсутствует процессуально-правовой механизм, направленный на воспрепятствование реализации противодействия институту независимости суда¹. Эти обстоятельства актуализируют исследование функциональных (процессуальных) гарантий, основная цель которых заключается в создании эффективных условий, обеспечивающих реализацию независимости судей.

На наш взгляд, весьма значимым в современных условиях является формирование на законодательном уровне *процессуально-правового механизма, направленного на воспрепятствование реализации противодействия институту независимости суда*. Функциональные (процессуальные) гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве регламентированы на законодательном уровне и образуют систему гарантий, определенную рядом элементов, которые справедливо обосновываются в трудах отечественных ученых-процессуалистов².

¹ См.: Гутник О.В. Институт независимости суда в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Lex Russica. М., 2017. № 4. С. 67–74.

² См.: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: 14-е изд., перераб. и доп. М., 2017; Шеломанова Л.В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013. С. 88–89; Вилкова Т.Ю. Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. М., 2014. № 2. С. 100–106; Медведева С.В., Кочеткова М.Н. Уголовно-процессуальные гарантии независимости судей при отправ-

Проведенный анализ научных работ таких ученых, как Б. Т. Безлепкин, С. В. Бурмагин, Т. Ю. Вилкова, Н. А. Гущина, Г. Т. Ермошин, М. И. Клеандров, Ю. Г. Овчинникова, П. Н. Шабанов, Л. В. Шеломанова и другие, а также анализ законодательства и обобщение практики деятельности судей позволяет аргументировать вывод о том, что функциональные (процессуальные) гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве регламентированы на законодательном уровне и определены следующей системой правовых норм и процессуальных средств:

- гласность (открытость) судебного разбирательства;
- формирование состава суда для рассмотрения конкретного дела в условиях, исключающих влияние на данный процесс лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства, и на основе рекомендаций по научной организации труда судей¹ (нормирование труда, учет нагрузки судей, соблюдение форм организации деятельности, таких как специализация судей, формирование состава суда через автоматизированную информационную систему и т. д.);
- запрет на вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия;
- процедура рассмотрения внепроцессуальных обращений государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан, поступивших судьям по уголовным делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по уголовным делам, находящимся в производстве суда;
- порядок размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях;
- запрет на участие судьи в производстве по уголовному делу, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела;
- запрет на допрос судьи, присяжного заседателя в качестве свидетелей об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им

лении правосудия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7 (2). С. 32–35; и др.

¹ Можалева И. П., Бахта А. С. Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 169–174.

известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу;

- наличие у судьи обязанности не давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом;

- постановление приговора и других судебных решений в совещательной комнате с соблюдением тайны совещания судей и присяжных заседателей;

- наличие у суда полномочий по собиранию доказательств по собственной инициативе и по участию в исследовании доказательств в судебном следствии;

- свобода оценки доказательств;

- особая процедура привлечения судьи к уголовной ответственности и иные гарантии.

Многоаспектное исследование функциональных (процессуальных) гарантий независимости судей в уголовном судопроизводстве позволит всесторонне познать имеющиеся и выработать отвечающие потребностям практики процессуальные средства, приемы и методы, обеспечивающие реализацию гарантий.

О типичных ошибках и алгоритме действий сотрудников исправительных колоний при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 321 УК РФ

Ж. Ю. Кабанова,
*начальник кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России)
KZU80@yandex.ru*

В настоящей статье, на основе правоприменительной практики исправительных колоний по производству проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 321 УК РФ, рассматриваются типичные ошибки, допускаемые сотрудниками ИК. На основании их анализа, с учетом ситуационного подхода и выдвижения криминалистических версий предлагается алгоритм производства проверки сообщения об обозначенном преступлении, состоящий из следственных (процессуальных), организационных действий.

Проверка сообщения о преступлении; сотрудники исправительной колонии; типичная ситуация; осужденный; режимная деятельность; алгоритм действий; угроза применения насилия в отношении сотрудника ИК; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, предусмотренная ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК) является одним из распространенных преступлений, совершаемых в исправительных колониях общего, строгого и особого режима (далее по тексту – ИК). В большинстве случаев оно совершается в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением им служебной деятельности (ч. 2 ст. 321 УК РФ). Анализ материалов судебно-следственной практики по данной категории преступлений показывает, что в большинстве случаев проверку сообщения о преступлении непосредственно проводят сотрудники ИК с последующей передачей ее материалов по подследственности. Правоприменительная практика показывает, что в большинстве случаев

по материалам проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 321 УК РФ, следователем возбуждается уголовное дело. В дальнейшем оно рассматривается и разрешается судом с вынесением обвинительного приговора. Однако, несмотря на такой результат судебного разбирательства, следует отметить, что в материалах проверки сообщения о преступлении зачастую прослеживаются типичные ошибки, которые допускают сотрудники ИК при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Приведем некоторые из них:

- в материалах проверки сообщения о преступлении не всегда просматривается, какие именно признаки состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, были проверены сотрудниками ИК (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона);
- в проверке сообщения о преступлении зачастую участвуют лица, не имеющие полномочия на осуществление уголовно-процессуальной деятельности;
- сотрудники ИК не используют знания криминалистической тактики и не применяют умения и навыки построения тактики проверки сообщения о преступлении в целом, а также тактики производства следственных и иных действий;
- сотрудники ИК не всегда четко разграничивают документы оперативно-служебного и уголовно-процессуального характера, что зачастую приводит к неверной фиксации результата процессуального действия или режимного мероприятия.

Анализ приведенных типичных ошибок позволяет предложить практико-ориентированные методические рекомендации, некоторые из которых имеют форму алгоритма, необходимые для качественного, рационального и эффективного проведения сотрудниками ИК проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 321 УК РФ.

Тактику проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ч.2 ст. 321 УК РФ, следует выстраивать с учетом ситуационного подхода и метода типизации. Правоприменительная практика деятельности исправительных колоний позволяет выделить следующую типичную ситуацию: осужденный осуществил угрозу применения насилия в отношении сотрудника ИК в связи с осуществлением им служебной деятельности. Чаще всего в отношении младшего инспектора отдела безопасности, который, в первую очередь, является источником информации для решения вопроса о возникновении уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому младший инспектор в рамках режимной деятельности докладывает о том, что осужденный применил в отношении него угрозу насилия в связи

с осуществлением им служебной деятельности, оформляя данное сообщение в рапорте оперативно-служебного характера, с последующей его передачей дежурному помощнику начальника колонии (далее по тексту – ДПНК). ДПНК должен его зарегистрировать в журнале регистрации информации о происшествиях и, исходя из анализа информации, содержащейся в рапорте, выдвинуть следующие криминалистические версии:

- в действиях осужденного лица содержатся признаки преступления и признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 УК РФ;

- в действиях осужденного лица отсутствуют признаки преступления в связи с добросовестным заблуждением сотрудника ИК или его обманом.

Проверять выдвинутые ДПНК криминалистические версии должен сотрудник оперативного отдела ИК, наделенный полномочиями органа дознания в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Оперативный сотрудник на основании рапорта младшего инспектора усматривает повод для возбуждения уголовного дела и на основании ст.ст. 140 – 143 УПК РФ оформляет его в виде рапорта об обнаружении признаков преступления, который должен зарегистрировать ДПНК в книге регистрации информации о преступлениях. Оперативный сотрудник, приступая к производству проверки сообщения о преступлении, в первую очередь должен помнить уголовно-правовую характеристику состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, и проверить наличие признаков объекта, объективной стороны и субъекта. Для этого, используя правила криминалистической тактики, выбрать уголовно-процессуальные средства в рамках ст. 144 УПК РФ и построить алгоритм действий проверки сообщения о преступлении с целью получения достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Предлагается следующий алгоритм производства процессуальных действий в рамках проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 321 УК РФ:

- получить объяснение от младшего инспектора, в отношении которого была применена угроза насилия, не опасного для жизни или здоровья;

- провести с участием специалиста (врача ИК) освидетельствование младшего инспектора с целью исключения реальных следов насилия;

- истребовать и осмотреть документы, а именно видеозаписи с камер наблюдения и с видеорегистратора младшего инспектора, которые указывают на место происшествия, где была непосред-

ственно реализована угроза, и подтверждают угрозу применения насилия;

- получить объяснения от других сотрудников ИК, которые явились очевидцами происшествия;
- получить объяснения от осужденных лиц, которые также явились очевидцами происшествия;
- получить объяснение от осужденного лица, который применил угрозу насилия в отношении младшего инспектора.

Производство остальных следственных (процессуальных) действий в рамках ст. 144 УПК РФ при обозначенной ситуации нецелесообразно. Это касается и производства осмотра места происшествия.

Таким образом, думается: использование ситуационного подхода и рационально разработанного алгоритма производства проверки сообщения о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, позволит сотрудникам ИК избежать вышеобозначенных и иных ошибок при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Особенности назначения наказания по делам о получении взятки

Т. А. Калентьева,

*доцент кафедры,
кандидат юридических наук
(Самарский государственный экономический университет)
advok_tak@mail.ru*

Е. С. Кожухова,

*студент (магистр)
(Самарский государственный экономический университет)
elena-koz-95@mail.ru*

В целях уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений. Среди них наиболее труднодоказуемым и опасным является получение взятки, поскольку посягательство направлено на интересы государственной власти. Отсюда следует, что наиболее важным становится установление ответственности за получение взятки, которая будет наступать для лиц, совершивших данный вид преступления.

*Получение взятки, ответственность, назначение наказания,
государственная власть, должностное лицо.*

По официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) в январе 2017 г. более чем в 72 субъектах РФ было зарегистрировано 157 тыс. преступлений, из них почти половину составляют экономические¹. Третью часть от преступлений экономической направленности составляют так называемые коррупционные преступления. Так, наиболее известными и широко распространенными коррупционным преступлениями являются дача и получение взятки (ст. 290 и ст. 291 Уголовного Кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ), которые традиционно объединяются единым понятием «взяточничество». Пре-

¹ По данным: Статистические данные МВД РФ. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2017 года // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9548394>.

ступления, входящие в данное понятие, являются классической формой проявления коррупции в России. В силу своей простоты их считают самыми распространенными из всех коррупционных преступлений, а также самыми опасными из числа «профессиональных» преступлений, которые захватывают все ветви власти и дезорганизуют их, приводя к негативным последствиям. Но несмотря на то, что передача взятки и ее получение очень распространены, уровень латентности таких преступлений до сих пор является очень высоким. Зачастую это обуславливается ростом числа чиновников, расширением их властных полномочий. По изученной нами следственной и судебной практике можно сделать однозначный вывод о том, что получение взятки остается одним из самых трудно доказуемых преступлений. Из более чем 50 % зарегистрированных преступлений по факту получения взятки только по 10 – 15 % выносятся обвинительный приговор, по остальным же дело не доходит даже до суда.

Основной законодательно закрепленной мерой противодействия взяточничеству было и остается уголовное преследование, а также справедливое наказание за совершенное преступление.

Уголовная ответственность за получение взятки предусмотрена ст. 290 УК РФ.

Для наиболее ясного понимания возросшего уровня данной категории преступления и применяемых мер борьбы необходимо рассмотреть статистику назначения наказания по делам о получении взятки на основе судебной практики по Самарской области за 2015–2017 гг.

За указанный период времени по Самарской области рассматривалось 21 уголовное дело, которые были возбуждены по фактам о получении взятки. По всем ним были вынесены обвинительные приговоры. Оправдательные приговоры по указанной категории дел судами не выносились.

При анализе приговором нами было выяснено, что назначение наказания по делам о получении взятки соответствуют положениям Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Соблюдение установленного законом порядка назначения наказания является важной гарантией реализации принципа законности, справедливости и гуманизма.

При назначении наказания суды учитывают положения ст. 60 УК РФ, то есть учитывают характер, степень общественной опасно-

сти совершенного преступления, а также сведения о личности виновного, которым располагает суд при вынесении приговора.

В качестве смягчающих наказание обстоятельств суды учитывают признание вины, раскаяние в содеянном, совершение преступления впервые, активное способствованию раскрытию и расследованию преступления, явку с повинной, возраст виновного, положительные характеристики, наличие на иждивении малолетних детей.

Отягчающих обстоятельств в изученной нами судебной практике выявлено не было.

Так, приговором Волжского районного суда г. Самары от 22.11.2017 был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, Артемов А. В., который занимал должность заместителя главы администрации сельского поселения.

В качестве обстоятельств, смягчающих наказание Артемова А. В., суд признал то, что он ранее не судим, характеризуется положительно, имеет на иждивении несовершеннолетнего ребенка, а также его явки с повинной в ходе следствия (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), состояние его здоровья¹.

Санкциями ст. 290 УК РФ предусмотрены два альтернативных вида основного наказания: штраф и лишение свободы на определенный срок.

Анализируя данные, полученные в результате рассмотрения судебной практики по Самарской области, можно утверждать, что судами при назначении наказания в качестве основного наказания за преступление о получении взятки широко используется штраф.

Так, приговором Ленинского районного суда (г. Самара) Самарской области от 11.08.2017 был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, Кладов Д. А. Решая вопрос о назначении наказания, Кладов Д. А. назначено наказание в виде штрафа в доход государства с лишением права занимать должности в правоохранительных органах Российской Федерации на срок 5 лет².

Как мы можем видеть из данного приговора суда, за рассматриваемый период времени назначался и дополнительный вид наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.

¹ Дело № 1-155/2017 /Архив Волжского районного суда (г. Самара) Самарской области.

² Дело № 1-42/2017/Архив Ленинского районного суда (г. Самара) Самарской области.

Лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе в органах местного самоуправления. Конкретный вид таких должностей может быть указан в приговоре.

Так, приговором Советского районного суда (г. Самары) Самарской области, К., являясь майором внутренней службы, назначенный на должность главного энергетика отдела коммунально-бытового обеспечения ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Самарской области согласно приказу №-лс, являлся должностным лицом, наделенным в установленном законом порядке административно-хозяйственными и организационно-распорядительными полномочиями, действовал в соответствии с должностной инструкцией, утвержденной заместителем начальника ФКУ СИЗО-1 ГУ ФСИН России по Самарской области, совершил получение должностным лицом лично взятки в виде денег за незаконные действия.

При назначении наказания суд учитывал характер и степень общественной опасности преступления, совершенного с использованием служебного положения, в целях предотвращения новых аналогичных преступлений, признал виновным К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, и назначил ему наказание в виде штрафа в размере сорокакратной суммы взятки, то есть в сумме 380 400 (триста восемьдесят тысяч четыреста) руб. в доход государства, с лишением права занимать должности, связанные с выполнением функций по материально-техническому обеспечению в органах уголовно-исполнительной системы РФ сроком на 2 (два) года¹.

Как мы видим, в приговоре четко прописан срок запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Как следует из рассмотренной нами судебной практики, действительно, в последние годы число осужденных за получение взятки возросло. Говоря о проблемах, связанных с реализацией уголовной ответственности, необходимо отметить, что характер мер по назначению наказания в виде штрафов выбран законодателям верно. Однако современное состояние норм о противодействии коррупции в части назначения наказания и практика его применения

¹ Дело № 1-192/2017/ Архив Советского районного суда (г. Самара) Самарской области.

требуют совершенствования на основании тщательного изучения и обобщения ошибок правоприменения.

Также при назначении наказания суд должен не только указать, что он учитывает характер и степень общественной опасности преступления, но и раскрыть содержание этих признаков, то есть назвать в приговоре те обстоятельства, которые их определяют.

В завершение остается подчеркнуть, что при четком и добросовестном выполнении правоохранительными органами своих задач, сплоченности общества в борьбе с любыми видами проявлений коррупции, личной заинтересованности граждан по обеспечению правопорядка в стране у России появляется шанс миновать криминализации всех сфер жизни путем коррупции, также это будет служить важнейшим шагом вперед на пути построения гражданского общества.

Проблемы баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе

А. А. Коомбаев,
начальник Главного штаба
МВД Кыргызской Республики,
доктор юридических наук
migrantkg@yandex.ru

В статье исследованы проблемы соотношения публичных и частных интересов в уголовном процессе Кыргызской Республики и других стран СНГ, в сравнительном плане, с позиции теории и практики.

Конституция, частные и публичные интересы в уголовном процессе, государства – участники СНГ, уголовное преследование.

Само наименование «публичность» основано на разграничении отраслей права на «публичное» и «частное». В основе такого разграничения лежит представление о том, что является более приоритетным: интересы отдельной личности или же интересы государства, общества в целом. Это должно зависеть от особенностей конкретной сферы жизнедеятельности и регулируемых нормами того или иного права общественных отношений.

В этом смысле уголовно-процессуальное право, безусловно, является публичным, поскольку уголовное преступление в большинстве случаев наносит ущерб обществу в целом, а уголовное преследование, установление лиц, виновных в совершении преступлений, и их наказание осуществляется в основном в интересах всего общества. В рамках этой деятельности и реализуются требования ст. 24, 26 Конституции Кыргызской Республики (ст. 2 Конституции РФ) о защите интересов лиц, пострадавших от преступления, как и реализация права обвиняемого на защиту от обвинения. Заметим, что деятельность именно должностных лиц, осуществляющих расследование по уголовному делу, является «движущей силой всего досудебного производства по делу».

С учетом сказанного представляется малопродуктивным попытка сконцентрировать задачу уголовного процесса исключительно на защите прав и законных интересов личности. Во-первых, на наш взгляд, нельзя «от одной крайности переходить в другую», лишь бы уйти от советских «рудиментов», когда охрана интересов

государства и общества ставится на первое место. Во-вторых, надо иметь в виду, что задача, вытекающая из конституционных положений по обеспечению и защите прав, свобод участников процесса, не может быть противопоставлена другим немаловажным задачам уголовного процесса: установления в процессе производства по делу самого факта преступления, лиц, его совершивших; определения виновности лица и назначения заслуженного наказания. Кроме того, уголовный процесс, непосредственно взаимодействуя с нормами уголовного права, охраняет не только жизнь, здоровье, свободу и интересы граждан, но и общественный порядок, общественную безопасность, конституционный строй, мир и безопасность человечества (гл. 24 – 34 УК КР).

В действующем УПК Кыргызской Республики (1999 г.), как и в УПК Российской Федерации (2001 г.), публичность в качестве принципа уголовного процесса не получила самостоятельного закрепления. Однако исходную правовую базу действия данного принципа можно обнаружить в положениях конституций Кыргызской Республики и Российской Федерации (ст. 2, 13,15, 40, 77 и 82 Конституции КР; ст. 2,15,17 Конституции РФ).

В Кыргызстане принцип публичности получил нормативное выражение не только в ст. 4 УПК КР, где определены задачи уголовно-процессуального закона, направленные на быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, но и находит свое воплощение в ч. 2 ст. 4, ст.ст. 6, 24, 33 – 59, 81 – 82 УПК КР. В зависимости от характера, форм и задач различных стадий уголовного процесса принцип публичности по-разному выражает свое действие. В стадии возбуждения уголовного дела он проявляется в том, что по УПК КР следователь, прокурор в силу своих обязанностей в каждом случае обнаружения признаков преступления (в пределах своей компетенции) обязаны возбудить уголовное дело, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления лица, совершившего преступление (ст. 24 УПК КР). Не случайно непосредственное обнаружение органом дознания, следователем и прокурором признаков преступления законодатель указывает среди законных поводов к возбуждению уголовного дела (ч. 5 ст. 150 УПК КР). Независимо от воли участников процесса следователь решает вопросы: признания лица потерпевшим, гражданским ответчиком физического или юридического лица (ст. 49,55 УПК КР); задержания лица, подозреваемого в совершении преступления (ст. 94, 95 УПК КР); привлечения лица

в качестве обвиняемого (ст. 213, 214 УПК КР). При этом в приведенных и других статьях УПК КР публичное начало выражено как основа деятельности в сфере уголовного судопроизводства. С положительной стороны следует отметить установку, содержащуюся в ст. 19 УПК КР (по УПК РФ нет), в которой провозглашается всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела в качестве принципа уголовного судопроизводства, в силу которого следователь обязан принять все предусмотренные УПК меры для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого, обвиняемого обстоятельства.

В полном соответствии с интересами государства, общества и личности участники уголовного судопроизводства наделяются процессуальными правами и на них возлагаются обязанности в таком объеме, который, с точки зрения законодателя, наиболее полно обеспечивает защиту их прав и законных интересов. В то же время государство не может без особой на то надобности вмешиваться в личные отношения граждан, тем более, когда эти отношения возникли между родственниками или же преступные деяния (правонарушения) затрагивают их сокровенные личные интересы, такие как честь, достоинство, которые должны осознать возможность судебной защиты их прав и интересов. Поэтому в случаях, когда преступление нарушает права, законные интересы граждан и вместе с тем хотя бы в минимальной степени затрагивает общественные интересы, то у граждан должно остаться право самим решать вопрос о необходимости обращения в правоохранительные органы или в суд за защитой своих нарушенных прав либо о прекращении судопроизводства на любой стадии процесса.

Итак, уголовное процессуальное право остается публичной отраслью права, вместе с тем имеет комбинированный метод регулирования соответствующих отношений, основой которого является смешанный следственно-состязательный тип современного уголовного процесса Кыргызстана. Степень и способы взаимодействия и соотношения рассматриваемых публичных и частных (диспозитивных) начал в уголовном процессе определены применительно к конкретным стадиям уголовного судопроизводства и формам уголовного преследования. В первую очередь эти условия и способы реализуется в уголовно-процессуальном законе в форме институтов частично-публичного и частного обвинения.

Законодатель Кыргызстана дифференцирует порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская ограничение действия публичности и включив в него элементы диспо-

зitivности. Так, ставя классификацию осуществления обвинения (уголовного преследования) в зависимости от характера и степени общественной опасности, а также тяжести совершенного преступления, законодатель определил круг преступлений, преследуемых, как правило, в порядке частного-публичного и частного обвинения (ст. 26 УПК КР; ст. 20 УПК РФ). При определении категории преступлений, преследуемых в порядке частного-публичного обвинения, уголовно-процессуальный закон Кыргызстана отсылает к нормам уголовного закона Кыргызстана, и согласно ст. 10 и 11 УК КР таковыми являются преступления небольшой тяжести и менее тяжкие преступления. В то же время некоторые составы преступлений частного-публичного обвинения перечисляются в ч. 3 ст. 26 УПК КР. В данном случае здесь имеются в виду такие составы преступлений, как изнасилование, предусмотренное ч. 1 ст. 129 УК КР; мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (ей) или к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (ч. 1 ст. 130 УК КР).

В отличие от УПК многих государств – участников СНГ в УПК Кыргызской Республики предусмотрен наиболее широкий круг преступлений, преследуемых в порядке частного-публичного обвинения. К преступлениям, преследуемым в порядке частного-публичного обвинения, по УПК КР относятся 373 состава преступлений. В то же время, например, согласно ст. 24 УПК Республики Таджикистан, к составам преступлений, преследуемых в частно-публичном порядке, относятся – 17, согласно ч. 3 ст. 24 УПК Российской Федерации – 9 составов преступлений, согласно ст. 27 УПК Украины – один состав преступления.

С принятием УПК Кыргызской Республики 1999 г. также расширен и перечень преступлений, преследуемых, как правило, в порядке частного обвинения. К ним изначально были отнесены 19 составов преступлений (ч. 2 ст. 26 УПК КР)¹². Для сравнения отметим, что уголовно-процессуальным законодательством некоторых государств – участников СНГ также расширено количество

¹ За последние годы позиция законодателя немного изменилась, ибо в 2008 г. ст. 110 (побои) была исключена из состава преступлений, в 2009 г. ст. 141 (фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов) из категории дел частного обвинения переведена к делам частного-публичного обвинения.

² Об изменении и дополнении Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 14 июля 2008 г. № 142 и от 17 июля 2009 г. № 225 // Эркин-Тоо, 2009. № 62. 24 июля.

преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения. Например, в Республике Беларусь – 12 составов преступлений (ч. 3 ст. 26 УПК РБ). В некоторых странах количество таких преступлений осталось неизменным или наоборот уменьшилось. Так, в Республики Таджикистан всего – пять (ч. 2 ст. 24 УПК РТ), а в Российской Федерации – всего три состава преступлений (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) относятся к делам частного обвинения.

В соответствии с УПК КР уголовное преследование осуществляется в порядке частного обвинения по таким категориям преступлений, которые в УПК РФ отнесены к делам частно-публичного обвинения. В Кыргызстане за совершение преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, предусмотрены следующие меры наказания: до пяти лет лишения свободы (ч. 3 ст. 150; ч. 1 ст. 141 УК КР), от трех до семи лет лишения свободы (ч. 2 ст. 141 УК КР). В диспозиции некоторых составов преступлений присутствуют и квалифицирующие признаки, например преступление, совершенное с использованием служебного положения или специальных технических средств (ч. 2 ст. 134, ч. 2 ст. 136, ч. 2 ст. 151 УК КР); преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 ст. 150 УК КР). Однако, как показывает практика, по уголовным делам о данных преступлениях пострадавшему от преступления достаточно сложно самому установить полные сведения о лицах, совершивших преступление, и конкретно указать в жалобе квалифицирующие признаки преступления и т. п.¹ Между тем механизм обеспечения доступа к правосудию по уголовным делам частно-публичного и частного обвинения должен быть дифференцирован в зависимости от того, что препятствует лицу, пострадавшему от преступления, самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами.

В любом случае, на наш взгляд, частное начало уголовного судопроизводства в Кыргызстане в силу конституционных норм, согласно которым «права и свободы личности признаются высшей ценностью», необоснованно расширено, чем в России и других странах СНГ. Так, действие публичного начала по делам о преступлениях, преследуемых, как правило, в порядке частного обвинения,

¹ Сравнительный анализ норм УПК Кыргызстана, России, Казахстана и Украины позволяет заключить, что в УПК КР при определении категории преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, а также порядка производства по ним нарушен баланс учета интересов личности и общества, а также возможность распоряжения процессуальными правами участниками уголовного процесса, имеющих в уголовном судопроизводстве свои или представляемые личные (частные) материальные и процессуальные интересы.

проявляется только тогда, когда закон возлагает на судью полномочия по оказанию содействия частному обвинителю в собирании доказательств (ч. 2 ст. 330 УПК КР). Однако законодатель, в силу осуществления судопроизводства на основе принципа состязательности и равноправия сторон, данную деятельность суда связывает с заявлением ходатайства об этом частного обвинителя.

Сообразно правилам, установленным ст. 329 УПК КР, дела частного обвинения (ч. 2 ст. 26 УПК КР) возбуждаются путем подачи потерпевшим либо его законным представителем (ст. 54), а также правопреемником (ст. 27) заявления в суд о привлечении другого лица к уголовной ответственности. Связывая начало производства по уголовному делу с подачей жалобы (заявления) и принятием судьей к рассмотрению, законодатель тем самым придает жалобе (заявлению) важную юридическую роль. Поэтому жалобу потерпевшего принято считать единственным поводом к началу судопроизводства. В последующем такая жалоба пострадавшего от преступления трансформируется в процессуальный документ, определяющий предмет и пределы судебного разбирательства. В связи с этим законодатель поставлено особое требование к оформлению жалобы (заявления) потерпевшего или законного представителя о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения (ч. 2 ст. 329 УПК КР). Отсутствие в жалобе отдельных сведений, в том числе о лице, совершившем уголовно-наказуемое деяние, влечет отказ судьи в ее принятии.

Также необходимо учитывать то обстоятельство, что по УПК КР из судопроизводства по делам частного обвинения исключается стадия расследования преступлений в форме производства следствия или дознания (ч. 1 ст. 162 УПК КР); исключается активная деятельность прокурора, следователя, включая их право по собственной инициативе возбуждать уголовные дела и проводить следствие, если деяние непосредственно затрагивает интересы: а) государства и общества; б) лица, находящегося в беспомощном или в зависимом состоянии, либо по другим причинам неспособного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами (ст. 15 – 162, ст. 159, 329 УПК КР). Здесь же в качестве обоснования считаем необходимым указать данные судебно-следственной практики. Так, из числа поступивших заявлений или сообщений о совершенном преступном деянии в год всего по не более 20 % принимается решение о возбуждении уголовного дела. Более 40 % из числа решений об отказе в возбуждении уголовного дела принимаются по основаниям: отсутствия заявления потерпевшего (п. 4 ч. 1 ст. 28 УПК КР); в связи с примирением сторон (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК КР).

Причем несмотря на то, что малолетние и несовершеннолетние находятся в беспомощном состоянии по известным причинам и не способны самостоятельно воспользоваться принадлежащими им правами защищать свои интересы, в том числе честь и достоинство, из числа зарегистрированных корыстно-насильственных преступлений, в том числе сексуального характера в отношении несовершеннолетних, в более чем 50 % случаях принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом примирение происходит между родителями или родственниками несовершеннолетнего, и в последующем в отношении лиц, которые фактически совершили преступное деяние, никаких мер не применяется.

В УПК КР предусмотрен институт представительства (ст. 54 УПК КР), однако анализ правоприменения норм, регулирующих производство по уголовным делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения, в соотношении с процессуальными правами представителя потерпевшего, дает основания утверждать, что в законе имеются определенные издержки, не позволяющие в полной мере реализовать права и защитить интересы потерпевшего. Их суть заключается в том, что нормы УПК КР, регламентирующие производство по делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения, фактически возлагают на лиц, пострадавших от преступления, в том числе на лиц, находящихся в зависимом или беспомощном состоянии, невыполнимые для них обязанности по установлению тех лиц, которые совершили преступление, сбору доказательств, изобличающих виновных, а также формировать в отношении них обвинение. Возложение указанных обязанностей на пострадавших от преступления или их представителей противоречит конституционным принципам, предусмотренным ст. 16, 19, 21, 24 УПК Кыргызской Республики¹.

Диспозитивность в уголовном судопроизводстве, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации применительно к делам частного обвинения, должна выступать в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению². Ее использование

¹ Данными статьями УПК Кыргызской Республики предусмотрены: конституционный принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельства дела; конституционный принцип обеспечения прав пострадавших от преступления, злоупотребления властью и судебных ошибок и т. д.

² По делу о проверке конституционности положений части второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, части первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия

в законодательном урегулировании производства по уголовным делам частного обвинения не отменяет обязанности государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать такой порядок, который бы гарантировал каждому государственную, в том числе судебную защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления – доступ к правосудию.

Примечательно, что по УПК РФ уголовное дело о преступлении, как правило, преследуемое в порядке частного и частно-публичного обвинения, может быть возбуждено в том же порядке и теми же властными субъектами, даже при отсутствии заявления потерпевшего, в случаях, когда преступление совершено в отношении лица, который в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. При этом в законе (ч. 4 ст. 20 УПК РФ) подчеркнуто, что к иным причинам относится также совершение преступления лицом, данные о которых неизвестны пострадавшему, и у лиц, принимающих решение о возбуждении уголовного дела, отсутствуют данные о нем на момент вынесения этого процессуального акта. Заслуживает внимания также предписание, содержащееся в тексте ч. 2 ст. 147 УПК РФ, согласно которому мировой судья обязан направить заявление потерпевшего или его законного представителя, поданное в отношении лица, данные о котором неизвестны, начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и производстве следствия (дознания).

Данное положение УПК РФ по поводу возбуждения уголовного дела в отношении лица, данные о котором неизвестны, непосредственно связана с установкой Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 27 июня 2007 г. № 7-П признал не соответствующим Конституции РФ положения ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 1 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318 УПК РФ в той части, в какой они не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лиц, пострадавшего от преступления, предусмотренного ст. 115 или 116 УК РФ, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальном порядке¹.

и Октябрьского районного суда города Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П // Рос. газ. 2005. 8 июля.

¹ Божьев В.П. Усиление процессуальных мер по обеспечению потерпевшему доступа к правосудию / В.П. Божьев // Законность. 2007. № 7. С. 6–7.

В связи с этим полагается, что пострадавший от преступления гражданин, исходя из характера преступления, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных (частных) интересов, должен иметь не только право выбора порядка возбуждения уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление, также и достаточных правовых средств защиты своих прав и законных интересов.

Поскольку пострадавший, лицо, совершившее преступление, и общественность могут иметь различные интересы, к которым необходимо относиться уважительно, то в правовом государстве, к построению которого мы стремимся, в том числе реформируя правовую систему, должны находиться в соотношении эти интересы, в том числе в разрешении конфликтов, возникающих в сфере уголовно-правовых отношениях, посредством четкого разграничения взаимодействия и соотношений публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве.

Защита прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России на стадии возбуждения уголовного дела

А. А. Крымов,

*начальник Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор*

В статье рассматриваются проблемные аспекты уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России, которые представляют угрозу защите прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная деятельность, органы и учреждения, исполняющие уголовные наказания, стадия возбуждения уголовного дела, проверка заявлений и сообщений о преступлении.

Защита прав и свобод человека и гражданина признается и гарантируется государством. При этом необходимость обеспечения правового статуса личности распространяется на все сферы общественной жизни. Не является исключением и уголовное судопроизводство, в ходе которого ограничения прав и свобод человека представляются наиболее существенными, особенно в условиях изоляции от общества, поскольку ежегодное количество лиц, совершивших преступления, не отбывших наказание в виде реального лишения свободы, в 2008 – 2017 гг. колебалась от 15,9 тыс. до 5,2 тыс. человек, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ¹.

Уголовно-процессуальное законодательство в качестве назначения уголовного судопроизводства определяет: защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений; защиту личности от незаконного необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Следует обратить внимание при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы на необходимость соблюдения принципов

¹ См. подробнее: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

уголовного судопроизводства: уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, презумпции невиновности и др. Важность указанных нормативных положений подтверждается и тем, что они являются объектами самостоятельных научных исследований¹.

Должностные лица, осуществляя уголовное преследование, обязаны не только разъяснять участникам производства их права, но и реально обеспечивать возможность их осуществления. Таким образом, уголовно-процессуальный закон реализует положения Концепции судебной реформы в Российской Федерации, которая в целом ориентирована именно на обеспечение прав личности на всех стадиях уголовного судопроизводства. Основная причина существенного возрастания значимости данного вопроса – переориентация Российского государства в отношениях с личностью в соответствии с международными стандартами. В Конституции Российской Федерации прямо указывается, что в нашей стране не только признаются, но и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. В связи с этим следует отметить актуальность проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, особенно в стадии возбуждения уголовного дела.

Между тем регулирование уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России имеет ряд недостатков: не определена их подследственность, имеются сложности в обеспе-

¹ См. например: *Гусева О.А.* Уголовно-процессуальные аспекты обеспечения уважения чести и достоинства личности в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. 152 с.; *Дворянкина Т.С.* Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 184 с.; *Телегина И.В.* Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. 208 с.; *Авдеев В.Н.* Обеспечение неприкосновенности личности в ходе производства по уголовным делам, Калининград, 2011. 132 с.; *Благодарная В.Н.* Реализация конституционного права на неприкосновенность личности при заключении человека под стражу: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 224 с.; *Васильева Е.Г.* Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 193 с.; *Шептунова Х.П.* Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. 202 с.; *Таова Л.Ю.* Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 253 с.; *Мичурина О.В., Перетоккин С.Н.* Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела: монография. Смоленск, 2008. 148 с.

чении безопасности осужденных – участников уголовного судопроизводства, отсутствуют должности дознавателей в уголовно-исполнительной системе и т. п. (об этих и других проблемах в изучаемой области говорят проф. Б.Я. Гаврилов и другие специалисты¹).

Кроме того, в настоящее время среди процессуалистов отсутствует единство в определении понятия законных интересов лица, их содержания и роли в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, законными интересами личности в уголовном судопроизводстве являются любые не противоречащие закону и общеправовым принципам стремления и желания участников процесса достичь значимого для них правомерного результата.

Следует отметить, что обеспечение прав и законных интересов личности включает в себя следующие элементы: разъяснение лицу его роли и значения как участника процесса, объема его прав и обязанностей, а также механизма их реализации; создание необходимых условий для полноценной реализации прав и законных интересов; информирование о сроках, объеме и ходе расследования, а также его результатах; обеспечение возможности беспрепятственного представления и своевременного рассмотрения ходатайств, заявлений и предложений, затрагивающих права и законные интересы личности; обеспечение личной безопасности участников уголовного процесса, а также их родственников и близких в ходе расследования дела; восстановление нарушенных прав и др. Именно в стадии возбуждения уголовного дела, в которой формируются основы последующего расследования и справедливого разрешения уголовного дела, лежат истоки многих нарушений прав и законных интересов личности, в том числе при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

¹ См., например: *Гаврилов Б.Я.* Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России как одна из составляющих уголовно-исполнительной политики // В сб. матер. межд. науч.-практ. конф. «Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний». Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 63–69; *Гирько С. И., Ширванов А.А.* Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке // В сб. III межд. пенитенц. форума «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Рязань: Академия ФСИН России, 2017. С. 29–36; *Шурухнов Н.Г.* Уголовно-процессуальные полномочия на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в учреждениях уголовно-исполнительной системы (проблемы законодательной регламентации) // В сб. матер. конф. «Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности». Тула, 2018. С. 72–82.

Стадия возбуждения уголовного дела является первоначальным этапом уголовного процесса и осуществляемая в ней деятельность носит процессуальный характер. В исправительных учреждениях специфика стадии возбуждения уголовного дела заключается в том, что в период производства по уголовным делам к осужденным, наряду с мерами уголовно-процессуального воздействия, применяются также меры оперативно-режимного и иного уголовно-исполнительного воздействия.

Изучение правоприменительной практики показывает, что в ряде случаев имеют место нарушения конституционных прав личности при рассмотрении сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях. К таковым на этапе приема сообщений о преступлениях являются сокрытие преступлений от учета и фальсификация сообщений о совершенном преступлении. При этом мы исходим из того, что права и законные интересы личности должны быть обеспечены уже с момента получения правоохранительным органом сообщения о преступлении. На практике же определенная часть заявлений и сообщений о преступлениях не регистрируется. Иногда этому способствует отсутствие комплексного уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия пенитенциарных преступлений, требующее своего разрешения¹.

При этом следует учитывать, что учреждения уголовно-исполнительной системы также обладают различными факторами, влияющими на эффективность выявления и расследования пенитенциарных преступлений: запланированность и ухищренность способов совершения осужденными преступлений; распространенность криминальной субкультуры среди осужденных; постоянное противодействие осужденными выявлению и расследованию преступлений; знание большинством осужденных о методах расследования преступлений, применяемых правоохранительными органами; негативное воздействие осужденных-правонарушителей на других осужденных, являющихся потерпевшими, свидетелями или имеющих иной процессуальный статус; отдаленность и труднодоступность некоторых исправительных учреждений; и т. п.

¹ См. подробнее: *Крымов А.А.* Концепция развития уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (часть 1) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 7. С. 102–107; *Крымов А.А.* Концепция развития уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (часть 2) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 8. С. 96–100.

Практика уклонения от регистрации приводит к тому, что пострадавшие от преступлений нередко либо не заявляют о них, либо смиряются с тем, что на их сигналы со стороны должностных лиц органов и учреждений ФСИН России отсутствует соответствующая реакция.

На этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях и принятия по ее результатам процессуальных решений наиболее типичными уголовно-процессуальными нарушениями являются: необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; нарушение порядка передачи сообщения о преступлении по подследственности или подсудности; фальсификация материалов предварительной проверки и принимаемых решений; превышение сроков предварительной проверки (несвоевременное принятие процессуального решения); несообщение заинтересованным лицам о принятых решениях.

Одним из наиболее распространенных нарушений прав и законных интересов личности в уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в исправительных учреждениях, является незаконный отказ в возбуждении уголовного дела. Практике известны случаи, когда подобные решения принимаются не уполномоченными на то лицами, принятые решения должным образом не мотивированы, в них допускаются ошибочные ссылки на процессуальные основания отказа в возбуждении дела. Это происходит, как правило, из-за недостаточного знания уголовно-процессуального законодательства лицами, осуществляющими процессуальную деятельность.

Другой причиной необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела является сложившаяся практика, при которой исправительные учреждения, где отмечен рост числа совершенных преступлений, рассматриваются как неблагополучные. Это вынуждает администрацию учреждения идти по пути сокрытия преступлений путем применения к осужденным дисциплинарных взысканий в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, что впоследствии может приводить к более серьезным последствиям.

Нарушениями законности следует признать и практику, когда случаи причинения телесных повреждений среди осужденных из хулиганских побуждений, а иногда и более опасных преступлений против личности, квалифицируются как уголовные дела частного обвинения. Именно по этой причине в подобных отказных материалах отсутствуют необходимые медицинские документы о тяжести телесных повреждений, а решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается на основе лишь утверждения должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о пре-

ступлении. Фактически в этих случаях руководство исправительных учреждений вместо осуществления уголовно-процессуальной деятельности по проверке сообщения о преступлении и с учетом отсутствия штатных дознавателей и иных сотрудников, специализирующихся на проведении уголовно-процессуальных действий, в нарушение норм УПК РФ уголовно-процессуальные вопросы разрешает в рамках уголовно-исполнительной деятельности.

Одной из гарантий обеспечения прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела является соблюдение сроков рассмотрения сообщений о преступлениях.

Обычно чем продолжительнее решается вопрос о возбуждении уголовного дела, тем больше промежуток времени, отделяющий момент получения правоохранительными органами сообщения о преступлении от начала предварительного расследования. В связи с этим продолжительность стадии возбуждения уголовного дела становится одним из ключевых факторов, предопределяющих результативность всей дальнейшей процессуальной деятельности. Между тем в правоприменительной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы соответствующие сроки разрешения сообщений о преступлениях также иногда нарушаются.

Таким образом, очевидно наличие неиспользованного потенциала для повышения эффективности защиты прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России на стадии возбуждения уголовного дела.

К вопросу о понятии несообщения о преступлении

Ю. А. Крутикина,

*адъюнкт 3-го факультета кафедры уголовной политики
(Академия управления МВД России)*

jat1108@mail.ru

В статье рассматриваются различные подходы к понятию «несообщения о преступлении», анализируются различные точки зрения на данную проблематику, дается авторское определение понятия «несообщения о преступлении».

Понятие, Уголовный кодекс Российской Федерации, несообщение о преступлении, заявление, нормативно-правовые акты.

При постановке и решении проблем уголовной ответственности за несообщение о преступлении в методологическом отношении автором используется общенаучный метод, который основан на системном подходе и в соответствии с которым необходимо придерживаться принципов взаимосвязи и взаимообусловленности правовых явлений с экономическими, политическими и социальными аспектами общественного развития.

Введение уголовной ответственности за несообщение о преступлении было обосновано необходимостью борьбы с терроризмом. Согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683², в целях эффективности борьбы с преступлениями террористической направленности инициаторами законопроекта предложено внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и криминализировать «Несооб-

¹ Президент России [официальный сайт] / Режим доступа свободный. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1039101-6> (дата обращения: 03.01.2018).

² Президент России [официальный сайт] / Режим доступа свободный. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.01.2018).

щение о преступлении». Данная идея реализована, и в УК РФ была включена ст. 205.6 «Несообщение о преступлении».

Введение новой статьи в УК РФ вызвало многочисленные споры и непонимание как среди ученых, так и практических работников из-за особенностей законодательной конструкции ст. 205.6 УК РФ. Основная особенность формулировки нормы состоит в том, что в ее диспозиции отсутствует понятие несообщения. В этой связи представляется необходимым, прежде всего, определить значение этого термина, поскольку он является законодательным, а это требует определения его содержания. Без его уяснения невозможно определить, обеспечивает ли уголовное законодательство задачу по охране личности, общества и государства от преступных посягательств и предупреждение преступлений. Не выяснив, что такое несообщение о преступлении, невозможно определить, как правоприменительные органы выполняют задачу охраны личности, общества и государства от преступлений и предупреждение преступлений. Правильное понимание несообщения о преступлении позволит решить вопрос о моменте начала и окончания этого преступления. И, наконец, правильное понимание охраны позволит решить проблему отграничения несообщения о преступлении от соучастия в преступлении.

Действующая редакция ст. 205.6 УК РФ, как и ст. 88.1 и ст. 190 УК РСФСР 1960 г., не содержит определение понятия несообщения о преступлении, что каждый раз требует от правоприменителя самостоятельно определять его критерии.

В научной литературе недонесение интерпретируется через бездействие, которое его составляет, и его общественную опасность.

Так, по мнению А. Н. Трайнина, недоносительство есть несообщение о преступлении¹.

Бушуев И. А. определяет недонесение как несообщение органам власти или иным надлежащим органам о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении в объеме его конститутивных признаков².

Гужин А. Т. определяет недоносительство как нарушение общественного долга, выразившееся в несообщении органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении³.

¹ *Трайнин А. Н.* Избранные труды // Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой. СПб.: Юридический центр пресс, 2004. С. 347.

² *Бушуев И. А.* Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 85.

³ *Гужин А. Т.* Уголовно-правовая борьба с посягательствами на советское правосудие: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1958. С. 197.

Гришаев П. И. пишет, что недонесением называется несообщение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении¹; и т. д.

Таким образом, большинство специалистов советского уголовного права определяли недонесение как несообщение. Однако некоторые ученые высказывали мнение о необходимости замены термина «недонесение».

Так, Б. Т. Разгильдиев внес предложение о замене его термином «попустительство»², Е. В. Пономаренко говорит о «неоказании помощи правосудию»³, Н. С. Косякова о замене «недонесения» на «несообщение»⁴.

Кроме того, в поддержку замены термина «недонесение» на «несообщение» ученые говорят об использовании данной формулировки в законодательстве других государств⁵, а также о том, что термин «несообщение» наиболее полно раскрывает суть бездействия и не несет в себе эмоционально-негативной подоплеки⁶.

ФЗ № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁷ в ст. 4 устанавливает, что заявление – это просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или таких же прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов, нормативных правовых актов, а также недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности названных органов и должностных лиц.

УПК РФ, специально оговаривая, что есть заявление о преступлении и, устанавливая порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, отождествляет термины «заявление» и «сообщение» (ст. 141, ст. 144).

¹ Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. С. 219.

² Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 167–168.

³ Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 164–165.

⁴ Косякова Н. С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 167.

⁵ Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 146.

⁶ Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 132.

⁷ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 апреля 2006 г. Одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апреля 2006 г. // Рос. газ. 2006. 5 мая.

На основании Конституции РФ и названных выше федеральных законов практически все органы исполнительной власти ведомственными приказами закрепили порядок рассмотрения заявлений (сообщений) граждан о преступлениях. Однако четкого разделения понятий заявления и сообщения в них не приводится. Так, в Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан РФ в органах ФСБ, утвержденной приказом ФСБ России от 30 августа 2013 г. № 463¹, говорится об обращениях, под которыми понимаются и заявления, и жалобы, и предложения.

В приказе МВД России от 29 августа 2014 г. «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»² указано, что должно содержать в себе сообщение о преступлении, подлежащее регистрации в ОВД, – информацию об обстоятельствах, указывающих на признаки совершенного или готовящегося преступления; анонимное сообщение, содержащее данные о признаках совершенного или готовящегося террористического акта и т. д.

В соответствии с ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³ информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Таким образом, изучение различных нормативных правовых актов, а также определений «заявления» и «сообщения» в толковых словарях, приводит автора к выводу о том, что заявление – это официальное обращение в устной либо письменной форме, подаваемое по установленному образцу от физического или юридического лица (коллектива или сообщества лиц) на имя должностного лица в какое-либо учреждение или организацию; сообщение – это содержание (суть) сведений, сообщаемых кому-либо. На основании сказанного можно сделать вывод, что несообщение о преступлении – это не передача в правомочные органы либо должностным лицам этих органов сведений, содержащих данные об обстоятельствах, указывающих на признаки совершенного, совершаемого или готовящегося преступления, а равно о лице, которое готовит, совершает или совершило преступление.

¹ Рос. газ. 2013. 4 декабря.

² Доступ из ведомственной локальной сети «СТРАС-ЮРИСТ».

³ Об информации, информационных технологиях и защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 08 июля 2006 г. Одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г. // Рос. газ. 2006. 29 июля.

О некоторых вопросах формирования криминалистических знаний об организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве

М. С. Крюченко,
*адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
(Академия управления МВД России)*
max2015ks@yandex.ru

В статье рассматриваются этапы формирования криминалистических знаний об организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве. Делается акцент на необходимости постепенного накопления криминалистических знаний в данной области, целью которых является эффективное расследование указанной категории преступлений.

Криминалистические знания, организация, расследование, преступления, долевое участие в строительстве.

«История – это живая память, учитель жизни и вестник новых событий».

Плиний Младший

В каждой науке, будь то юридические, физические, химические или другие виды наук, имеется исторический опыт, накопленный за определенный период развития и существования. По нашему мнению, анализ и учет важных исторических открытий и научных разработок в той или иной области служат своеобразной ступенью к последующему развитию науки. Не является исключением и наука криминалистика, где накопленный исторический опыт всегда являлся и является стимулом для развития и поиска новых средств, методов и способов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Успешную организацию расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве невозможно представить без учета того исторического опыта, который накапливался последние десятилетия. Несомненно, для выработки эффективного механизма противодействия преступлениям в сфере строительства и долевого участия в частности на современном этапе следует обратиться к историческо-

му опыту проведенных ранее исследований в указанных направлениях. Это позволит определить недостаточно разработанные вопросы в криминалистике, которые требуют дальнейших научных изысканий.

Криминалистические знания об организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве начали зарождаться в 30-е гг. XX в., когда Прокуратурой СССР был издано методическое руководство по расследованию дел о хищениях и растратах материальных ценностей А.Я. Вышинского¹. В нем рассматривались особенности расследования уголовных дел о хищениях и растратах в строительстве. Именно в эти годы и начался первый этап формирования криминалистических знаний, который продолжался до окончания Великой Отечественной войны, поскольку в те годы криминалистика была ориентирована преимущественно на практику.

Следующий этап развития методики расследования хищений в сфере строительства связан со временем возрождения разрушенных сел и городов после Великой Отечественной войны (1945 – 1960-е гг.), когда началось активное строительство и восстановление предприятий промышленности, заводов, жилых домов.

Значимой вехой в развитии криминалистической науки явился выход в свет в 1949 г. «Настольной книги следователя» под общей редакцией Г.Н. Сафонова, которая содержала методику расследования 12 видов преступлений. В отдельной главе рассматривались преступления, связанные с капитальным строительством, методика их расследования². С развитием в 1960-х гг. строительной отрасли активизировалась экономическая преступность, появились новые способы совершения хищений, что потребовало научного подхода к расследованию преступлений данной категории.

В рассматриваемый период были защищены диссертации таких ученых, как Ф.Т. Селюков («Расследование хищений денежных средств в строительных организациях» (1964))³, М.С. Чугунов («Расследование и предупреждение хищений материалов в стро-

¹ Методическое руководство по расследованию дел о хищениях и растратах материальных ценностей в строительных организациях: пособие для следователей и бухгалтеров-экспертов // Прокуратура СССР: под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд., 1937. 31 с.

² Настольная книга следователя // Прокуратура СССР; под общ. ред. Г.Н. Сафонова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1949. 880 с.

³ Селюков Ф.Т. Расследование хищений денежных средств в строительных организациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.Т. Селюков; Моск. гос. ун-т. М., 1964.

ительных организациях» (1966))¹, Л. А. Сергеев («Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ» (1966))², Г. П. Свешников («Расследование дел о приписках в государственной отчетности и представлении других умышленно искажаемых отчетных данных о выполнении планов в промышленности и капитальном строительстве» (1969))³.

Третий этап формирования криминалистических знаний об организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве приходится на 70–80-е гг., когда методика выявления и расследования преступлений стала разрабатываться в зависимости от отраслей народного хозяйства.

Анализ хищений по отраслям народного хозяйства в первой половине 1970-х гг. показывал, что на первом месте стояли хищения в государственной и кооперативной торговле и общественном питании (28–30 %), затем следовали хищения в сельском хозяйстве (20–26 %), промышленности (13–14 %), строительстве (4–6 %), на транспорте (3–5 %)⁴. Среди выявленных преступлений по линии ОБХСС самыми распространенными стали хищения, совершаемые путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (40,7 %)⁵.

В первой половине 1980-х гг. вопросы усиления борьбы с посягательствами на общенародную собственность приобрели особую актуальность.

Итогами преобразования в строительной сфере стало принятие постановления Госстроя СССР № 16 от 2 февраля 1988 г., в котором были воплощены положения ранее принятых актов о заказе-застройщике.

¹ Чугунов М. С. Расследование и предупреждение хищений материалов в строительных организациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. С. Чугунов; Саратов. юрид. ин-т. Саратов, 1996.

² Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. А. Сергеев; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. М., 1966.

³ Свешников Г. П. Расследование дел о приписках в государственной отчетности и представлении других умышленно искажаемых отчетных данных о выполнении планов в промышленности и капитальном строительстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. П. Свешников; Харьк. юрид. ин-т. Харьков, 1969.

⁴ Шмонин А. В. Общие положения методики расследования преступлений экономической направленности: учеб.-практ. пособие / А. В. Шмонин. М.: Департамент гос. службы и кадров МВД России, 2011. С. 111–112.

⁵ Ананич В. И. Милиция и общественность на страже правопорядка: на примере Беларуси, 1968–1992 гг. / В. И. Ананич; подред. Н. И. Ильинского. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 109.

Четвертый этап (90–2000-е гг.) связан прежде всего с пересмотром законодательного подхода к институту подряда, а также принятием Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Как справедливо отмечается в различных источниках, в социально-экономических условиях 90-х гг. сложилась такая ситуация, когда строительный сектор страны был разрушен, а зарождающийся частный сектор находился в стадии становления и развития. Между тем нерешенная проблема жилищного вопроса, которая существовала в России на протяжении десятилетий, стала своеобразным стимулом для свободных инвестиционных ресурсов, которые направлялись физическими лицами на строительство жилья. Таким образом, граждане готовы были предоставить свои денежные средства застройщиком авансом на условиях предоставления в будущем квартир в строящихся домах¹.

В принятом Законе № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики» указывались основные принципы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на жилище в новых условиях. Однако ни в ранее принятых законах, ни в указанном не был предусмотрен самостоятельный вид договора долевого участия в строительстве, с помощью которого застройщики имели бы право привлекать денежные средства граждан на производство строительных работ, что являлось существенным упущением данного законодательного акта.

После распада СССР и образования независимых государств на постсоветском пространстве исследования по проблемам расселения хищений в сфере строительства практически не проводились. Возврат к ним наметился после 2000-х гг.

В 2000-х г. законодатель снова обратил внимание на строительную отрасль, которая переживала не лучшие времена, и, проанализировав опыт развития договора подряда, принял нормативный акт, посвященный именно договору долевого участия в строительстве, – Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изме-

¹ Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. Институт законодательства и сравнительного правоведения. М.: Статут, 2008.

нений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Необходимость принятия соответствующего нормативного акта была обусловлена потребностями гражданского оборота, а также необходимостью специального регулирования отношений в сфере долевого участия в строительстве: стороны при заключении договора долевого участия в строительстве исходили из положений ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации. Названный закон закрепил договор долевого участия в строительстве в качестве самостоятельного вида договора, определил его понятие, определил его наименование, его существенные условия, права, обязанности и ответственность сторон.

Обращаясь к научным трудам, которые были созданы в указанный период времени, следует отметить диссертационные исследования С. И. Бедрина («Криминалистическая характеристика и особенности раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц в жилищной сфере»), Д. В. Астафьева («Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости»), А. Н. Розина («Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства»). Говоря о значимости указанных исследований, стоит отметить, что они раскрыли сущностные стороны криминалистической характеристики первоначального этапа расследования.

Новейший, или последующий, этап (с 2010 г. по настоящее время) связан с поручением Президента РФ Владимира Владимировича Путина Правительству РФ и Министерству строительству РФ о поэтапном переходе от долевого участия в строительстве к проектному финансированию.

В указанный период защищено два диссертационных исследования по указанной проблематике. Так, Н. В. Макарова в своей диссертации «Методика расследования мошенничества, совершенного в сфере малоэтажного строительства» рассматривает типичные обстановку и способы совершения мошенничества, механизм преступления, личность преступника и потерпевшего, а также типичные следственные ситуации, складывающиеся при расследовании данного вида преступлений.

В 2017 г. в Уфимском юридическом институте МВД России состоялась защита диссертации С. Р. Низаевой на тему «Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики)». Стоит отметить, что автор большое внимание уделяет криминалистической характеристике и организационным основам расследования указанного вида преступлений.

Анализируя рассмотренные научные труды в данной области, следует отметить, что общим недостатком является отсутствие генезиса криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве. Несомненно, без совокупности криминалистических знаний о разработке новым средств и методов расследования указанного вида преступлений, в силу его специфичности, говорить очень проблематично.

В своей небольшой статье мы попытались обозначить те значимые научные изыскания, которые повлияли на дальнейший интерес ученых к данной проблематике. Полагаем, что переход от долевого участия в строительстве к проектному финансированию станет своеобразным толчком к новым научным исследованиям.

К проблеме обеспечения прав и свобод личности при производстве судебной экспертизы в уголовном процессе

А. В. Лазарева,
*профессор кафедры,
доктор юридических наук, профессор
(Владимирский юридический институт
ФСИН России)
larisa_vui@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав и свобод личности при назначении и производстве судебной экспертизы в уголовном процессе. Анализируя действующее законодательство, формулируются выводы и предложения, направленные на устранение выявленных проблем.

Права и свободы личности, судебная экспертиза, уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела.

Провозгласив приоритет прав и свобод человека и гражданина и возложив на государство обязанность не только признавать, соблюдать и защищать человека, его права и свободы, но и гарантировать в силу ч.1 ст. 45 их государственную защиту, Конституция РФ признала тем самым человека высшей из всех ценностей, которыми располагает общество, и придала интересам личности статус публичных интересов, защита которых должна быть гарантирована в любом государстве независимо от его политического, экономического и идеологического устройства. При этом ст. 45 Конституции РФ закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Проблема защиты прав и законных интересов личности в России является одной из важных и постоянно актуальных проблем уголовно-процессуального правоправедения и правохранения. Наиболее ощутимо права и законные интересы личности затрагиваются в сфере уголовного судопроизводства. Поэтому на протяжении многих лет в уголовно-процессуальной науке вопросы обеспечения прав и свобод личности традиционно являлись и продолжают оставаться предметом научных дискуссий.

Предварительное расследование в российском уголовном судопроизводстве организовано таким образом, что вся полнота полномо-

чий в сфере использования специальных знаний принадлежит органу расследования. Следователь, назначая экспертизу, определяет объем и направление исследования, ставит перед экспертом задачу, предоставляет ему необходимые материалы и информацию. Ни обвиняемый, ни потерпевший такими полномочиями не обладают, что уменьшает их процессуальные возможности по участию в доказывании. Более того, результаты своего исследования эксперт сообщает следователю. Несмотря на то, что тот обязан ознакомить с этими результатами обвиняемого и потерпевшего, он имеет возможность манипулировать полученной информацией, уклоняясь от предоставления ее для ознакомления, тем самым нарушая баланс процессуальных возможностей, который придает уголовному судопроизводству состязательный характер.

Критика, которой подвергается современное предварительное расследование на страницах периодической печати и в научной литературе, далеко небезосновательна. При этом объектом критики служат не только незаконные или необоснованные решения, но и невыполнение следователями вышеназванных требований УПК при назначении экспертизы.

Указанные положения действующего уголовно-процессуального законодательства должны применяться с учетом толкования, данного Конституционным Судом Российской Федерации. Например, в его решениях неоднократно обращалось внимание на обязанность органов расследования ознакомить обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы. Так, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 429-О отмечено следующее: «Соответственно сторонам, в том числе обвиняемому и его защитнику, должна обеспечиваться возможность ознакомления с данными, свидетельствующими о надлежащей квалификации эксперта»¹.

Мнение Суда однозначно: «...указанное процессуальное действие должно быть осуществлено до начала производства экспертизы – иначе названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные ст. 198 УПК РФ. Требование ч. 3 ст. 195 УПК РФ распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях»².

¹ Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2004. № 3.

² Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 июня 2004 г. № 206-О. // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичная позиция высказана в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в которой отмечается, что «подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства. В том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол»¹.

Указанные положения выражают один из основополагающих принципов уголовно-процессуального права – право на защиту.

Предпринятый анализ обозначенной проблемы выявил ее впечатляющие масштабы². Не вызывает возражений тот факт, что проведение процедуры ознакомления заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы после ее производства расценивается как недопустимое нарушение не только права на защиту, но и принципа состязательности и равноправия сторон. Эта, казалось бы, бесспорная точка зрения не находит понимания на практике.

В этой связи уместно вспомнить мнение С. А. Шейфера, указывающего на безусловную обязанность следователя ознакомить обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы до его направления в экспертное учреждение, так как после проведения экспертизы это теряет свою актуальность³.

Соглашаясь в целом с данной позицией, все же считаем, что правильнее было бы говорить не об обязанности следователя по ознакомлению участников с постановлением о назначении судебной экспертизы, а о закреплении процессуальных сроков по данному действию, например до направления данного постановления на экспертизу.

Мы ни в коей мере не оправдываем негативную практику. Напротив, убеждены в необходимости законодательно сделать все, чтобы посредством правоприменения можно было бы обеспечить реализацию своих прав субъектами судебно-экспертной деятельности. В то же время полагаем, что постановка вопроса о недопустимости заключений эксперта в случае несвоевременного ознакомле-

¹ Рос. газ. 2010. 30 декабря.

² *Лазарева Л. В.* Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук Владимир, 2011. С. 388 – 391.

³ *Шейфер С. А.* Следственные действия / С. А. Шейфер. 2-е изд. М., 2001. С. 160, 167.

ния участников уголовного процесса с постановлением о назначении экспертизы, если это не отразилось на полноте, всесторонности и объективности проведенного исследования, а выводы эксперта не вызвали возражений с их стороны, не обоснована.

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, о чем свидетельствует его решение по делу «Климентьев против Российской Федерации». Европейский Суд не усмотрел нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в вопросе о несвоевременном ознакомлении заявителя с постановлениями о назначении судебных экспертиз по уголовному делу, так как несвоевременные извещения об указанных решениях не поставили заявителя в значительно менее благоприятное положение по сравнению со стороной обвинения и никаким другим образом не нарушили его права по смыслу ст. 6 Конвенции¹.

Особую остроту данная проблема приобретает на стадии возбуждения уголовного дела. Требования об ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы содержатся и в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. В настоящее время наблюдается явная правовая неопределенность в отношении лиц, принимающих участие на стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, лица, принимающие участие на данном этапе уголовного судопроизводства – заявитель, лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, – не включены в перечень участников уголовного судопроизводства, изложенный в гл. 6–8 УПК РФ. Но, с другой стороны, п. 58 ст. 5 УПК РФ определяет участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе, т. е. на всех стадиях, в том числе при возбуждении уголовного дела. Возникает вопрос, нужно ли знакомить этих лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы? Если да, то какие права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, следует им разъяснять? Вполне возможно, что подобная неопределенность во многом обуславливает содержание ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, которая предписывает удовлетворить ходатайство о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, заявленное стороной защиты или потерпевшим после возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, на наш взгляд, из сложившейся ситуации существует вполне простой выход. Полагаем, что сотрудники, проводя-

¹ Климентьев (Klimentyev) против Российской Федерации: постановление Европ. Суда по правам человека от 16 нояб. 2006 г. // Бюл. Европ. Суда по правам человека. 2007. № 11. С. 42–59.

щие доследственную проверку сообщений о преступлении, должны знакомить лиц, в отношении которых проводится проверка, а также пострадавших с постановлением о назначении судебной экспертизы. Пока законодателем не выработана определенная позиция по данному вопросу, это позволит обеспечить защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс, а в последующем избежать необоснованного назначения повторной судебной экспертизы.

Указанные проблемы влекут за собой необходимость законодательных новаций в регулировании порядка назначения и производства судебной экспертизы, особенно на стадии возбуждения уголовного дела.

Отдельные вопросы внешнего взаимодействия розыскных подразделений органов внутренних дел при организации и осуществлении розыска несовершеннолетних, пропавших без вести

Д. И. Лепехин,

*заместитель начальника кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)
lepehindima76@mail.ru*

В статье рассматриваются: особенности организации внешнего взаимодействия розыскных подразделений с правоохранительными органами Российской Федерации, а также международными полицейскими организациями и правоохранительными органами иностранных государств при осуществлении розыска несовершеннолетних, пропавших без вести.

Внешнее взаимодействие, формы взаимодействия, розыскные подразделения, правоохранительные органы, международные полицейские организации, несовершеннолетний, пропавший без вести.

Розыск несовершеннолетних, пропавших без вести, рассматривается нами как базирующаяся на определенной правовой основе деятельность органов внутренних дел по комплексному осуществлению оперативно-розыскных, административно-правовых, поисково-спасательных и иных мероприятий, а также уголовно-процессуальных действий, направленных на обнаружение местонахождения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, исчезнувших внезапно, без видимых к тому причин, а также по предупреждению безвестного исчезновения несовершеннолетних, их самовольного ухода из дома или мест их содержания.

Данное направление деятельности ОВД всегда находилось и находится под пристальным вниманием руководства страны, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации и др. государственных органов, а также общественных образований, однако в нем все же имеются проблемные вопросы, нуждающиеся в решении.

Доля несовершеннолетних, пропавших без вести, находящихся в розыске, составляет за последние годы в среднем 9,2–

18 % от общего числа лиц, пропадавших без вести, зарегистрированных в России. Так, например, в 2009 г. в розыске находилось 21 634 детей (18,0 %), в 2010 г. – 19 734 (17,2 %), в 2011 г. – 17 898 (15,9 %), в 2012 г. – 13 455 (13,2 %), в 2013 г. – 11 109 (10,8 %), в 2014 г. – 9 090 (9,7 %), в 2015 г. – 8 564 (9,2 %), в 2016 г. – 8 399 (9,5 %), в 2017 г. – 7 966 (9,5 %). Как видно из приведенных данных, количество и доля разыскиваемых несовершеннолетних с 2009 г. по 2015 г. уменьшалась, но в 2016 г. наблюдается рост доли разыскиваемых детей от общего числа лиц, пропавших без вести, хотя их количество продолжает уменьшаться. В то же время наблюдается уменьшение количества разысканных несовершеннолетних, пропавших без вести. Так, в 2009 г. розыск был прекращен по 20 117 (93,0 %) фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних, в 2010 г. – 18 215 (92,3 %), в 2011 г. – 16 450 (91,6 %), в 2012 г. – 12 073 (89,7 %), в 2013 г. – 9 794 (88,2 %), в 2014 г. – 7 875 (86,6 %), в 2015 г. – 7 368 (86 %), в 2016 г. – 7 292 (86,8 %), в 2017 г. – 6 902 (86,6 %). В указанные годы эффективность розыска данной категории лиц снизилась более чем на 6,2 %, и это несмотря на уменьшение количества объявляемых в розыск несовершеннолетних, пропавших без вести, и как следствие уменьшение нагрузки на сотрудников розыскных подразделений, что свидетельствует о необходимости принятия соответствующих организационно-управленческих и организационно-тактических мер.

Среди организационно-управленческих мер в сфере розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, особое место занимает организация взаимодействия, и данная статья посвящена вопросам организации внешнего взаимодействия розыскных подразделений ОВД с правоохранительными органами Российской Федерации, а также международными полицейскими организациями и правоохранительными органами иностранных государств при осуществлении ими действий, направленных на установление местонахождения исчезнувших бесследно детей.

Вопросы взаимодействия подразделений ОВД при организации и осуществлении розыскной работы, а также других направлений деятельности полиции ранее исследовали такие авторы, как В. М. Аتماжитов, Н. Н. Васильев, С. И. Владимиров, И. Н. Голубков, Ю. П. Дубягин, А. В. Котязов, А. М. Качур, В. А. Лукашов, С. В. Харченко, А. Е. Чечетин и др.

Слово «взаимодействие» означает: 1. Взаимная связь явлений. Взаимодействие спроса и предложения; 2. Взаимная поддержка. Взаимодействие войск (согласованные действия войск при выполнении боевой задачи) .

По мнению И. Ю. Захватава, «взаимодействие в правоохранительной сфере – это согласованная по месту и времени, основанная на законах и подзаконных актах, совместная комплексная деятельность субъектов правоохраны, осуществляемая в пределах их компетенции в определенных формах, с использованием имеющихся сил, средств и методов, в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, выполнения совместных общих задач, поставленных перед взаимодействующими сторонами».

Взаимодействие в системе МВД России регулируется различными нормативными правовыми актами в зависимости от направления оперативно-служебной деятельности и субъектов взаимодействия, а в ст. 10 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» взаимодействие закреплено в качестве одного из основных принципов деятельности подразделений полиции.

Внешнее взаимодействие розыскных подразделений на всех уровнях системы МВД России при организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, предполагает: а) согласование стратегии и тактики предупреждения безвестного исчезновения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, и мер, принимаемых к установлению их местонахождения, с теми субъектами, которые не входят в систему МВД России, но, в зависимости от сферы своей деятельности, в той или иной степени имеют возможность оказывать помощь ОВД в подобных ситуациях; б) согласованность проведения, сформированных на принципах взаимных интересов, практических мероприятий по предупреждению безвестного исчезновения несовершеннолетних или установления их местонахождения.

Среди субъектов внешнего взаимодействия в рассматриваемой сфере оперативно-служебной деятельности особое место занимают органы Российской Федерации, которые осуществляют правоохранительную деятельность, а также международные полицейские организации и компетентные органы иностранных государств.

Важное значение при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения исчезнувшего несовершеннолетнего, имеет взаимодействие розыскных подразделений ОВД с федеральными судами районного (городского) уровня и субъектов РФ. Отнесение нами указанного субъекта внешнего взаимодействия к группе государственных органов, уполномоченных на осуществление правоохранительной деятельности, обусловлено тем, что одной из основных функций судов является правосудие.

Так, проведение таких ОРМ, ограничивающего конституционные права человека и гражданина, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи или получение компьютерной информации, невозможно без судебного решения, дающего право на их проведение или подтверждающего законность и обоснованность их проведения в безотлагательном порядке. Данные мероприятия, особенно на первоначальном этапе, позволяют довольно быстро установить место расположения абонента, а также лиц, с которыми несовершеннолетний общался посредством сотовой телефонной связи или Интернета (в том числе мобильного) в период, предшествовавший его исчезновению.

Однако на практике возникают проблемы, связанные с получением судебного решения на проведение указанных выше ОРМ из-за ряда причин. В определенных случаях должностные лица розыскных подразделений (инициаторы проведения ОРМ) в постановлениях не прописывают в качестве одной из причин безвестного исчезновения криминальные обстоятельства, в связи с чем у суда нет оснований на санкционирование проведения ОРМ. В других случаях, когда криминальные обстоятельства в качестве возможных причин исчезновения несовершеннолетнего прописаны, судьи не дают согласия на проведение ОРМ, ограничивающих права граждан, объясняя свои действия отсутствием уголовного дела или дела оперативного учета. И в том и другом случае мы наблюдаем замедление хода розыска пропавшего, теряется наступательность, а в это время несовершеннолетний может стать жертвой несчастного случая или преступления.

Поэтому рекомендуем в постановлениях о ходатайстве на проведение ОРМ (ПТП, СИТКС или ПКИ) указывать среди оснований его проведения обстоятельство, свидетельствующее о признаках возможного совершения в отношении разыскиваемого несовершеннолетнего преступления. Кроме того, считаем необходимым при проведении ОРМ по «горячим следам» пользоваться положениями ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которые позволяют проводить ОРМ (ПТП, СИТКС или ПКИ) в случаях, не терпящих отлагательств, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с последующим уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов.

Взаимодействие с органами прокуратуры Российской Федерации осуществляется в основном в двух формах: прежде всего, в рамках осуществления прокурорского надзора, а также в реализации

совместной нормотворческой функции, направленной на принятие новых или внесение изменений в уже существующие нормативные правовые акты с целью повышения эффективности розыскной работы в целом, в том числе и розыска несовершеннолетних, пропавших без вести. С этой целью по инициативе одной из сторон или по обоюдному решению, принятому на совместных совещаниях (коллегиях и т. д.), формируются совместные группы по подготовке предложений по совершенствованию норм, регулирующих данное направление деятельности на законодательном или подзаконном уровнях. В данные группы могут быть включены и представители иных государственных органов.

Так, в марте 2015 г. вступила в силу Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утвержденная совместным приказом МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5.

Кроме того, необходимо отметить, что роль прокуратуры в организации розыска безвестно пропавших несовершеннолетних не ограничена лишь прокурорским надзором и нормотворческой инициативой. Например, в г. Санкт-Петербурге сотрудники прокуратуры выдвинули инициативу о создании межведомственных рабочих групп, в которые были включены: сотрудники прокуратуры, розыскных подразделений, подразделений по делам несовершеннолетних и работники образовательных организаций. Основное направление деятельности данных групп – предупреждение безвестного исчезновения несовершеннолетних, а также их самовольного ухода из специализированных образовательных организаций и из дома.

Во взаимодействии розыскных подразделений ОВД с подразделениями Следственного комитета Российской Федерации в процессе организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, можно выделить следующие основные направления:

- проведение совместных проверочных мероприятий в рамках реагирования на заявления (сообщения) о безвестном исчезновении ребенка, которое заключается: в создании следственно-оперативной группы, производстве осмотра места происшествия, совместной отработки первоначальных розыскных и следственных версий (должное лицо СК России в составе СОГ является руководителем временного структурного образования и осуществлении организации деятельности других членов СОГ, в том числе и сотрудников розыскного подразделения);

– выполнение оперативными сотрудниками подразделений по розыску лиц ОВД поручений должностных лиц СК России о выполнении отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– обмен информацией, который заключается в том, что сотрудники розыскного подразделения информируют СК России о ходе проведения спасательно-поисковых, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий и их результатах, а должностные лица СК России, в свою очередь, предоставляют информацию в ОВД о результатах процессуальной проверки по заявлению (сообщению) о пропавшем без вести несовершеннолетнем и о принятом процессуальном решении;

– выполнение при условии возбуждения уголовного дела по факту наличия признаков совершенного в отношении разыскиваемого несовершеннолетнего преступления и включения сотрудника розыскного подразделения ОВД в состав СОГ или оперативной группы оперативно-розыскного обеспечения предварительного следствия, а при дальнейшей необходимости и судебного разбирательства.

Также считаем, что особое значение при организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, имеет правильным образом организованное взаимодействие розыскных подразделений ОВД с воинскими частями Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, дислоцируемыми в районе или регионе оперативного обслуживания.

Свое мнение о том, что ВНГ России относятся к государственным органам, осуществляющим правоохранительную деятельность, мы основываем на положениях ст. 9 Федерального закон Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», в которой предусмотрены полномочия указанного государственного органа.

Основной формой взаимодействия выступает участие военнослужащих ВНГ России в проведении спасательно-поисковых мероприятий, осуществляемых непосредственно при обращении лица с заявлением (сообщением) о безвестном исчезновении несовершеннолетнего при обстоятельствах, содержащих угрозу его жизни и здоровью (например, потерялся в лесу, на заболоченной или пустынной местности, пропал во время купания в водоеме или во время ледохода и др.), а также сообщение об исчезновении несовершеннолетнего при чрезвычайных происшествиях (например, наводнение, землетрясение, оползни и др.), т. е. когда необходимо проведение поисково-спасательных мероприятий на территориях боль-

шой площади, что требует участия значительного количества сил и средств.

В указанной группе субъектов взаимодействия особое значение имеют Пограничные органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации. В данном случае мы выделяем две формы взаимодействия:

- обмен информацией, а именно сообщение розыскными подразделениями в пограничные органы сведений о несовершеннолетних, пропавших без вести, особенно в приграничных районах, когда имеются сведения о возможном пересечении несовершеннолетним границы Российской Федерации; предоставление пограничными органами сведений о разыскиваемых несовершеннолетних, пересекающих границу, а также сведения о лицах, их сопровождающих;

- проведение совместных мероприятий по:

- задержанию лиц, причастных к торговле «живым товаром» и нелегальному переправлению людей, в том числе и несовершеннолетних, через границу Российской Федерации;

- недопущению вывоза за пределы России несовершеннолетних, одним из родственников (отец, мать и др.) – подданного иностранного государства, без согласия родителя, с кем ребенок проживает совместно;

- задержанию лиц, причастных к противоправным деяниям, сопряженным с вовлечением лиц (в том числе и несовершеннолетних) в деятельность экстремистских и террористических организаций и осуществляющих содействие по нелегальному пересечению границы Российской Федерации с целью вступления в ряды незаконных вооруженных формирований;

- обследованию приграничной территории в целях обнаружения безвестно исчезнувшего несовершеннолетнего, по аналогии с ВНГ России.

С целью совершенствования взаимодействия между розыскными подразделениями ОВД и Пограничными органами ФСБ России в сфере организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, а также остальных категорий разыскиваемых полагаем необходимым разработать и утвердить межведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий порядок такого взаимодействия, а также предусмотреть создание общей системы доступа к базе данных, содержащей информацию о разыскиваемых лицах.

Немаловажное значение имеет помощь при проведении мероприятий по установлению местонахождения пропавших несовершеннолетних и военнослужащих воинских частей Министерства обороны Российской Федерации, с которыми розыскные подразделе-

ления ОВД выстраивают согласованную (в том числе совместную) деятельность по аналогии с двумя предшествующими субъектами взаимодействия, но с учетом специфики деятельности отдельных подразделений МО России. Так, территориальным органам МВД России необходимо организовывать взаимодействия с подразделениями Военной полиции МО России, которые, исходя из возложенных на них полномочий, являются структурными образованиями Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляющими правоохранительную деятельность.

Мы полагаем, в целях повышения эффективности установления местонахождения разыскиваемого несовершеннолетнего, наряду с общественными (волонтерскими) организациями, привлекать к поисково-спасательным мероприятиям военнослужащих воинских частей ВНГ России, ПО ФСБ России или МО России, дислоцирующихся на территории обслуживания. Для этого необходимо руководству ОВД регионального и районного уровней и командованию воинских частей организовывать разработку с последующим утверждением (согласованием) планов совместных поисково-спасательных и розыскных мероприятий. Эти планы должны вводиться в действие с учетом целесообразности с момента поступления в ОВД сообщения (заявления) о безвестном исчезновении несовершеннолетнего, а также иных категорий разыскиваемых лиц. Для улучшения слаженности и согласованности действий не реже чем один раз в год проводить совместные учения указанных субъектов взаимодействия.

Кроме существенной помощи ОВД в повышении эффективности розыска без вести пропавших несовершеннолетних (других категорий разыскиваемые) указанные мероприятия будут также способствовать и подготовке военнослужащих. Они смогут приобрести необходимые знания по ориентированию на местности; умения двигаться по пересеченной местности и пользоваться инструментарием (картой, компасом и т. д.), помогающим правильно ориентироваться в заданном квадрате. Также у военнослужащих, в ходе проведения спасательно-поисковых мероприятий (в том числе и тренировочных), разовьются навыки поиска человека в природных или городских условиях, выявления следов его пребывания и отличать от тех, что оставлены животными. Все это, по нашему мнению, является необходимым в военном ремесле.

Взаимодействие розыскных подразделений ОВД с подразделениями Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий также имеет первостепенное значение в установлении

местонахождения пропавшего ребенка, особенно если обстоятельства его исчезновения связаны с труднопроходимой местностью (горы или лес), водоемами, а также чрезвычайными ситуациями природного или техногенного характера. Основной формой взаимодействия является совместное планирование и проведение спасательно-поисковых мероприятий. Руководство территориальных органов МВД России совместно с руководством территориальных подразделений МЧС России должно организовывать разработку совместных планов реагирования на сообщение о безвестном исчезновении человека, в том числе и ребенка при указанных выше обстоятельствах.

Особое значение при организации таких видов розыска, как межгосударственный и международный, имеет взаимодействие с международными полицейскими организациями и компетентными органами иностранных государств.

К данным субъектам взаимодействия мы можем отнести такие международные организации, как Международная организация уголовной полиции – Интерпол, Агентство Европейского союза по правоохранительному сотрудничеству – Европол, Бюро координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств, а также правоохранительные органы иностранных государств, в чьи задачи входит организация и осуществление розыска лиц.

Можно выделить три основные формы взаимодействия между розыскными подразделениями ОВД и указанными субъектами, а именно: а) обмен информацией о разыскиваемых, объявленных в международный розыск, как в инициативном порядке, так и по запросу инициатора розыска; б) планирование и проведение спасательно-поисковых, розыскных, оперативно-розыскных мероприятий или выполнение указанных мероприятий по просьбе (запросу) инициатора розыска; в) проведение совместных встреч, совещаний по вопросам совершенствования розыскной работы.

Как особую форму взаимодействия между розыскными подразделениями ОВД и правоохранительными органами государств – участников СНГ необходимо отметить проведение совместных согласованных мероприятий по установлению безвестно исчезнувших лиц (в том числе и несовершеннолетних) и обмен оперативно-розыскной информацией о разыскиваемых в приграничных территориях. Данная форма взаимодействия позволяет повысить эффективность оперативно-служебной деятельности розыскных подразделений, их наступательность при проведении розыскных

мероприятий по установлению местонахождения пропавших детей и других категорий разыскиваемых лиц.

Особо следует отметить организацию взаимодействия государственных органов Российской Федерации, в том числе и МВД России в лице 6-го отдела розыска лиц управления организации оперативно-розыскной деятельности Главного управления уголовного розыска МВД России с Национальным центром поиска пропавших и эксплуатируемых детей США. Основными формами взаимодействия на современном этапе являются: обмен информацией; обмен передовым опытом в сфере розыска детей, пропавших без вести; исполнение запросов, проведение совместных встреч (круглых столов).

В заключение необходимо сделать следующий вывод: под внешним взаимодействием розыскных подразделений органов внутренних дел с государственными органами Российской Федерации, осуществляющими правоохранительную деятельность, а также с международными полицейскими организациями и компетентными органами иностранных государств при организации и осуществлении розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, следует понимать основанную на общепризнанных принципах и нормах международного права, оперативно-розыском законодательстве, иных законодательных и подзаконных нормативных актах их согласованную, а в определенных случаях и совместную, деятельность административного, оперативно-розыскного, процессуального и организационно-управленческого характера, с применением наиболее целесообразного сочетания присущих взаимодействующим субъектам сил, средств и методов, осуществляемую в целях повышения эффективности проводимых мероприятий, направленных на установление местонахождения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, исчезнувших внезапно, без видимых к тому причин.

Некоторые особенности производства следственных и процессуальных действий с участием лиц, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России

Ю. А. Ложкин,
*преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
(ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России)
fragment84@mail.ru*

В статье рассмотрены особенности, связанные с производством следственных и процессуальных действий с участием подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, в следственных изоляторах ФСИН России. Автор в своей статье сформулированы проблемные вопросы в данной сфере и даны конкретные предложения по их решению.

ФСИН России, следственный изолятор, следственные действия, подозреваемые и обвиняемые, заключение под стражу, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия.

Расследование уголовных дел является кропотливым и трудоемким процессом, предполагающим участие в нем большого количества лиц как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. На стадии предварительного расследования уполномоченными должностными лицами (следователями, дознавателями, сотрудниками органа дознания) проводится огромный объем работы по собиранию, проверке и оценке доказательств, рамки которого определяются видом преступления, местом и временем его совершения, количеством лиц, принимавших в этом участие, и рядом других факторов.

Основным способом собирания и проверки доказательств на стадии предварительного расследования является производство следственных действий. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ)¹ не содержит в себе законодательного закрепления этого термина, однако в науке существует несколько подходов

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Рос. газ. 2001. № 249. 22 дек.

к его определению¹. По мнению автора, наиболее верным является подход, в соответствии с которым под следственными действиями понимаются регламентированные законом процессуальные действия уполномоченных лиц, непосредственно направленные на обнаружение, закрепление, проверку доказательств².

Общие требования к производству следственных действий закреплены в гл. 22 УПК РФ (Предварительное следствие). Порядок производства отдельных следственных действий закреплен в главах 24–27 УПК РФ. Следственные действия могут проводиться следователем (дознавателем) как по месту производства предварительного расследования, так и на месте, связанном с исследуемым событием, или месте нахождения участника уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого или свидетеля). Кроме того, в случае избрания в отношении подозреваемых (обвиняемых) такой меры пресечения, как заключение под стражу, следственные действия с указанными участниками уголовного процесса, как правило, проводятся на территории следственных изоляторов, поскольку это позволяет свести к минимуму вероятность совершения обвиняемым побега во время перевозки к месту производства следственного действия, а также из рабочего кабинета следователя.

Следственные изоляторы (далее – СИЗО) входят в структуру Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) и предназначены для содержания под стражей лиц, которые в соответствии с УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с УПК РФ избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Как правило, под стражу помещаются лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, при невозможности применить к ним более мягкую меру пресечения.

Согласно статистическим данным³ по состоянию на 1 июля 2018 г. в 214 СИЗО и 96 помещениях, функционирующих в режиме

¹ См.: *Гаврилов А. Н., Ефимичев С. П., Михайлов В. А., Туленков П. М.* Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1975; *Комиссаренко Е. С.* Следственные действия в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2005; *Лузгин И. М.* Расследование как процесс познания. М.: ВШ МВД СССР, 1969; *Шейфер С. А.* Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001.

² *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 186.

³ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 13.08.2018).

следственного изолятора (далее – ПФРСИ) при колониях ФСИН России, содержалось 10 4252 человека (на 3 052 человека меньше, чем в аналогичный период предыдущего года). СИЗО ФСИН России являются режимными объектами, функционирующими на основании федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹ (далее – ФЗ «О содержании под стражей») и ряда ведомственных приказов, важнейшим из которых является приказ Минюста России от 14.10.2005 № 189 «Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы»². Нормативные правовые акты в сфере регулирования деятельности СИЗО ФСИН России накладывают определенные ограничения на участников уголовного процесса при посещении указанных учреждений, а также на общение с подозреваемыми и обвиняемыми и производство с ними следственных и процессуальных действий. При этом УПК РФ не содержит каких-либо дополнительных статей, регламентирующих порядок проведения следственных действий в условиях СИЗО. На наш взгляд, данный пробел является весьма существенным, поскольку на практике лица, осуществляющие предварительное расследование, сталкиваются с рядом проблем различного характера при производстве следственных и процессуальных действий с подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В первую очередь это ограничение следователя (дознавателя) по времени проведения следственных и процессуальных действий с лицами, содержащимися в СИЗО. В соответствии с п. 157. Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР) запрещается вывод подозреваемых и обвиняемых из камер на свидание, а также по вызовам в период сдачи-приема дежурства дежурными сменами (не более одного часа), во время приема пищи (завтрак, обед, ужин) согласно распорядку дня, а также в ночное время (с 22 часов вечера до 6 часов утра следующего дня), за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ. В указанное время подозреваемые и обвиняемые, выве-

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Рос. газ. 1995. № 139. 20 июля.

² Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 14.10.2005 № 189 (ред. от 31.05.2018) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46. 14 ноября.

денные по вызовам, должны быть возвращены в камеры. Таким образом, следователь (дознатель) должен «подстраиваться» под внутренний распорядок дня СИЗО при планировании своего рабочего времени. При этом следует иметь в виду, что ряд следственных действий (очная ставка, выемка, предъявление для опознания) не могут быть приостановлены, в связи с чем соблюдение режимных требований СИЗО может повлечь нарушения УПК РФ при проведении следственных действий или они могут быть произведены не в полном объеме и некачественно, что в дальнейшем может повлечь признание их результатов недопустимыми доказательствами.

Далее следует отметить проблемы, связанные с допуском в следственную часть СИЗО других участников уголовного процесса. Так, в частности, при проведении предъявления для опознания, в соответствии со ст. 170 и 193 УПК РФ, необходимо присутствие опознающего (как правило, это свидетель или потерпевший), не менее 2-х понятых, а также не менее 2-х «статистов», участие которых должно обеспечить лицо, проводящее расследование. При этом допуск лиц на режимную территорию СИЗО осуществляется только при наличии документа, удостоверяющего личность (паспорт, военный билет, служебное удостоверение), в связи с чем если кто-либо из приглашенных участников явился без соответствующих документов или был привлечен внепланово (например, случайный прохожий, которому было предложено поучаствовать в следственном действии в качестве понятого), это ставит под угрозу проведение всего следственного действия.

Отдельным вопросом следует рассмотреть ограничения на использование при производстве следственных действий технических средств (устройств), позволяющих осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись на территории следственной части СИЗО. Использование с данной целью технических средств во всех случаях запрещен адвокатам (ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей»), что касается лиц осуществляющих расследование, то каких-либо ограничений ни ФЗ «О содержании под стражей» ни ПВР не содержат, однако в соответствии с ведомственными и межведомственными приказами для служебного пользования следователь (дознатель) должен получить письменное разрешение начальника СИЗО (либо его заместителя) на использование средств аудио-, видеофиксации, а также компьютерной техники при проведении следственных действий с подозреваемыми и обвиняемыми. В ряде случаев руководство СИЗО идет навстречу лицам, осуществляющим расследование, и дает разрешение на пронос и использование данной аппаратуры на весь период нахождения лица в учреждении, однако нередко

ситуации, когда для проведения каждого следственного действия с использованием технических средств следователь (дознатель) вынужден обращаться с данной просьбой к начальнику СИЗО.

Еще одной проблемой является необходимость производства следственных действий с лицами, содержащимся в СИЗО за его пределами. Так, в частности при проведении следственного эксперимента, проверки показаний на месте, обыска в жилище (если лицо является единственным его собственником) необходимо личное участие подозреваемого или обвиняемого в следственном действии, проводимом в месте, связанном с исследуемым событием. Это порождает необходимость согласования вывоза лица из СИЗО, обеспечение его охраной, одеждой по погоде, питанием в течение дня и т. д.

Таким образом, рассмотренные нами проблемы определенным образом затрудняют производство следственных и процессуальных действий с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в СИЗО ФСИН России. Попытка решения указанных проблем должна носить комплексный характер и в первую очередь иметь направленность на закрепление особенностей проведения следственных и процессуальных действий в условиях СИЗО в соответствующих нормативных правовых актах. В частности, на наш взгляд, необходимо внести соответствующие изменения в ст. 164 УПК РФ, дополнив ее следующими частями: ч. 3 прим. 1 «При проведении следственных действий в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых следователь (дознатель) обязан соблюдать режимные требования, установленные ведомственными нормативными правовыми актами»; ч. 6 прим. 1 «При необходимости использования технических средств (устройств), позволяющих осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись, а также обработку компьютерной информации при производстве следственных действий в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, следователь (дознатель) обязан согласовать данный вопрос с руководителем (или его заместителем) учреждения, где содержится подозреваемый (обвиняемый)».

Еще одним из направлений решения имеющихся проблем является обоснованный и взвешенный подход следователя (дознателя) при определении необходимости избрания такой меры пресечения, как заключение под стражу. Ни для кого не секрет, что при наличии оснований (порой даже формальных) лицо, осуществляющее расследование, стремится выйти с ходатайством в суд для избрания в отношении подозреваемого (обвиняемого) рассматриваемой меры пресечения. При этом порой не учитываются необходи-

мость и целесообразность данного действия, а также те сложности, которые могут возникнуть в процессе проведения следственных действий с указанными лицами. При этом следует отметить, что последние годы наблюдается положительная тенденция в данном направлении. В частности, ежегодно сокращается количество лиц, содержащихся в СИЗО, отсутствует превышение лимита содержания подозреваемых и обвиняемых, сокращается число данных учреждений. В частности, за прошедший год было закрыто 3 СИЗО и прекратили работу 2 ПФРСИ.

И последним, на наш взгляд, вариантом решения сложившейся ситуации является организация взаимодействия органов расследования с оперативными подразделениями СИЗО ФСИН России. Данное направление деятельности должно осуществляться не столько в процессуальной форме (например, направление письменных поручений следователя (дознателя) о проведении оперативно-розыскных мероприятий, отдельных следственных или процессуальных действий), сколько в непроцессуальной. Учитывая возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий на территории СИЗО, именно сотрудники оперативных подразделений следственных изоляторов имеют наибольшие возможности сбора доказательственной и иной информации, в том числе способствующей выявлению, нейтрализации и преодолению противодействия расследованию со стороны подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО¹. Получение следователем (дознателем) указанных сведений (с сохранением в тайне источников их получения) позволит им более качественно планировать и осуществлять процесс расследования для достижения целей уголовного судопроизводства.

¹ *Гаврилин Ю. В., Шурухнов В.А.* Некоторые проблемы организации взаимодействия органов расследования с подразделениями ФСИН и пути их разрешения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 4. С. 10–14.

Защита прав и законных интересов потерпевшего от экологического преступления при прохождении освидетельствования

А. С. Лукомская,
доцент кафедры,
кандидат юридических наук
(Удмуртский государственный университет)
nastasia5555@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы защиты прав и законных интересов потерпевшего от экологического преступления при производстве освидетельствования.

Потерпевший, экологическое преступление, защита прав, защита законных интересов, прохождение освидетельствования.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» положения ст. 42 дополнены обязанностью потерпевшего проходить освидетельствование. Явная схожесть с следственным осмотром и различие, состоящее в том, что предметом освидетельствования является тело живого человека – сложная, с массой неизученных биологических свойств, физическая структура, требует дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов потерпевшего.

Производство освидетельствования потерпевшего имеет целью обнаружение на его теле особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

Необходимо различать производство освидетельствования лица, потерпевшего от экологического преступления в стадии возбуждения уголовного дела (когда событие преступления не установлено), а также освидетельствование потерпевшего от экологического преступления, которое, как правило, является фактовым.

Общие для потерпевших правила, касающиеся прохождения освидетельствования, требуют осмысления через специфику отдельной группы экологических преступлений: ст. 246 УК РФ,

ч. 2, 3 ст. 247 УК РФ, ч. 1 ст. 248 УК РФ, ч. 2 ст. 250 УК РФ, ч. 2 ст. 251 УК РФ, ч. 2 ст. 252 УК РФ, ч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ, предусматривающих причинение вреда здоровью человека. Объективная сторона указанных преступлений связана с нарушением требований экологического законодательства при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов; обращения экологически опасных веществ и отходов; безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами и др., а также загрязнении конкретных компонентов природной среды (земли, воды, атмосферы и др.).

Обязанность потерпевшего от экологического преступления пройти освидетельствование обоснована необходимостью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Исходя из норм ст. 179 УПК РФ, можно выделить виды освидетельствования потерпевшего, производимого в стадии предварительного расследования:

- освидетельствование, производимое следователем;
- освидетельствование, производимое следователем с участием в производстве освидетельствования врача;
- освидетельствование, производимое врачом в отсутствие следователя, при освидетельствовании лица другого пола, сопряженное с обнажением потерпевшего (медицинское освидетельствование);
- освидетельствование, производимое следователем с участием в производстве освидетельствования другого специалиста¹.

Процессуальное освидетельствование потерпевшего, производимое следователем, может быть средством установления отдельных признаков видимых следов на теле потерпевшего от экологического преступления. Такое освидетельствование имеет доказательственное значение, если экологическое преступление являет собой недавнее событие. При этом следует учитывать, что если выявление внешних проявлений тела человека, которому опосредованно причинен вред негативными последствиями экологического преступления, отвечает целям освидетельствования потерпевшего, то обнаружение состояний, свойств, признаков внутренних и неявных проявлений, обладающих достаточно скрытыми свойствами, недоступных внешнему наблюдателю, видится сомнительным. Для установления внутреннего состояния лица, которому опосредованно причинен физический

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2018).

вред результатом экологического преступления, необходимо применение самостоятельного исследования, опирающегося на комплекс специальных медицинских познаний, в том числе связанного с отбором образцов для сравнительного исследования. Указанный вид освидетельствования потерпевшего от экологического преступления не может подменять производство экспертизы, поскольку не позволяет установить, воздействием каких внешних негативных факторов (физических, химических, биологических и иных) окружающей среды вызваны наблюдаемые на его теле следы.

При этом для производства освидетельствования потерпевшего от экологического преступления следователь, дознаватель, суд не вправе приступать к производству указанного следственного действия без наличия к тому фактических оснований. В уголовном деле должны иметься сведения, данные, в том числе полученные в результате производства ОРМ, указывающие на то, что на теле потерпевшего могут наличествовать особые приметы, следы преступления, телесные повреждения, иные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

Освидетельствование потерпевшего от экологического преступления, производимое следователем с участием в производстве освидетельствования врача, также как и медицинское освидетельствование (производится в отсутствие следователя, дознавателя и не является процессуальным действием), также являет собой подготовительное действие к проведению полноценной экспертизы. Для такого освидетельствования могут быть приглашены различные врачи. Но даже при наличии базовых медицинских познаний врач посредством наблюдения не сможет выявить изменения в организме человека, вызванные негативными последствиями экологического преступления, тем более если с момента его совершения прошло значительное время. Например, последствиями совершения экологического преступления, предусмотренного ст. 247 УК РФ, может стать существенное изменение радиоактивного фона. Радиация крайне опасна для здоровья человека. Небольшие дозы облучения могут «запустить» не до конца еще установленную цепь событий, приводящих к онкологическим заболеваниям и генетическим повреждениям. Повреждения, вызываемые большими дозами облучения, обыкновенно проявляются в течение нескольких часов или дней. Онкологические же заболевания проявляются спустя много лет после облучения, как правило, не ранее чем через одно – два десятилетия. А врожденные пороки развития и другие наследственные болезни, вызываемые повреждением генетического аппара-

рата, проявляются лишь в следующем или последующих поколениях. Постоянное разрушение оболочки живой клетки при малых дозах радиации, но действующих постоянно, снижает иммунитет организма (эффект Петко). В то время как идентификация быстро проявляющихся последствий от действия больших доз облучения не составляет труда, обнаружить отдаленные последствия малых доз облучения почти всегда оказывается очень трудно в связи с тем, что организм человека может подвергаться как воздействию внешних источников излучения, расположенных вне тела, так и действию внутренних источников, т. е. радионуклидов, попавших различными путями в органы и ткани. При равной активности источников внутреннее облучение представляет большую опасность, чем внешнее, вследствие меньшего расстояния между источником и облучаемым органом. Но даже обнаружив какие-то эффекты, требуется доказать, что они объясняются действием радиации, поскольку раковые заболевания и повреждения генетического аппарата могут быть вызваны не только радиацией, но и множеством других причин¹.

Результаты медицинского освидетельствования потерпевшего от экологического преступления имеют доказательственное значение для установления характера и размера вреда, причиненного лицу, потерпевшему от преступления. По результатам медицинского освидетельствования составляется акт судебно-медицинского (медицинского) освидетельствования.

Уголовно-процессуальный закон также запрещает потерпевшему уклоняться от проведения освидетельствования в случаях обоснованной необходимости оценки достоверности его показаний. Регламентированная уголовно-процессуальным законом обязанность потерпевшего участвовать в проведении освидетельствования сбалансирована следующими правами потерпевшего:

- заявить отвод следователю, специалисту, производившему (участвующему в производстве) освидетельствования;
- ходатайствовать о производстве дополнительного освидетельствования;
- ходатайствовать о привлечении в качестве специалиста при производстве освидетельствования конкретного указанного им лица;
- ходатайствовать о производстве конкретного вида освидетельствования;
- ходатайствовать о внесении в протокол освидетельствования дополнительных вопросов специалисту, участвующему в его производстве.

¹ Адвокат. 2000. № 11 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2018).

Диспозитивные начала в российском уголовном процессе

О. В. Макарова,
*ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук
(Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации)
Makov71@mail.ru*

В статье анализируются современные тенденции на усиление диспозитивных начал в уголовно-процессуальном праве. Отмечается, что это обусловлено всеобщей либерализацией, гуманизацией и глобализацией правовых систем, в основе которых прослеживается идея свободы в праве.

Диспозитивность, уголовный процесс, освобождение от уголовной ответственности.

Уголовно-процессуальное право традиционно относится к публично-правовым отраслям, где преобладают императивные методы правового регулирования, характеризующиеся повышенной детализацией уголовно-процессуальных норм и минимизацией свободы субъектов правоотношений самостоятельно определять свое поведение. В рассматриваемой отрасли права публичные цели и интересы превалируют над частными, а субъективные права и обязанности устанавливаются законом, а не договором.

Вместе с тем диспозитивность как универсальное межотраслевое явление присутствует и в системе уголовно-правового регулирования, расширяя возможности участников уголовного судопроизводства в части проявления самостоятельности, активности и инициативы. Причем в последние годы наблюдается общеправовая тенденция на усиление диспозитивных начал в отраслях публичного права, что обусловлено всеобщей либерализацией, гуманизацией и глобализацией правовых систем, в основе которых прослеживается последовательная эволюция индивидуальной свободы и автономии личности в современном мире. В свою очередь в последнее время феномен диспозитивности все чаще рассматривается как одна из форм выражения и реализации идеи свободы в праве. И как справедливо отмечается исследователями, усилению

диспозитивных начал в правовых системах России и зарубежных стран способствует парадигмальная трансформация взаимоотношений государства и личности, в основе которой – переход от модели вертикального, односторонне-властного управления к партнерскому сотрудничеству, основанному на взаимной заинтересованности, доверии и транспарентности¹.

Исторически диспозитивность как правовой феномен сформировалась в гражданском праве, где приобрела характер основы отраслевого регулирования. При этом в советской правовой доктрине преобладало противопоставление друг другу методов публичного и частного права, а именно императивного метода публичного права и диспозитивного метода частного права. В результате такой подход приводил, с одной стороны, к монополизации диспозитивных начал отраслями частного права и, с другой стороны, к признанию того, что отрасли публичного права используют исключительно императивный метод правового регулирования. Традиционно считалось, что специфика публичного права детерминирует отказ от применения диспозитивных начал в отраслях публичного права.

В настоящее время наблюдается успешное преодоление таких стереотипов. «Не бывает в “чистом” виде отраслей публичного или частного права, бывает большинство публично-правовых или частноправовых институтов в той или иной отрасли»². Значительный сдвиг в сторону диспозитивных начал обусловлен не только тенденциями либерализации, гуманизации и глобализации общественных отношений, как отмечалось нами ранее, но и появлением комплексных правовых институтов и нормативно-логических конструкций.

Анализируя современные тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального права, можно констатировать, что современная уголовно-правовая политика государства развивается в направлении либерализации и гуманизации законодательства, обозначилась задача оптимизации уголовно-правовой охраны частного интереса, активно развиваются институты освобождения от уголовной ответственности и наказания. Государство не стремится отомстить лицу за совершенное деяние, причинить физические или психические страдания, напротив, в целом ряде случаев оно изыскивает возможности избавить человека от негативных послед-

¹ Демин А.В. Диспозитивность и налогообложение: комментарий законодательства и практики налогового администрирования // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

² Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М.: ИД «Юрист», 2003. С. 47.

ствий, стремится не применять без крайней необходимости меры уголовного воздействия¹.

Освобождение от уголовной ответственности является гибкой формой реагирования государством на совершенное преступление и его активное применение фактически преобразует принцип неотвратимости уголовной ответственности в положение о неотвратимости уголовно-правового реагирования на поведение лица, совершившего преступление. В связи с этим некоторые исследователи рассматривают освобождение от уголовной ответственности как альтернативный способ реакции государства на преступление, когда реакция имеет место, однако вне традиционной дихотомии «преступление – наказание», на которой основывается классическое уголовное право².

Активное применение диспозитивных начал в уголовно-процессуальном праве позволит расширить правозащитные и восстановительные возможности уголовно-правового регулирования, а также поставить уголовно-правовую охрану личности на качественно более высокий уровень. Особый интерес в контексте реализации диспозитивных начал в уголовно-правовых отраслях представляют институты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), поскольку именно в них проявляется максимально полное выражение и реализация частной воли сторон уголовно-правового конфликта. При этом диспозитивность в уголовном праве и уголовном процессе прослеживается не только в указанных правовых нормах, но и в нормах, регулирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), условно-досрочное освобождение от наказания (ст. 79 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) и др. Также следует отметить, что начала

¹ См. подробнее: Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / под общ. ред. В.П. Кашепова. М., 2015; Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. В.М. Жуйкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норм: ИНФРА-М, 2016; Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2012.

² Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 356–357.

диспозитивности явно присутствуют в нормах, регулирующих особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Появление в российском уголовном законодательстве нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением сторон свидетельствует о развитии более гуманных и вместе с тем действенных способов разрешения конфликтов, порождаемых преступлением. Правоприменительная практика свидетельствует, что примирение с потерпевшим является эффективным инструментом современной уголовной политики.

При этом освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим имеет большой потенциал, который состоит в том, что примирительная форма разрешения проблем, порожденных преступлением, позволяет уйти от традиционной конфронтации сторон и выдвинуть на передний план такие важные результаты, как снижение напряженности в межличностных отношениях, разрешение конфликта, удовлетворение законных интересов потерпевшего в возмещении ущерба, получение и принятие извинений, экономию уголовной репрессии. В таких условиях идея расширения диспозитивных начал в уголовно-процессуальном праве является для законодателя перспективной, а ее практическое воплощение принесет максимальную пользу для расширения правозащитных и восстановительных возможностей уголовно-правового регулирования.

К вопросу о внедрении в российский уголовный процесс электронного уголовного дела

Е. В. Марковичева,

*главный научный сотрудник отдела проблем уголовного
судопроизводства,
доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
markovicheva@yandex.ru*

В статье раскрываются основные научные и практические подходы к цифровизации российского уголовного судопроизводства. Раскрывается опыт ряда зарубежных государств по внедрению цифровых технологий в уголовный процесс. Предлагается система условий, необходимых для дальнейшей реализации концепции цифровизации отечественного уголовного процесса. Автор останавливается как на плюсах электронного уголовного дела, так и на тех рисках, которые создаст его введение. Обосновывается целесообразность поэтапной государственной деятельности по созданию условий для практической реализации электронного уголовного дела.

Уголовный процесс, электронное правосудие, электронное уголовное дело, доказывание, доступ к правосудию.

В последние годы как учеными, так и практиками активно обсуждается проблема трансформации правовой системы в целом и уголовного судопроизводства в частности в условиях функционирования информационного общества. Высказываются как умеренно-осторожные, так и радикальные суждения по данному вопросу.

В то же время необходимо признать тот факт, что процессы информатизации все в большей степени затрагивают в современном российском обществе всех и каждого. По последним данным ВЦИОМ, 81 % россиян с разной периодичностью, но использует в своей жизни ресурсы сети Интернет, а 65 % делают это ежедневно¹.

Все активнее используются информационные технологии для оптимизации деятельности государственных органов. Во мно-

¹ ВЦИОМ. Официальный сайт. Результаты опросов. [Электронный ресурс]. Режим обращения: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 20.09.2018).

гих странах, в том числе и России, идет цифровая трансформация систем государственного управления, объединяются различные информационные потоки, в деятельность органов государственной власти внедряются элементы искусственного интеллекта. В частности, в рамках реализации государственной программы «Цифровая экономика» предполагается принципиально оптимизировать взаимодействие граждан и государственных органов и создать к 2023 г. цифровой профиль для каждого россиянина.

В той или иной степени процессы информатизации начинают затрагивать судопроизводство и систему правосудия. Элементы электронного правосудия (e-justice) проникают в различные виды процесса. И в литературе даже появляются размышления на тему возможности замены судьи искусственным интеллектом. Например, М.И. Клеандров критически оценивает такую перспективу и указывает, что робот-судья не может заменить судью в ближайшие годы¹.

Не вдаваясь в крайности и помня, что, как утверждает член Российской ассоциации искусственного интеллекта, международной ассоциации оснований науки, доктор технических наук В. К. Финн, «неуправляемые роботы – это удел фантастов»², попытаемся порассуждать о допустимости и возможности появления в российском уголовном судопроизводстве уголовного дела в электронном виде.

В настоящее время ситуация складывается так, что темпы проникновения информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства постоянно растут. По отдельным параметрам они ниже, чем в других видах судопроизводства, но потребность в них достаточно высокая.

Отчасти это вторичный процесс, поскольку он связан с нарастающей информатизацией преступной деятельности. С этим вызовом сталкивается уголовное государство большинства современных государств: если в начале века информационные технологии сопровождали только беловоротничковую преступность, то в настоящее время так называемые цифровые доказательства сопровождают расследование и рассмотрение значительного числа уголовных дел. В США предметом профессиональной дискуссии среди юристов являются вопросы использования электронных доказательств в условиях отсутствия полноценной нормативной базы, сложив-

¹ Клеандров М.И. Размышления на тему может ли судьей быть робот // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.

² THEORY&PRACTICE [Электронный ресурс]. Режим обращения: URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9762-viktor-finn> (дата обращения: 01.09.2018).

шейся прецедентной практики и недостаточной готовности большинства юристов к участию в таких делах¹.

Другим направлением цифровизации уголовного судопроизводства является постепенный переход к безбумажному документообороту. К странам, где информационные технологии в достаточной степени интегрированы в уголовное судопроизводство, можно отнести Австралию, США, многие европейские государства. Например, в американском штате Нью-Джерси с 2017 г. суды стали чаще использовать видео-конференц-связь и переходить к электронной форме судебных дел. В Германии в 2017 г. был принят закон, предусматривающий активное внедрение электронных форм процессуальных решений и действий по уголовным делам в деятельность судов с тем, чтобы завершить полный переход к безбумажному производству к 2026 г.

В качестве позитивного отечественного примера приведем опыт по экспериментальному вводу в одном из следственных изоляторов г. Москвы информационного киоска для ознакомления подсудимыми с материалами уголовного дела. Такой эксперимент проводится в рамках развития программы комплексной автоматизации судов общей юрисдикции г. Москвы (КИС СОЮ).

В настоящее время уже есть примеры использования систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В частности, в отдельных штатах США используются возможности искусственного интеллекта при оценке риска оставления обвиняемого под залогом до суда. Специальная программа (Public Safety Assessment) после оценки девяти факторов риска выдает судье соответствующие рекомендации. По мнению разработчиков данной программы, ее использование позволяет снизить субъективизм правоприменителя, поскольку программа не реагирует на внешний вид лица, не учитывает расу, пол, историю занятости, где живет человек, а также историю его арестов, не закончившихся осуждением. Однако о введении судьи-робота речи не идет. Судья, рассматривающий материалы, получает заключение программы и вправе использовать его или не использовать.

Возможности информационных технологий начинают использовать в системах судопроизводства и отдельные государства на постсоветском пространстве: Азербайджан, Грузия, Казахстан, Эстония. Например, с января 2018 г. в Казахстане появилась нормативная база для поэтапного внедрения в уголовный процесс модели электронного уголовного дела.

¹ Broderick S., Lee Elm D., Goldsmith A., Haried J., Rai K. (2015) Criminal e-Discovery: A Pocket Guide for Judges, Washington DC: Federal Judicial Center.

Очевидно, что такая ситуация является не проявлением «модных» тенденций, а связана с потребностями в решении повседневных задач уголовного судопроизводства. В целом согласимся с исследователями, подчеркивающими, что «более активное применение электронных технических средств позволит осуществить электронное уголовно-процессуальное доказывание, тем самым модернизировать всю систему уголовного судопроизводства и решить ряд накопившихся проблем»¹. При этом ученые-процессуалисты акцентируют свое внимание преимущественно на возможности существования уголовного дела в электронной форме², особенности получения и использования электронных доказательств³. Также исследователи предлагают рассматривать цифровизацию уголовного процесса как эффективное средство его кардинального преобразования и повышения состязательности⁴. При этом на повестку дня выносятся вопросы относительно того, чем должны стать цифровые технологии в российском уголовном процессе: средством его оптимизации или качественной трансформации?

Полагаем, что постановка таких вопросов является весьма своевременной, поскольку обратить время вспять в сфере общественного развития нам не удастся. Однако при этом следует помнить, что решая одни проблемы, мы можем получить принципиально новые. И в этом плане важным является изучение опыта тех государств, которые уже идут по пути перехода уголовного судопроизводства в цифровой формат.

Безусловно, постепенный переход от письменной формы уголовного судопроизводства к электронному уголовному делу можно рассматривать как перспективное направление модернизации уголовного процесса, позволяющее сократить сроки уголовного судопроизводства, улучшить доступ участников к процессуальной информации, облегчить проверку материалов уголовного дела⁵. Однако решение данной задачи требует системной организационной

¹ Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 587.

² Соколов Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.

³ Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120–124.

⁴ Власова В. С. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

⁵ Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95.

и правовой деятельности. Внесение поправок в УПК РФ, позволяющего подавать документы в суд в электронном виде и изготавливать в электронном виде решения суда, можно рассматривать как первый шаг, но его явно недостаточно для решения многих задач. Одни из них лежат в плоскости законотворчества. И речь должна идти о комплексном изменении действующего законодательства, поскольку введение новых понятий и терминов в уголовно-процессуальное законодательство не решит эту проблему. В современной России фактически отсутствует развитое законодательство, регулирующее отношения в области информационных технологий. Необходимость внедрения в процессуальную деятельность технологий искусственного интеллекта потребует и концептуального изменения определенных норм для перевода их в машиночитаемый вид, исключая вариативность в толковании и уяснении смысла нормы.

Ряд проблем будет лежать сразу в нескольких плоскостях: организационной, законодательной и правоприменительной. Например, встанет вопрос о подписи участников следственного действия фиксируемого в цифровой форме. Что это будет? Подпись стилусом, но у нас нет законодательных оснований признавать ее равной выполненной рукой. Методики идентификации данной подписи находятся пока в «зачаточном» состоянии. Электронная подпись? Однако сразу же встанет вопрос о ее получении.

Поэтому полагаем, что при переходе к практической реализации идеи электронного уголовного дела должны будут заранее учитываться эти и другие вопросы.

Реализация идеи электронного уголовного дела напрямую связана с уровнем подготовки юридических кадров. Очевидно, что уровень специальных знаний, умений и навыков в информационной сфере у современного следователя часто достаточно ограничен. Отсюда нередко и скептическое отношение практиков в информатизации судопроизводства. Значит, система подготовки юридических кадров должна также измениться. Это понимают в тех государствах, где высокие темпы информатизации общественной жизни. Например, в Китае получает распространение практика, когда человек первоначально за рубежом получает образование в области информационных технологий, а затем уже в Китае юридическое образование.

В заключение отметим, что идея электронного уголовного дела представляется важной и жизнеспособной. Но ее практическое воплощение не может быть одномоментным, очевидно, что речь должна идти о длительном поэтапном периоде.

Соблюдение конституционных прав граждан при проведении предварительных исследований в уголовном судопроизводстве

В. П. Максимова,

адъюнкт

(Академия управления МВД России)

vpyatrovna@mail.ru

Статья посвящается проблеме применения предварительных исследований в уголовном судопроизводстве с соблюдением конституционных прав граждан. Дан краткий анализ состояния существующих проблем, обозначены пути их решения.

Предварительные исследования; новые методы исследования; уголовное судопроизводство; защита прав и свобод граждан; раскрытие и расследование преступлений.

Права человека на протяжении многих веков продолжают оставаться одной из важнейших тем и в науке, и в повседневной жизнедеятельности людей. Права гражданина, записанные в конституции любого государства, отражают степень развития общества, которое всегда пытается совместить свободу и уважение отдельной личности с общим благом. В период становления правового демократического государства нормативное регулирование отношений, возникающих в процессе использования специальных знаний с учетом прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в производство предварительных исследований, приобретает первостепенное значение.

Специальные знания являются важнейшим инструментом установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, действенным средством по нейтрализации противодействия расследованию преступлений¹ и одновременно важным элементом обеспечения прав граждан при расследовании.

Основными формами использования специальных знаний в расследовании преступлений, как общепризнано в криминалисти-

¹ Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учеб. пособ. / под ред. проф. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 143.

ке, да и в науке уголовного процесса, являются судебные экспертизы и исследования. Их использование дает большие возможности для большинства (если не всех) задач уголовного судопроизводства при расследовании преступлений в самых различных ситуациях и условиях, с необходимостью соблюдения конституционных прав граждан.

Известно также то, чем меньше времени проходит с момента совершения преступления до начала и завершения активной работы по его раскрытию, тем выше эффективность следственных и оперативно-розыскных мероприятий по делу. Как объясняют практики, быстрое раскрытие преступления по горячим следам является залогом успеха расследования в целом. Если преступление не обнаружено и не расследуется в ближайшее время после его совершения, в дальнейшем затрачивается намного больше сил и средств в целях установления истины по делу¹.

Представляется, что наиболее эффективными новыми методами для раскрытия и расследования преступлений в уголовном судопроизводстве являются: использование полиграфа, гипноре-продукционный метод активизации памяти, когнитивное интервьюирование².

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству лицо, производящее расследование уголовного дела, самостоятельно определяет методы и способы собирания доказательств. Считаем целесообразным учитывать при расследовании преступлений по уголовным делам органами предварительного расследования возможность проведения следственных действий с использованием полиграфа. Так, по данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2012 г. в рамках оказания практической помощи при раскрытии и расследовании уголовных дел специалисты полигра-

¹ *Лавров В. П., Сидоров В. Е.* Расследование преступлений по горячим следам: учеб. пос. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. С. 8.

² Об этом пишут многие ученые, специально исследовавшие эту проблему: *Долгинов С. Д., Томилина С. В., Шмыков В. И.* Криминалистика: актуальные методы в следственной деятельности: учеб. пос. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014; *Каменев И. И.* Способы активации памяти участников уголовного судопроизводства, использование результатов в расследовании преступлений прошлых лет // Предварительное следствие, выпуск 4 (6). СК при прокуратуре Российской Федерации М., 2009; *Парфенов А. А.* Перспективы внедрения психолого-криминалистического профилирования в правоохранительные органы Республики Таджикистан при расследовании преступлений // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. Душанбе, 2015. № 3 (27); *Баранов А. Ю.* Об опыте раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Следственная практика. Выпуск 182. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010.

фологи подготовили свыше 1 100 заключений эксперта, в 2014 г. – около 1 900¹.

Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа в отношении свидетеля, потерпевшего либо подозреваемого весьма эффективна в тех случаях, когда их показания противоречат иным материалам уголовного дела либо когда каждый из участников настаивает на своих показаниях.

Проводить тестирование с использованием полиграфа тактически правильно именно на первоначальном этапе раскрытия преступления², как можно скорее после получения согласия от лица на проведение указанной процедуры, исключая, таким образом, возможность психологически подготовиться к предстоящей проверке, продумать способы противодействия специалисту полиграфологу.

Отметим и некоторые условия, ограничивающие применение вышеуказанных нетрадиционных методов:

- должны быть использованы все иные возможные процессуальные меры для преодоления дачи заведомо ложных показаний;
- лица, в отношении которых проводится исследование, должны дать согласие на применение выбранных методов;
- целесообразно использование аудио – либо видеозаписи при производстве следственных действий с применением нетрадиционных методов.

К сожалению, в настоящее время вышеназванные методы не часто применяются в следственной практике. Так, в результате изучения нами материалов 130 уголовных дел полиграф был использован лишь при расследовании одного уголовного дела, а метод профилирования, в том числе по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, совсем не использовался.

Использование предварительных исследований для проверки доказательств не меняет ее сути и важного процессуального предназначения – формирования судебного доказательства путем передачи доказательственной информации. При производстве предварительных исследований возникают специфические правоотношения, складывающиеся в процессе осуществления органами расследования и правосудия процессуальной деятельности по получению

¹ *Комиссаров В. И., Комиссарова Я. В.* К вопросу о возможности назначения комплексных судебных психолого-психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2016. С. 122.

² *Белошукina О. В., Кокорев Д.А.* Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа // Адвокат. 2005. № 7. С. 50.

доказательств. В круг правоотношений, возникающих в связи с производством экспертных исследований, вовлечены различные субъекты – как наделенные властными полномочиями (правоохранительные органы и их должностные лица, назначающие и производящие предварительные исследования), так и не имеющие распорядительных функций, но обладающие определенными правами и обязанностями (участники уголовного процесса, имеющие в деле самостоятельный правовой интерес).

В этой связи основное внимание необходимо уделить правовому регулированию отношений, возникающих между вышеперечисленными субъектами в одной из сфер применения специальных познаний – при проведении исследований, обеспечению конституционных прав лиц, ставшими участниками данных отношений.

Конституция Российской Федерации провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2); права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они не только определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов самоуправления, но и обеспечиваются правосудием (ст. 18).

Особого внимания заслуживает проблема обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, так как именно здесь они могут затрагиваться наиболее остро. Поэтому следует так организовать процесс установления истины по делу, чтобы при этом неукоснительно соблюдались права участников судопроизводства. Этот процесс чаще всего практически невозможен без проведения предварительных исследований, которые существенно затрагивают права субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Предварительные исследования позволяют получить объективную, наглядную и убедительную розыскную и доказательственную информацию, способствуя выявлению, предупреждению и разоблачению противодействия расследованию преступлений. Поэтому необходимо своевременно и оперативно провести исследования, грамотно оперировать ее результаты для установления истины по уголовному делу. При этом изначально важно, чтобы при проведении исследований соблюдались положения, провозглашенные и закрепленные в Конституции Российской Федерации, и, как следствие, обеспечивалась защита прав личности.

Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий

А. Н. Масленникова,

*профессор кафедры уголовно-процессуального права,
доктор юридических наук, профессор
(Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА))
mln1954@yandex.ru*

В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения потерпевшему доступа к правосудию, выявляются решения, блокирующие доступ к правосудию, утверждается о формальности прокурорского надзора и судебного контроля за принятием решений, обеспечивающих динамику производства на пути к правосудию. Предварительная проверка сообщения выступает одним из факторов, блокирующим доступ потерпевшего к правосудию. Цифровые технологии, по мнению автора, могли бы существенным образом изменить начальный этап уголовного судопроизводства и повлиять на обеспечение доступа потерпевшего от преступления к правосудию.

Начальный этап уголовного судопроизводства, регистрация сообщения о преступлении, возбуждение и расследование дела, оптимизация, потерпевший от преступления, обеспечение доступа к правосудию, процессуальные решения, государственная автоматизированная система, цифровые технологии.

Конституцией Российской Федерации обязанность защищать права и свободы человека и гражданина возложена на государство (ст. 2). Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, причем каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

Права потерпевших от преступлений охраняются законом. На государство возложена публично-правовая обязанность обеспечивать потерпевшему от преступления доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ).

Данные конституционные положения, проистекающие из общесоциальных ценностей гуманизма и справедливости, находят свое

выражение в нормах уголовно-процессуального права. Государство организует процессуальную деятельность, направленную на предупреждение готовящихся, раскрытие и расследование совершенных преступлений, разрешение дела по существу уголовно-правового конфликта о нарушении уголовно-правового запрета.

По делам публичного обвинения динамика уголовного процесса (начало, развитие, окончание) не зависит от воли частных лиц. Осуществить принадлежащее ему право на доступ к правосудию потерпевший от преступления может лишь в том случае, если государственные органы, осуществляющие досудебное производство, на основе доказательств установят, кто и каким способом совершил преступление, какой ущерб причинен преступлением, иные обстоятельства, имеющие значение для свершения справедливого правосудия. Таким образом, обеспечить потерпевшему доступ к правосудию обязаны должностные лица и государственные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство.

Содержание публично-правовой обязанности по обеспечению доступа к правосудию потерпевшим от преступлений составляет деятельность дознавателя, органа дознания, следователя по возбуждению и расследованию уголовных дел, направленная на установление на основе доказательств события преступления, виновности лица, его совершившего, а также характера и размера причиненного преступлением вреда. Доказанное перед судом обвинение позволяет не только разрешить уголовно-правовой спор между государством, установившим уголовно-правовой запрет, и лицом, обвиняемым в нарушении этого запрета, но и создает основание для разрешения гражданско-правового спора о возмещении вреда, причиненного преступлением¹.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации 2001 г. потерпевшему были предоставлены широкие права по участию в уголовном судопроизводстве. Впервые потерпевший получил право обжаловать в суд отказ принять сообщение о преступлении, отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела. Потерпевший впервые получил право знать о предъявленном обвинении, участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его представителя, знакомиться

¹ Масленникова Л.Н. Конституционное право граждан на доступ к правосудию и проблемы его обеспечения в условиях действия УПК РФ // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы всероссийской межведомственной научно-практической конференции (19 февраля 2004 г.). М.: Московский университет МВД России, 2004. С. 38–44.

с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта и т. д. Впервые потерпевшему было дано право получать копии решений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим или отказе в этом, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по делу, копии судебных решений.

Однако, несмотря на широкие правовые возможности, предоставленные потерпевшему, влиять на принятие решений, обеспечивающим доступ к правосудию, положение лиц, потерпевших от преступлений, остается незавидным в силу сложной и неповоротливой системы досудебного производства, создающей существенные препятствия для доступа к правосудию в максимально короткие сроки.

Уже через два года после введения в действие УПК РФ был отмечен рост незаконных и необоснованных решений, препятствующих доступу потерпевших к правосудию¹.

Теоретики уголовного процесса уже тогда обращали внимание на необходимость совершенствовать практическую деятельность, направленную на обеспечение эффективного расследования и, соответственно, на обеспечение доступа потерпевшего к правосудию. Указывали, что меры по совершенствованию практической деятельности должны быть направлены на обеспечение законности и обоснованности принятия решений, обеспечивающих доступ к правосудию, рекомендовали поднять уровень контроля (прокурорского, судебного) за законностью решений, принимаемых в досудебном производстве, рекомендовали разъяснять потерпевшему его право обжаловать в суд действия и решения, препятствующие его доступу к правосудию.²

Однако ситуация год от года становилась все хуже и хуже. Надзор прокурора и судебный контроль в силу объективных и субъективных причин не смогли повлиять на законность решений, обеспечивающих доступ потерпевшего к правосудию, превращаясь в пустую формальность и только увеличивая волокиту на пути к правосудию.

Стала складываться практика, свидетельствующая о бессилии государственной власти обеспечить в полной мере законность принятия решений в досудебном производстве. Вот только один из примеров порочных технологий. Лицо обращается в суд с жалобой на незаконное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В судебное заседание является прокурор с решением об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (не имея

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 44.

при этом правовой возможности самому возбудить уголовное дело). Судья отказывается в связи с этим обстоятельством рассматривать жалобу (несмотря на отсутствие такого решения в законе). Выполняя какие-то формальные действия, а иногда даже и не выполняя их, следователь вновь выносит решение об отказе возбуждении уголовного дела¹.

Главное в защите прав и законных интересов потерпевшего по делам публичного и частно-публичного обвинения составляет не только объем предоставленных потерпевшему процессуальных прав, но прежде всего выполнение государственными органами и должностными лицами публично-правовой обязанности по обеспечению доступа потерпевшего от преступления к правосудию. Надлежащее исполнение данной обязанности находится в прямой зависимости от законности и обоснованности производства действий и принятия решений на начальном этапе уголовного судопроизводства: от поступления сообщения о преступлении до принятия решения о направлении дела в суд первой инстанции.

Нельзя признать конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию обеспеченным, если ему не корреспондирует юридическая обязанность. Отсутствие в УПК РФ указаний на юридические обязанности превращает отдельные субъективные права в декларации².

В первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. практически не встречалось слово «обязанность», особенно применительно к деятельности государственных органов и должностных лиц. Только один раз слово «обязанность» упоминалось как должное поведение государственных органов и должностных лиц в связи с осуществлением их непосредственных полномочий (ст. 21 УПК РФ «Обязанность уголовного преследования»).

Все статьи УПК РФ, регламентирующие поведение государственных органов и должностных лиц, были написаны без упоминания слова «обязанность» с использованием глаголов изъяснительного наклонения настоящего времени, возможно, с той целью, чтобы подчеркнуть, что данное поведение должно быть реализовано в настоящий момент, по мере возникновения необходимых юридических фактов. Такую регламентацию практические работники порой воспринимают как предоставленные им правовые воз-

¹ См. подробнее: *Масленникова Л.Н.* Жалобу рассмотреть незамедлительно // Адвокатская газета. 2018. № 7 (264). С. 8–9.

² *Масленникова Л.Н.* Субъективные права и юридические обязанности – внутри-системные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 38–46.

возможности (возможное поведение), а не как обязанности (должное поведение)¹.

В современном уголовном процессе (уголовном судопроизводстве) России правосудию, как известно, предшествует досудебная деятельность, направленная на установление процессуальных оснований для возбуждения уголовного дела (стадия возбуждения уголовного дела) и его расследование.

Процессуальным решением, обеспечивающим доступ потерпевшего к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства, является решение о возбуждении уголовного дела, поскольку именно принятие этого решения выступает юридическим фактом, обеспечивающим начало расследования преступления.

Реальное обеспечение доступа потерпевшего к правосудию возможно лишь при строжайшем соблюдении принципа законности. Однако этот принцип злостно нарушался на начальном этапе уголовного судопроизводства в период действия УПК РСФСР, самым злостным образом нарушается и в настоящее время.

Обстоятельствами, создающими препятствия на пути к правосудию, являются, прежде всего, незаконные и необоснованные решения, прерывающие (прекращающие, приостанавливающие) досудебное производство на пути к правосудию. К таким решениям следует отнести незаконные отказы в приеме и регистрации сообщений о преступлении, отказы в возбуждении уголовного дела, незаконные и необоснованные решения о приостановлении и прекращении уголовного дела. Подобные решения, принятые без законных на то оснований, блокируют доступ потерпевших к правосудию.

Одним из серьезных и опасных факторов, блокирующих доступ потерпевшего к правосудию в кратчайшие сроки, является так называемая предварительная (доследственная) проверка, которая, по сути, выступает суррогатом расследования с целью проверки сообщения о преступлении.

Ретроспектива развития уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что предварительная (доследственная) проверка неоднократно реанимировалась в законе не в интересах потерпевших, которые обращаются с заявлениями о преступлении, а исходя из узковедомственных интересов государственных органов, рассматривающих сообщения о преступлении.

В концепции судебной реформы в Российской Федерации в свое время было указано: «Демократической направленности предлагаемых преобразований не соответствует сохранение адми-

¹ Там же. С. 40.

нистративной по своей природе последственной проверки заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела»¹.

Абсолютно верно отмечалось, что «в виде такой «проверки» мы имеем суррогат расследования, причем его результаты могут предопределить исход дела, а собранные материалы под названием «иные документы» – использоваться как доказательства»².

Концепцией предлагалось каждое сообщение о преступлении рассматривать, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела. Подобное предложение о возбуждении уголовных дел по сообщению о преступлении без предварительной их проверки опиралось на опыт российского дореволюционного законодательства. В ст. 303 Устава уголовного судопроизводства указывалось: «Жалобы почитаются достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка». Эта норма заставляла государство служить интересам гражданина (в то время подданного), который выступал не бесправным просителем, а лицом, приводящим в движение механизм уголовно-процессуального преследования³.

УПК РФ в его первоначальной редакции 2001 г. не допускал расширительное толкование понятия «проверка» при рассмотрении сообщения о преступлении, а связывал возможность и необходимость проверки в случаях сообщения о преступлении, распространенном в средствах массовой информации (ст. 144 УПК РФ).

Дальнейшие изменения в УПК РФ, по сути, превратили деятельность на начальном этапе уголовного судопроизводства из так называемой стадии возбуждения уголовного дела в квазирасследование, лишенное процессуального смысла и процессуальных гарантий, вменив в обязанность следователям, дознавателям проверку сообщения о преступлении.

Проверки, растянутые до бесконечности во времени, в том числе и путем незаконных манипуляций с неоднократным вынесением решений об отказе в возбуждении уголовного дела и проведением все новых и новых проверок, серьезным образом ограничивают доступ к правосудию.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 88.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 88–89.

Современная система рассмотрения сообщений о преступлении, отяжеленная многочисленными дополнениями и изменениями, регулирующими начальный этап уголовного судопроизводства, создает возможности для бессмысленной и ничем не оправданной волокиты, существенным образом нарушающей конституционное право граждан на доступ к правосудию.

Лицо физическое или юридическое, чье конституционное право на доступ к правосудию ограничено (нарушено) решением об отказе в возбуждении уголовного дела, не находит справедливости в суде, подав жалобу на отказ в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ.

Сложилась практика, что подобные жалобы не только не удовлетворяются судьей, но даже и не рассматриваются, поскольку прокурор является в судебное заседание с постановлением прокурора об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлении заявления (отказного материала) на новую проверку. Данная ситуация может по одному сообщению о преступлении повторяться неоднократно (2–3 раза), пока гражданин не перестанет обращаться к государству со своими заявлениями и жалобами.

Актуальность проблемы принятия решений на начальном этапе уголовного судопроизводства, ограничивающих доступ к правосудию, и проблемы формального, не результативного судебного контроля за досудебным производством не вызывает сомнений.

На протяжении более 17 лет прослеживаются тенденции от эффективного средства процессуального контроля путем разрешения уголовно-процессуальных споров (ст. 125 УПК РФ) к практически полному бездействию судебной власти в результате формального разрешения жалоб или вообще безосновательного оставления жалоб без рассмотрения.

В современной уголовно-процессуальной теории существуют самые различные понимания и предложения о перестройке досудебного производства, которое позволяло бы обеспечить справедливое судебное разбирательство уголовно-правового спора по существу, не создавая излишней волокиты и позволяя заинтересованным лицам защищать свои законные интересы как на подступах к правосудию, так и в ходе судебного разбирательства. Среди предложений ликвидация стадии возбуждения уголовного дела, введение дознания, как этапа, предшествующего следствию, введение судебного следователя или следственного судьи, изменение понимания доказывания и доказательств и многое другое.

Не вникая в суть этих предложений, не давая им какой-либо оценки, хотелось бы отметить, что неизбежным останется в силу

публично-правовой природы уголовного судопроизводства (которую нельзя допустить уничтожить) обязанность государства обеспечить доступ потерпевшего к правосудию. Соответственно этап уголовного судопроизводства – от приема сообщения о преступлении до судебного разбирательства дела по существу уголовно-правового спора, при наличии к тому оснований, неизменно остается, как остается обязанность государства обеспечить потерпевшему доступ к правосудию путем эффективного расследования обстоятельств, о признаках которого сообщается, и установления лица, его совершившего.

Лицо, обращающееся к государству с сообщением о преступлении, не должно быть просителем, а должно выступать лицом, иницирующим деятельность государства по установлению всех обстоятельств преступления, о признаках которого сообщается. По сути, государство оказывает услугу, обеспечивая путем расследования доступ потерпевшего к правосудию. Динамика этого процесса должна быть абсолютно прозрачной и позволять в максимально короткие сроки, при наличии к тому оснований, обеспечивать доступ к правосудию потерпевшего от преступления.

На современном этапе цифровые технологии могли бы существенным образом изменить начальный этап уголовного судопроизводства и повлиять на обеспечение в разумные сроки доступа лиц к правосудию. Цифровые технологии представляют возможность безграничного доступа к большому объему информации в максимально короткие сроки.

Как известно, цифровое производство представляет собой мощный аналитический инструмент интерпретации получаемой информации.

Автоматизированная система приема и регистрации сообщений о преступлениях, основанная на цифровых технологиях, в обозримом будущем может существенным образом изменить начальный этап уголовного судопроизводства. При разработке программного обеспечения следует учесть, что прием и регистрация сообщений должны исключить влияние субъективного фактора. Электронная регистрация поступающих сообщений о преступлении должна производиться с одновременным предупреждением об уголовной ответственности за ложный донос и электронным сообщением в адрес заявителя об этих фактах. Решение о возбуждении уголовного дела (о начале расследования) по поступившему сообщению должно приниматься незамедлительно, если налицо признаки преступления и отсутствуют сведения о ложном доносе и обстоятельствах, исключающих производство по делу. Если

такие обстоятельства будут выявлены в ходе расследования, дело подлежит прекращению.

Современное состояние научно технического прогресса (развитие цифровых технологий) предоставляет реальные возможности для развития уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства. Оптимизация уголовного судопроизводства, включая его начальный этап – от приема сообщения о преступлении до направления дела в суд, путем использования цифровых технологий позволяет уйти от бумажной волокиты, делает систему более прозрачной, позволяет более оперативно осуществлять контроль за законностью и обоснованностью решений, обеспечивающих доступ к правосудию. Теоретические и законодательные инициативы должны, по сути, создать предпосылки для разработки и внедрения государственной автоматизированной системы под кодовым названием «Доступ к правосудию». Создание подобной системы и внедрение (возможно поэтапно, возможно экспериментально в отдельных регионах России) создаст основания для перераспределения материально-технических, финансовых, кадровых, организационных ресурсов. Можно предположить, что создание и внедрение со временем ГАС «Доступ к правосудию» явится мощным социально-психологическим фактором, который повысит доверие населения к государству в сфере уголовного судопроизводства.

К вопросу о фигуре следственного судьи

И. В. Маслов,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук*

(Институт экономики и культуры)

IgorMaslof@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации процессуальных функций участников досудебного производства и возможность появления следственного судьи.

Уголовное судопроизводство, процессуальные функции, следователь, прокурор, следственный судья.

После того как предложение о создании института следственных судей (автор концепции А. В. Смирнов)¹, как представляется, не выдержало критики со стороны научного сообщества, то интерес к данной процессуальной фигуре несколько снизился. Однако данный вопрос не потерял своей актуальности, в связи с тем, что досудебное производство состоит из двух, самых проблемных судопроизводственных стадий, подвергающихся постоянному реформированию, являющихся предметом острой научной полемики. И, пожалуй, самое главное: общество в наибольшей степени неудовлетворенно результативностью работы именно следственных органов.

Низкая эффективность деятельности по проверке сообщений о преступлениях, возбуждению уголовных дел и предварительному расследованию обусловлена не столько факторами образования, профессиональной подготовки и материально-технической оснащенности должностных лиц, официально осуществляющих уголовный процесс в силу занимаемой должности, сколько правовой регламентацией.

Досудебное производство не только предельно формализовано, но и основано на ошибочной концепции разделения труда между следователем (дознавателем), с одной стороны, и прокурором, с другой, что порождает эффект внутренней состязательности. Именно изменение концепции процессуальных функций является

¹ См.: Смирнов А. В. Необходимость во ведении института следственных судей // Электронный ресурс. URL: http://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 26.02.2015).

непременным условием возможности появления новой процессуальной фигуры – следственного судьи.

Причины неудачи предложенной концепции следственного судьи полно изложены в работе Ю.П. Синельщикова¹, сводящееся, как представляется, к единому знаменателю. Фигура следственного судьи «вписывалась» в существующую парадигму досудебного производства, представляющего собой пусть и небезупречную, но и относительно сбалансированную систему, но появление следственного судьи как ключевого субъекта досудебного производства не заменяло имеющегося следователя и не разрушало существующих системно-структурных связей между следователем (дознавателем) и прокурором.

Иными словами, концепция «следственного судьи» не перераспределяла власть в системе расследования преступлений. Когда любая реформа – это замена одних субъектов другими и (или) изменение системно-структурных связей между ними: «...изменение организационной структуры часто, если не всегда, предполагает изменение структуры распределения власти»².

Если изложенное выше верно, то фигура следственного судьи предложена в декоративной и системно бесполезной форме. Это еще один шаг в сторону не оптимизации, а формализации досудебных стадий.

Однако для ответа на вопрос о необходимости или отсутствии таковой введения следственного судьи в досудебное производство необходимо ответить на следующие ключевые вопросы.

Является ли функция предварительного расследования самостоятельной и требующей «своего» субъекта реализации или она «подчиняется» (является подфункцией) функций обвинения, защиты и разрешения дела, обозначенных законодателем в ч. 2 ст. 15 УПК РФ?

Если функция предварительного расследования самостоятельна, то должностные лица какой ветви государственной власти должны ее реализовывать?

Оптимизирует ли следственный судья досудебное производство и каковы важнейшие обеспечительные меры эффективности его деятельности?

¹ Синельщиков Ю. П. Пути модернизации российского уголовного процесса: создание института следственных судей либо расширение полномочий прокурора? // Законность. № 4. 2018. С. 54–58.

² Джеффри Пфеффер. Власть, влияние и политика в организациях. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014 // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=236737&p=1> (дата обращения: 09.05.2018).

Ответ на первый вопрос. Основывается на процессуальных типологиях: континентальной (романо-германской) и англо-саксонской, разграничивающиеся в том числе и по критерию наличия (отсутствия) досудебного производства в качестве самостоятельной судопроизводственной стадии, главной задачей которой является процессуальная фиксация доказательств до суда и для суда. Форма построения судопроизводства выделяет функцию расследования в качестве самостоятельной (континентальная модель) либо включает ее в функции обвинения и защиты (англосаксонская модель).

Подчеркнем, что, исходя из анализа норм ч. 2 УПК РФ, досудебное производство в Российской Федерации, бесспорно, относится к континентальному типу, но ч. 2 ст. 15 УПК РФ, предусматривающая лишь три функции, не что иное, как декларация англо-саксонской процессуальной модели.

Вывод. Функция предварительного расследования в российском уголовном процессе является самостоятельной, а ч. 2 ст. 15 УПК РФ требует соответствующего дополнения. При условии, что это дополнение не останется на уровне декларации, не подкрепленной нормами предписаний, то в лавинообразном порядке потребуются изменения норм, определяющих сущность досудебного производства.

Ответ на второй вопрос. Функция расследования не может осуществляться субъектом, заинтересованным в исходе дела. Обвинитель и защитник, наделенные правом процессуальной фиксации доказательств (не путать с поиском источников уголовно-релевантной информации), как сознательно, так и бессознательно будут искажать информацию. И это связано не с низкими морально-деловыми качествами обвинителя и «продажностью» защитника, а принципами деятельности человеческого мозга. Как это ни странно звучит, но человек изначально и бессознательно принимает решение и только после этого ищет обоснования правильности сделанного выбора. Американский нейропсихолог, директор Центра по изучению мозга в университете Калифорнии и руководитель проекта «Закон и нейронауки» Майкл Газзанига пишет: «Различные механизмы психологической защиты (создание вымышленных доказательств и ложных представлений) и репрессия (вытеснение чего-либо из сознания) возникают по той причине, что мозг приходит и в целом подходящему объяснению фактов, полученных из многочисленных источников, а затем игнорирует или подавляет противоречивую информацию»¹. Наверное, именно в силу данной причины

¹ Газзанига Майкл. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии: пер. с англ. / под ред. А. Якименко. М., АСТ. 2017 // Электронный ресурс. URL:

совмещение процессуальных функций в одном органе и должностном лице невозможно, а полифункциональный субъект будет реализовывать только одну функцию, признаваемую им за важнейшую. Реализация другой функции будет игнорироваться или профанироваться. Именно поэтому в адрес следователей, отнесенных к стороне обвинения, звучат упреки в обвинительном уклоне, что является следствием не их низких морально-волевых качеств, а смешением в одном лице функций расследования, обвинения, защиты и незначительными, но полномочиями по разрешению дела.

Однако включение следователя в органы прокуратуры и органы исполнительной власти (МВД, ФСБ, а ранее ФСКН и налоговой полиции) является исключительно советской процессуальной традицией.

М.С. Строгович указывал, что это решение принималось «в обстановке классовой борьбы, вызванной сопротивлением эксплуататорских классов мероприятиям советской власти, такая реформа следственного аппарата (включение следователя в систему органов прокуратуры) имела основание», но как только данная задача была выполнена, то сразу же к качеству расследования возникли вопросы¹. Иными словами, проблемы, связанные с эффективностью и качеством расследования, возникли сразу же, как только на них перестали закрывать глаза.

Претензии к следователю, «прикрепленному» к прокурору (обвинительной (исполнительной?) власти) и органу, осуществляющему оперативно-разыскную деятельность (исполнительной власти), обусловлены его полифункциональностью: совмещением функций уголовного преследования и расследования, а следователь в данной системной форме более «преследователь», чем «исследователь» в силу того, что осуществление уголовного преследования значительно проще переводится на язык математики: в качественно-количественных показателях эффективности работы.

Вывод. Функция расследования преступлений может объективно реализовываться только носителем судебной власти, что подтверждается опытом зарубежных стран, где «предварительное следствие в том или ином виде осуществляется судьями»².

Оптимизирует ли фигура следственного судьи досудебное производство? Вот этот вопрос не имеет однозначного ответа, что свя-

<https://www.livelib.ru/book/1002071901-kto-za-glavnogo-svoboda-voli-s-tochki-zreniya-nejrobiologii-majkl-gazzaniga> (дата обращения: 12.03.2017).

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 75.

² *Махов В.* Роль прокурора в уголовном преследовании России и зарубежных государств // Законность, 2014. № 8. С. 53–55.

зано со множеством способов и форм решения процессуальных, организационно-управленческих аспектов деятельности, которые на первый взгляд покажутся незначительными, но в своей совокупности именно эти паттерны формируют деятельность следственно-го судьи.

Так, говоря о судебном следователе образца 1864 г., многие исследователи признают его образцом объективности и эффективности, указывают, что это «самое ценное из многовекового опыта судопроизводства»¹.

Однако претензии к качеству и результативности судебного следствия возникли в первые годы действия Устава уголовного судопроизводства, усиливаясь по мере наработки практики, и не отличались от современных. Длительные сроки расследования; значительное количество дел, возвращенных судом для дополнительного следствия; высокий процент прекращенных дел в связи с не установлением виновного и оправданных судом лиц; низкая раскрываемость преступлений². В начале XX в. известный русский криминалист Борис Львович Бразоль указывал, что анализ расследования преступлений судебными следователями показал, что практикой его роль приведена к «совершенному искажению начал, предначертанных составителями Судебных Уставов»³.

Несмотря на то, что судебный следователь формально включался в судебную систему, но воспринимался ей чуждым элементом, тяготеющим к прокуратуре, реализующим не судебную, а следственно-обвинительную функцию – «среднее звено между обвинительной и судебной властью»⁴, реализация которой находилась под прокурорским надзором. Полиция, по сути, игнорировала его поручения, так как ее процессуальное подчинение следователю не подкреплялось системными интересами⁵. Иными словами, системно-структурные связи «возложили» на следователя ответственность за уголовное преследование.

¹ См.: *Савицкий В. М.* Презумпция невиновности. М., 1997. С. 16.

² См.: *Бозоян А. О.* Состояние и тенденции развития следственных органов в России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 29 – 39. *Случевский В.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 514 – 515; *Духновский М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 267 – 268; *Даневский В. П.* Наше предварительное следствие. Киев, 2001. С. 23.

³ *Бразоль Б. Л.* Следственная часть // Судебные уставы 20 октября 1864 года. Петроград, 1914. Т. 2. С. 95 (цит. по Бозоян А. О.). Указ. раб.

⁴ *Мамонтов А. Г.* Учреждение судебных следователей (социально-политические и идейные предпосылки) // Государство и право. 1996. № 3. С. 142–150.

⁵ См.: *Даневский В. П.* Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа // Министерство юстиции. 1994/1995. № 11. С. 103–166.

Таким образом, основной гарантией эффективности реализации функции предварительного расследования является не только перенесение реализации этой функции на представителя судебной власти, но и:

- освобождение судебного следователя от реализации функции уголовного преследования;
- существенное расширение полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования.

Введение судебного следователя должно обеспечиваться:

- ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела и заменой ее полицейским дознанием – оперативно-разыскной деятельностью;
- возможностью предъявления прокурором официального обвинения в суде, минуя досудебное производство по преступлениям, совершенным в условиях очевидности.

Иначе говоря, предварительное расследование должно приобрести свойство эксклюзивной и факультативной судопроизводственной стадии.

К вопросу об участии следователя в производстве судебной экспертизы и эксперта в производстве отдельных следственных действий по преступлениям, совершаемых в учреждениях УИС России

Е. В. Назаркин,

*доцент института по кафедре,
кандидат юридических наук
(Академии ФСИН России)
evnr2012@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности участия следователя в производстве судебной экспертизы и эксперта в производстве отдельных следственных действий по преступлениям, совершаемым в учреждениях УИС России.

Судебная экспертиза, присутствие следователя, участие эксперта, учреждения уголовно-исполнительной системы.

Закон (ст. 197 УПК РФ) предусматривает такую форму рабочего контакта следователя (дознателя), как возможность присутствия следователя при производстве судебной экспертизы. Как показывают материалы изучения уголовных дел¹, связанных с лицами и учреждениями УИС, востребованная необходимость в присутствии лица, назначившего судебную экспертизу при ее производстве, возникает достаточно редко. И все же законодатель неслучайно предусмотрел такую возможность.

Очевидно, что присутствие следователя при производстве экспертизы в ряде случаев поможет ему лучше уяснить методику экспертного исследования, особенности представленных доказательств (объектов) и технологию их исследования, на основе которых экспертом делаются выводы, позволяющие установить отдельные обстоятельства преступления и причастность к нему определенных лиц. Это, несомненно, будет способствовать более правильной и точной оценке полученного в последующем заключения эксперта следователем, точному определению места заключения во всей сово-

¹ В процессе исследования были изучены материалы 30 уголовных дел по учреждениям УФСИН Рязанской, Брянской, Тамбовской, Владимирской, Московской областей, Республики Мордовия, Башкортостана.

купности собранных доказательств по делу и его значение по уголовному делу. Более того, такое присутствие позволит упредить необоснованное назначение дополнительных и повторных судебных экспертиз, а также напрасных вызовов эксперта для уяснения тех частей экспертного заключения, которые остались неясными для следователя (дознателя) в силу различных причин, а это, в свою очередь, будет способствовать экономии времени в работе следователя и эксперта¹.

Лицо, назначившее судебную экспертизу, в том числе по уголовному делу или до возбуждения последнего, связанному с субъектами, находящимися в учреждении УИС, всегда лучше, чем эксперт, ориентируется в материалах уголовного дела, знает специфику исправительного учреждения и характеристики лиц, участвующих в деле (как правило, это «курирующий» учреждение территориальный следователь СК РФ, дознаватель полиции, оперативный сотрудник учреждения, выполняющий отдельные поручения по расследованию). Поэтому, понимая смысл действий подозреваемого (обвиняемого) и иных участвующих в деле лиц, следователь имеет право поставить эксперта в известность относительно отдельных обстоятельств по уголовному делу, связанных с производством конкретной судебной экспертизы.

Присутствие следователя (дознателя) при производстве судебной экспертизы, а иногда и такая форма, как постоянная связь по телефону, может сочетаться с постоянным собиранием доказательств (когда выявлены новые объекты, какая-то информация по делу), выдвижением новых версий и их проверкой, принятием безотлагательных мер в ходе расследования уголовного дела.

В принципе, процесс участия следователя в производстве судебной экспертизы уже начинается с момента разрешения следователя на применения экспертом тех или иных методов судебной экспертизы, например разрешение применять такие методы исследования объектов, которые не приводят к их уничтожению или изменению их свойств. Если без этого невозможно решить поставленные следователем вопросы, эксперт, исходя из своих прав и обязанностей в ходе производства судебной экспертизы, должен согласовать возможность применения разрушающих методов исследования с назначившим судебную экспертизу лицом. При этом следователь,

¹ Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений / под ред. В.А. Снеткова: учеб. пос. М.: ЭКЦ МВД России, 1996. С. 45; *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня: монография. М., 2001. С. 211–213.

в свою очередь, должен решить, получить ли заключение эксперта и при этом лишиться вещественного доказательства, либо сохранить его и, не получив заключение эксперта, использовать этот материальный объект для доказывания каких-либо фактов иными способами (например предъявив его в ходе допроса подозреваемому, обвиняемому или другим лицам).

При получении согласия следователя эксперт должен в заключении сделать об этом соответствующую отметку и мотивировать необходимость применения разрушающих методов исследования (обычно физико-химических и химических).

В ходе самого участия следователя при производстве судебной экспертизы важной особенностью является то, что последний может охарактеризовать отдельные представленные на экспертизу объекты или материалы с позиции их появления в уголовном деле с учетом специфики учреждения УИС, возможности умышленного их изменения преступниками или окружающим спецконтингентом. Это делается с целью затруднить в дальнейшем процесс экспертного исследования или вообще возможность исключить получения доказательства в ходе судебной экспертизы.

С другой стороны, в процессе производства судебной экспертизы также могут понадобиться какие-либо дополнительные материалы (дополнительные сравнительные материалы или образцы, информация из уголовного дела и др.), без которых судебный эксперт не может дать полное и объективное экспертное заключение. Для получения таких материалов эксперт делает соответствующий запрос назначившему экспертизу лицу устно или, как правило, в письменной форме.

Как известно, материалы и объекты (доказательства и образцы для сравнения) для производства судебной экспертизы собирает следователь. Эксперт, проявив разумную инициативу, может с разрешения следователя присутствовать при производстве отдельных следственных действий, в том числе проводимых на территории исправительного учреждения, с целью выяснения вопросов, относящихся к предмету судебной экспертизы. Это такие следственные действия, которые проводятся уже после назначения судебной экспертизы в связи с ходатайством эксперта о предоставлении дополнительных материалов, либо, возможно, те, которые запланированы следователем в ходе дальнейшего производства расследования по уголовному делу.

Обращение эксперта к следователю за разрешением присутствовать при производстве следственного действия может иметь как устную, так и письменную форму (ходатайство).

В протоколе следственного действия следователь указывает на факт присутствия эксперта и излагает вопросы, которые последний задавал допрашиваемым, их ответы и др.

Собственно, деятельность эксперта по производству судебной экспертизы, в присутствии следователя, например в экспертно-криминалистическом подразделении ОВД, включает следующее.

Предварительное исследование поступившим на судебную экспертизу объектов и материалов, в результате которого необходимо установить следующее:

- состояние упаковки исследуемых объектов (нет ли ее нарушений, реквизитов и средств достоверности), при этом следователь для себя уточняет подлинность адресата упаковки;

- состояние объектов, соответствие представленных на исследование объектов перечню и описанию их в постановлении о назначении судебной экспертизы, сопоставимость сравниваемых объектов по внешним (общим) признакам;

- вопросы, поставленные перед экспертом (их полнота, логичность, редакция, развернутость первого вопроса и т. п.); сведения об объектах исследования (место и время обнаружения, изъятия, условия и продолжительность хранения следов; время изъятия проверяемых объектов, их состояние, условия хранения или эксплуатации).

Раздельное исследование сравниваемых объектов (выявление частных идентификационных признаков).

Сравнительное исследование (сравнение выявленных признаков).

Оценка результатов исследования – изучение совпадающих и различающихся признаков в отдельности и в совокупности, формулирование на их основе научно обоснованных выводов (предвыводы), что особенно важно следователю для установления какого-либо факта или подтверждения имеющегося в деле доказательства.

Оформление процесса исследования в виде заключения эксперта с приложением (фототаблицей) (ст. 80, 204 УПК РФ).

В некоторых случаях может присутствовать перед сравнительным исследованием еще одна стадия производства судебной экспертизы – экспертный эксперимент¹.

Все эти этапы, в необходимом случае, комментируются и разъясняются экспертом для следователя, иногда с натуральным показом отдельных важных ключевых моментов проводимого исследования,

¹ Взаимодействие следователя и эксперта-криминалиста при производстве следственных действий: учеб. пос. / под ред. И.Н. Кожевникова. М.: ЭКЦ МВД России, 1995. С. 108–109.

для того, чтобы последнему все было понятно, а полученные результаты достоверны, полны и исчерпывающе исследованы. Конечно же следователь при этом может задавать уточняющие вопросы.

В процессе исследования объектов эксперт может устанавливать имеющие для дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены следователем вопросы, в том числе выявить новые следы, признаки, например микрочастицы веществ с места происшествия, волокна ткани одежды преступника и т. д. В таких случаях он подробно отражает в описательной части своего заключения обстоятельства их обнаружения, изъятия и исследования¹.

Подводя итог, можно отметить, что участие следователя в ходе судебной экспертизы бывает необходимо как с позиции получения объективной информации по проводимому исследованию, так и с позиции помощи эксперту в описании особенностей получения исследуемых доказательств с учетом, в частности, специфики учреждения уголовно-исполнительной системы и возможного, при этом, противодействия расследования участниками преступления или лицами спецконтингента учреждения. В свою очередь эксперт также имеет возможность с разрешения следователя присутствовать при производстве отдельных следственных действий, в том числе проводимых на территории исправительного учреждения, с целью выяснения вопросов, относящихся к предмету судебной экспертизы.

¹ В ходе расследования причинения тяжкого вреда здоровью осужденный К. отрицал свое участие в преступлении по отношению к осужденному В. и вообще факт нахождения на месте происшествия и контакта с потерпевшим. Однако в ходе освидетельствования у осужденного К. были изъяты строительные рукавицы, на правой из которых (К. был «правша») экспертом было обнаружено небольшое пятно, которое впоследствии оказалось кровью потерпевшего В. Материалы архивного уголовного дела СК РФ по Рязанской области за 2012 г.

Регламент рассмотрения сообщения о преступлении: противоречия и проблемы защиты прав невластных участников

И. В. Овсянников,

*доцент, главный научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра,
доктор юридических наук
(Академия ФСИН России)
ivover@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы защиты прав невластных участников проверки сообщения о преступлении.

Принципы уголовного судопроизводства, доследственная проверка, уголовное преследование.

На любом этапе уголовного судопроизводства важны вопросы обеспечения его назначения, т. е.: обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; обеспечение защиты от необоснованного ограничения прав и свобод лиц, на которых пало подозрение, и других невластных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Исходя из принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, важно обеспечить невластным участникам возможность осуществлять свои права (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Поэтому практическое значение имеют следующие вопросы.

1. Каковы недостатки действующего регламента (порядка) начального этапа досудебного производства?

2. Каким должен быть регламент рассмотрения сообщения о преступлении и принятия процессуальных решений, чтобы он соответствовал назначению уголовного судопроизводства и другим его принципам?

Эти вопросы важны также с точки зрения обеспечения безопасности и других интересов всего общества.

Более четверти века назад в Концепции судебной реформы в РСФСР (далее – Концепция) подвергнута критике административная по своей природе доследственная проверка сообщений о преступлениях и с опорой на опыт российского дореволюционного законодательства предложено: «Когда хотя бы в минималь-

ной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, необходимо возбуждать уголовное дело и устанавливать истину наиболее надежными средствами, то есть действиями, облеченными в процессуальную форму»¹.

Предлагая реформировать рассматриваемый регламент, Б.Я. Гаврилов обоснованно указывает на снижение уровня уголовно-процессуального реагирования на факты совершения противоправных деяний с признаками преступления, что подтверждается, в частности, двукратным сокращением за 10 лет количества принятых решений о возбуждении уголовных дел относительно количества зарегистрированных сообщений о преступлениях (с 30,8 % в 2006 г. до 15,9 % за 2016 г.), а также существенным сокращением за 25 лет количества возбужденных уголовных дел (с 2,8 млн в 1992 г. до 1,85 млн в 2016 г.) на фоне многократного роста количества «отказных» материалов (с 1,3 млн в 1992 г. до 6,8 млн в 2016 г.). Это негативно влияет на эффективность предварительного расследования: в суд направляется лишь каждое третье уголовное дело, расследованное в форме предварительного следствия, и каждое второе, расследованное в форме дознания².

Согласно другой точке зрения, основная причина несвоевременного начала предварительного расследования и его неэффективности «не в порочности закона, а в порочности правоприменительной практики», когда в условиях отрицательной оценки фактов прекращения уголовных дел правоприменители вынуждены в угоду статистике учитывать судебную перспективу уголовного дела, игнорируя требования УПК РФ³.

Неверные критерии оценки работы сотрудников правоохранительных органов, конечно, не способствуют эффективности досудебного производства. В Концепции указано: «Нельзя ставить в вину следователю «напрасное» возбуждение, а затем прекращение уголовных дел. Если возбуждение дела было предпринято при наличии законных поводов и оснований, а затем было установлено наличие обстоятельств, влекущих его прекращение, оснований для негативной оценки работы нет»⁴.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // СПС «КонсультантПлюс».

² Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства как фактор повышения эффективности уголовного судопроизводства в России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 36–42; Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.

³ Трухин С.А. Значение и перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела // Российский судья. 2017. № 11. С. 28–32.

⁴ О Концепции судебной реформы в РСФСР...

Но и современный процессуальный закон далек от совершенства. Изменения и дополнения, периодически вносимые законодателем в ст. 144 УПК РФ, не имеют системного характера и порой противоречат друг другу (например, по вопросу о производстве отдельных следственных и иных действий до возбуждения уголовного дела), другим нормам федерального закона или доктринальным положениям.

Так, по мере расширения перечня действий, разрешенных при проверке сообщения о преступлении, содержание ст. 144 УПК РФ все менее соответствует ее названию, а рассмотрение сообщения о преступлении подменяется рассмотрением проверочных материалов (объяснений, актов исследований и др.), собираемых в большинстве своем непроцессуальным путем, т. е. наименее надежным и не имеющим необходимых гарантий достоверности. На основе этих ненадежных, не имеющих доказательственного значения и создающих риск ошибки сведений устанавливаются обстоятельства (вопреки положениям ст. 73 УПК РФ о том, что обстоятельства подлежат доказыванию) и принимаются процессуальные решения.

Разрешение производства отдельных следственных и оперативно-розыскных действий на стадии возбуждения уголовного дела противоречит правилу о том, что даже неотложные следственные действия должны осуществляться после возбуждения уголовного дела (п. 19 ст. 5 УПК РФ). Это правило не случайно.

Конституционный Суд РФ указывает на необходимость соблюдения конституционных требований необходимости, обоснованности, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина, которые обращены ко всем государственным органам – законодательным, исполнительным и судебным¹.

С такими ограничениями сопряжены и следственные, и оперативно-розыскные действия. Любые следственные действия сопряжены в той или иной мере с принуждением в отношении лиц, права и интересы которых ограничиваются. Многие оперативно-розыскные мероприятия «ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища», о чем указано в ч. 2 ст. 8 Феде-

¹ По жалобе гражданина Давыдова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 29.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 214-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5.

рального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹. Однако практические работники усматривают в законе дозволение проводить их еще до обнаружения признаков преступления, т. е. безосновательно.

Защитник участвует в уголовном деле уже с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). В соответствии с пунктом 45 ст. 5 УПК РФ защитник осуществляет защиту от обвинения (уголовного преследования) этого лица. Следовательно, это лицо подвергается уголовному преследованию. Но это противоречит ряду основных положений УПК РФ.

Так, закон позволяет стороне обвинения осуществлять уголовное преследование лишь в целях изобличения лица в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), причем полномочия принимать в целях уголовного преследования предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении, у прокурора, следователя, органа дознания, дознавателя есть лишь в случае обнаружения признаков преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Правомерность того или иного порядка уголовного преследования определяется характером и тяжестью совершенного преступления (ч. 1 ст. 20 УПК РФ).

То есть сначала необходимо установить признаки преступления, определить его характер и тяжесть. Дозволения осуществлять уголовное преследование до этого основные положения УПК РФ не содержат.

Противоречив и раздел VII УПК РФ «Возбуждение уголовного дела». В этом разделе предусмотрено основание для возбуждения уголовного дела, но не предусмотрено основание для начала уголовного преследования. На практике это позволяет следователю или дознавателю в ситуации отсутствия, по его мнению, достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т. е. основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), прежде, чем отказать в возбуждении уголовного дела, возбуждать и осуществлять от имени государства уголовное преследование по поводу любого сообщения о якобы совершенном или готовящемся преступлении (ч.ч. 1, 1.1 ст. 144 УПК РФ). После этого решение об отказе в возбуждении уголовного дела приобретает значение решения о прекращении уголовного преследования. В случае же вынесения постановления о возбуждении уголовного дела позже начала

¹ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

уголовного преследования это постановление тоже не имеет того значения, которое ему придавалось ранее.

Сторонники сохранения стадии возбуждения уголовного дела, предусматривающей возможность предварительной проверки путем различных познавательных действий, утверждают, что наличие такой стадии является гарантией от незаконного (без должных к тому оснований) уголовного преследования¹. Учитывая изложенное выше, с этим аргументом трудно согласиться. Скорее наоборот, именно доследственная проверка порождает опасность необоснованного, не вызванного необходимостью ущемления прав, свобод или законных интересов граждан.

В результате то достоинство стадии возбуждения уголовного дела, на которое обычно указывали сторонники необходимости этой стадии, а именно – ее способность обеспечить меткость применения уголовной репрессии, оградить граждан от необоснованных и недопустимых ограничений их прав, свобод и законных интересов², превращается в существенный недостаток, обусловленный опасностью неосновательного уголовного преследования граждан, а также отвлечением сил и средств правоохранительных органов от борьбы с реальными преступлениями.

Кроме того, уголовная ответственность предусмотрена за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УПК РФ), но не предусмотрена за незаконное начало и проведение доследственной проверки. Следовательно, и эта веская гарантия законности уголовного преследования существует лишь на этапе предварительного расследования, а на этапе доследственной проверки отсутствует.

По данным Ю. А. Цветкова, среди заявителей о преступлениях встречаются не только те, которые добросовестно заблуждаются относительно тех или иных обстоятельств происшедшего, но и те, которые злоупотребляют правом на обращение и пытаются инициировать доследственную проверку для того, чтобы свести счеты с конкурентами или отомстить следователю, прокурору или судье, действия и решения которых вызывают у них возражения, причем заявления о привлечении к уголовной ответственности судей, прокуроров, следователей и полицейских по мотиву несогласия с их

¹ См. напр.: Федоров А.В. Нужна ли российскому уголовному процессу стадия возбуждения уголовного дела? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1. С.16 // URL: http://academy-skrf.ru/izdat/2017/Sbornik_1_2017.pdf (дата обращения: 15.12.2017).

² См., напр.: Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 150–151.

процессуальными действиями и решениями составляют значительную долю поступающих в Следственный комитет заявлений¹.

По мнению С.А. Трухина, «в силу ст. 448 УПК РФ стадия возбуждения уголовного дела является гарантией от необоснованного уголовного преследования парламентариев, судей, прокуроров, следователей, адвокатов и иных перечисленных в ст. 447 УПК РФ специальных субъектов по причине их профессиональной деятельности»². Но, учитывая возможность уголовного преследования еще до возбуждения уголовного дела, такая гарантия представляется слабой.

В целях обеспечения соответствия регламента рассмотрения сообщений о преступлениях принципам уголовного судопроизводства необходимо отказаться от доследственных проверок в виде собирания материалов (по такому пути пошли многие государства ближнего зарубежья), а также закрепить в законе требования о незамедлительном принятии любого сообщения о преступлении и, если неочевидна его ложность или ошибочность, о незамедлительном начале предварительного расследования. Это будет способствовать эффективности досудебного производства.

Но чтобы выделить из общей массы сообщений сообщение о преступлении, определить правомерность уголовного преследования и его вид, правомерность оперативно-розыскных мероприятий, определить подследственность, нужна предварительная квалификации деяния. Такую квалификацию целесообразно указывать в постановлении, с которого и должно начинаться предварительное расследование. В этом постановлении может быть отражено и решение о признании потерпевшим. Что касается постановлений о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом, то они станут излишними.

¹ Цветков Ю.А. Возбуждение уголовного дела в механизме отказоустойчивости УПК РФ // Законность. 2017. № 6. С. 48–52.

² Трухин С.А. Указ. раб.

Обеспечение защиты прав личности на стадии возбуждения уголовного дела в исправительных учреждениях ФСИН России

А. В. Огрызков,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
ogryzkov-91@mail.ru*

Статья посвящена изучению актуальных вопросов обеспечения защиты прав личности на стадии возбуждения уголовного дела. Особое внимание уделено вопросу, связанному с обеспечением защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства в исправительных учреждениях ФСИН России.

Обеспечение защиты прав личности, стадия возбуждения уголовного дела, уголовное судопроизводство.

Реалии правоприменения свидетельствуют о том, что в XXI в. в российском уголовном процессе одними из наиболее острых и обсуждаемых проблем являются совершенствование механизма стадии возбуждения уголовного дела, обеспечение прав и свобод личности, создание эффективных юридических гарантий защиты прав человека и гражданина, а также охрана прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства¹.

Отметим, что правовой основой обеспечения защиты прав личности на территории Российской Федерации являются конституционные нормы и гарантии. Согласно ст. 2 Конституции РФ человек – это личность, а его права и свобода являются высшей ценностью правового государства. При этом Конституция РФ выступает гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также демократических основ уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, из всех вопросов, связанных с обеспечением защиты прав и свобод личности, наибольшую актуальность и науч-

¹ Огрызков А.В. Концепция совершенствования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 25–256.

ную значимость приобретают вопросы, касающиеся обеспечения защиты прав лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, т. к. данная область является одной из важнейших в государственной деятельности и, в свою очередь, единственной сферой, в которой наиболее широко и интенсивно применяются меры государственного принуждения. Поэтому государство обеспечивает их должную охрану и защиту посредством уголовно-процессуального законодательства (ст. 11 УПК РФ). Данная норма закрепляет ряд обязанностей должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс по отношению к другим участникам уголовного судопроизводства, что является одним из направлений судебной реформы в Российской Федерации.

В свою очередь Ю.П. Михальчук, В.И. Солодкая отмечают, что главной целью данной реформы являлось создание эффективной системы уголовного судопроизводства, которая способна сочетать в себе как деятельность правоохранительных органов по предупреждению и раскрытию преступлений, расследованию и разрешению уголовных дел с защитой и охраной прав, свобод и законных интересов лиц, которые вовлечены в эту область уголовного процесса¹. При этом вопросы, возникающие с необходимостью обеспечения защиты прав личности на стадии возбуждения уголовного дела, имеют особую актуальность и значимость в уголовном процессе.

Так, исследуя системные проблемы современного состояния обеспечения конституционных прав граждан в российском досудебном производстве, профессор Б.Я. Гаврилов выделяет стадию возбуждения уголовного дела. Он считает, что наличие данного института в уголовном процессе в большей степени определяет низкую эффективность всего современного уголовного судопроизводства России².

По действующему уголовно-процессуальному законодательству России понятие «возбуждение уголовного дела» можно определить как первоначальный и обязательный уголовно-процессуальный институт, регулирующий на основе законодательных норм процессуальные отношения и порядок деятельности уполномоченных субъектов, а также иных лиц, вовлеченных в уголовный процесс,

¹ Михальчук Ю. П., Солодкая В. И. Организационно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и свобод личности при производстве по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 88.

² Гаврилов Б. Я. Ограничение в досудебном производстве конституционных прав граждан на доступ к правосудию // Юридическая техника. 2018. Т. 12. № 12. С. 445.

обеспеченный отдельными процессуальными гарантиями и направленный на начало уголовного судопроизводства по совершенному или готовящемуся преступлению¹.

Уголовно-процессуальная деятельность по обеспечению защиты прав личности на стадии возбуждения уголовного дела в исправительных учреждениях ФСИН России имеет ряд особенностей, которые, в первую очередь, обусловлены недостаточно четким нормативным регулированием данного этапа уголовного судопроизводства, в частности – правовым положением (статусом) осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также разного рода объективными и субъективными факторами, влияющими на функционирование самих исправительных учреждений².

Непосредственно правовое обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве характеризуется, во-первых, через деятельность субъектов по защите прав и свобод, составляющими которой должны быть эффективность и целесообразность, а во-вторых, положение человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений, его правовой статус, напрямую зависит от того, какими правами наделено это лицо, какие обязанности возложены на него действующим законодательством. Ведь каждый участник уголовного процесса является личностью и выполняет определенные процессуальные функции независимо от того, какое процессуальное положение (статус) он занимает. При этом право каждого участника уголовного судопроизводства означает меру его возможного поведения³.

В связи с этим уместно обозначить позицию профессора Л. М. Володиной, которая верно, на наш взгляд, обращает внимание на тот факт, что реальность обеспечения защиты прав человека и гражданина в сфере уголовной юрисдикции зависит от множества

¹ Уголовно-процессуальное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Б. Я. Гаврилова, А. А. Крымова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 184.

² *Брыляков С. П.* Организационные и правовые основы защиты прав личности при возбуждении уголовных дел в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 2.

³ *Мельников В. Ю.* Назначение уголовного судопроизводства: проблемы, связанные с обеспечением прав человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 109.

факторов, одним из которых является четкое определения статуса участников уголовного процесса¹.

В свою очередь А. Я. Гришко, рассматривая вопросы правового статуса осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, указывал на то, что правовое положение данных лиц складывается из нескольких основных элементов:

- основные права и обязанности, являющиеся общими правами и обязанностями для всех граждан Российской Федерации;
- специальные права и обязанности – только те, которые определены нормами уголовно-исполнительного права;
- права и обязанности, предусмотренные остальными отраслями права, такими как административное, уголовное, уголовно-процессуальное и другие, т. е. те, которые возникают только в случае совершения осужденными дисциплинарного проступка либо преступного деяния².

Итак, более подробно рассмотрим вопрос, связанный с обеспечением защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства в исправительных учреждениях ФСИН России.

Во-первых, наиболее эффективной мерой безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства из числа осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, может являться недопустимость разглашения факта содействия осужденного с представителем администрации исправительного учреждения, являющегося участником уголовного судопроизводства, а также факта обращения осужденного к сотруднику исправительного учреждения с заявлением о совершенном или подготавливаемом преступлении (ст. 141 УПК РФ).

В этом случае сотрудниками исправительного учреждения должны приниматься ряд организационно-правовых мер. Например, с целью неразглашения факта обращения осужденного с заявлением о совершенном преступлении на территории исправительного учреждения вместо протокола принятия заявления о преступлении (ст. 141 УПК РФ) сотрудником исправительного учреждения составляется рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ). В этом случае данный факт будет означать, что инициатива для начала уголовно-процессуальной деятельности официально исходит от представителя администрации исправительного учреждения, а не

¹ Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 254.

² Гришко А. Я. Гражданско-правовой статус лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. М., 2005. С. 19.

от самого осужденного. Таким образом, это позволяет сотрудникам учреждения обеспечить безопасность осужденного как участника уголовного процесса.

Во-вторых, к участнику уголовного судопроизводства из числа осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, может быть применен перевод в безопасное место в соответствии с ст. 13 УИК РФ¹, п.п. 184–191 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений².

Такое закрепление обязанностей должностных лиц уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства корреспондируется с соответствующим отраслем права.

Отметим также, что в соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ³ меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

И, в-третьих, закон налагает обязанность должностных лиц (сотрудников исправительных учреждений) – участников уголовного судопроизводства разъяснять права и обязанности лицам, в данном случае – осужденным, отбывающих наказание в виде лишения свободы, с учетом их фактического процессуального положения, что представляется важным элементом механизма защиты прав личности. Факт разъяснения прав и обязанностей участникам уголовного судопроизводства отражается в протоколах (документах) процессуальных действий, производимых с участием указанных лиц, и должно подтверждаться их подписью.

При изложении проблемы обеспечения защиты прав личности на стадии возбуждения уголовного дела следует также обратить внимание и на результаты проведенного исследования В.Ю. Мельникова, которое показало, что в обязанностях должностных субъектов досудебного производства фактически не предусмотрено в обязанностях обеспечение защиты прав человека в ходе уголовного преследования (в соответствии с его

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.12.2017).

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 (ред. от 28.12.2017).

³ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ.

назначением), что является одной из причин массового нарушения прав и свобод человека участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения¹.

На основании вышесказанного автор констатирует тот факт, что современная система процессуальных гарантий обеспечения защиты прав и свобод, предусмотренная по УПК РФ и нормами ведомственного законодательства ФСИН России, далеко не совершенна, что не позволяет в полной мере обеспечить заинтересованным лицам эффективную защиту своих прав от совершенных преступлений либо защиту от уголовного преследования, как того требуют международные стандарты по уголовным делам.

¹ Мельников В. Ю. Назначение уголовного судопроизводства: проблемы, связанные с обеспечением прав человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 108–110.

Становление и развитие следственной власти в России

Н. В. Османова,

*доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
(Московская академия СК России)
osmanovanadegda@gmail.com*

А. М. Новиков,

*заведующий кафедрой уголовного процесса
(Московская академия СК России)*

Статья посвящена процессуальным и организационным вопросам становления и развития следственной власти в России.

Подследственность, следственная власть, модель организации следственного аппарата, органы предварительного расследования, следственный судья.

За последние 17 лет уголовно-процессуальное законодательство претерпело значительные изменения: более тысячи внесенных поправок в нормы УПК существенно изменили формы досудебного производства, институт подследственности¹, прокурорский надзор, ведомственный контроль за осуществлением предварительного следствия и дознания, оказав тем самым закономерное влияние на формирование современной модели следственного аппарата.

В настоящее время Уголовный кодекс насчитывает более 700 преступных деяний, по нашей оценке, как минимум, по 85 % из которых осуществляется предварительное следствие. В настоящее время следственная власть сосредоточена в СК России.

К компетенции СК России отнесено расследование преступных деяний, совершаемых представителями законодательной, исполнительной, судебной властей, что создает условия для обеспечения конституционного правопорядка и пресечения попыток оказания давления одной из ветвей государственной власти на другую. Теоре-

¹ См. подробнее: *Османова Н. В.* Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // *Юридическая психология.* 2014. № 3. С. 12–15.

тические основы конституционно-правового положения СК России позволяют утверждать, что реализуемая в настоящее время следственная власть является элементом президентской власти, а само ведомство выполняет роль противовеса при реализации концепции разделения властей.

Как отмечалось Председателем СК России А. И. Бастрыкиным¹ в декабре 2014 г. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, СК России не только не входит в структуру какого-либо органа государственной власти, но и не относится ни к одной из ветвей государственной власти, а подчинен непосредственно Президенту Российской Федерации и обладает особым конституционно-правовым статусом.

Наличие самостоятельного вневедомственного следственного аппарата, функционирующего вне системы прокурорского ведомства, позволяет создать необходимые условия для организационной самостоятельности следственных органов, эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, повышению его объективности и беспристрастности, усилению взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры. Данная реорганизация положительно сказалась на состоянии законности в сфере уголовного судопроизводства и обеспечении прав и свобод его участников.

Помимо СК России право проводить предварительное следствие по уголовным делам предоставлено также ФСБ России и МВД России, отнесенных законодательством к исполнительной ветви власти. На указанные ведомства, помимо осуществления расследования, возложены также иные функции, что неизбежно отвлекает их от осуществления предварительного следствия.

По результатам проведенного нами исследования подследственность следователя СК России в разы превышает количество составов преступлений, относящихся к подследственности следователей ФСБ России и МВД России. Данный вывод следует из пп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также анализа персональной подследственности, определенной в пп. «б, в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также в п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ (по указанным в норме составам преступлений следователями СК России может быть

¹ А. И. Бастрыкин выступил на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.sledcom.ru/news/item/886789/> (дата обращения: 09.09.2018).

проведено предварительное следствие в случае изменения формы расследования прокурором в порядке п. 12 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ).

Таким образом, к подследственности следователя СК России относится расследование уголовных дел, по нашей оценке, не менее чем по 600 составам преступлений¹, что позволяет утверждать об универсальности данного субъекта уголовного судопроизводства, способном проводить расследование по преступлениям, совершаемых в различных сферах деятельности (преступления против личности, государственной власти, в экономической сфере и др.).

Столь широкая подследственность следователей СК России вполне объяснима с точки зрения постепенного ее наращивания с последующей перспективой передачи всех уголовных дел в подследственность единого органа расследования.

Исследование исторического пути становления и реформирования следственной власти в России позволяет определить СК России как вневедомственный следственный орган, по сути, являющийся преемником «майорских» следственных канцелярий 1717 г. и вневедомственной моделью организации следственных аппаратов.

Наряду с вневедомственной моделью организации следственных аппаратов в различные периоды их становления и развития можно выделить и другие формы структурной принадлежности, последовательно сменяющие друг друга: следственный аппарат при органах правосудия (судебная модель) – например, должность судебного следователя, народных следователей при народных судах; следственный аппарат органов прокуратуры (прокурорская модель) – следователь прокуратуры; следственный аппарат органов исполнительной власти (административная модель) – следователь органов внутренних дел.

После революции 1917 г., согласно декрету СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г. № 1², подследственность органов предварительного следствия в целом продолжала определяться подсудностью соответствующего звена судебной системы, зависимостью следственной и судебной деятельности (за исключением расследования по делам о контрреволюционных и воинских преступлениях, производство по которым осуществлялось образованным в 1918 г. единым Следственным отделом ВЧК).

¹ Для сравнения, фактическая численность следователей СК России, по различным экспертным оценкам, в 2–3 раза меньше, чем в МВД России.

² Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

Первые шаги на отделение следственной деятельности от судебной были сделаны с принятием декретов СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г.¹, «О суде» от 7 марта 1918 г. № 2² и «О суде» от 13 июля 1918 г. № 3³, положивших начало в развитии персональной подследственности: уголовные дела об общественно опасных деяниях несовершеннолетних в возрасте до 17 лет были изъяты из подсудности судов и переданы в ведение комиссий для несовершеннолетних, расследовавших дела указанной категории.

Следующий, по нашему мнению, значительный этап становления института подследственности и формирования независимого от судебной власти органа следствия связан с принятием первого УПК РСФСР 1922 г., созданием системы органов дознания и необходимостью разграничения форм предварительного расследования.

Появление дознания – новой независимой от судебной власти формы предварительного расследования – повлияло и на отделение следователей от судебного ведомства, организационная принадлежность к которому прослеживалась как по УУС 1864 г., так и по УПК РСФСР 1922 г. При этом процессуальное руководство, по советскому уголовно-процессуальному законодательству 1922 г., предварительным следствием осуществлялось прокурором: он мог давать следователю обязательные для него указания о направлении хода расследования, руководить им (ст. 121 УПК РСФСР).

Необходимо отметить, что, начиная с 1918 г., вопрос определения места следственного аппарата в системе государственных органов возникал неоднократно и был теснейшим образом связан с разрешением вопроса о возможном наделении органов внутренних дел функцией расследования уголовных дел в форме дознания.

Принятый в 1923 г. УПК РСФСР еще более расширил полномочия прокурора, закрепив за ним право разрешения споров о подследственности и передав в организационное подчинение органов прокуратуры следственный аппарат. Однако к существовавшему перечню следственных должностей были добавлены следователи военных и военно-транспортных трибуналов, относившиеся к судебному ведомству, при этом производство предварительного следствия существенных изменений не претерпело.

¹ Декрет ВЦИК от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

² Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

³ Декрет ВЦИК от 13.07.1918 № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

Таким образом, в начале 20-х гг. наметился переход от судебной модели к прокурорской и, как отмечается учеными, «на пути советских судебных следователей встала прокуратура... судебной модели построения следственного аппарата суждено было просуществовать совсем недолго»¹.

Окончательный переход к прокурорской модели состоялся в 1929 г., когда военные следователи перешли в подчинение органов военной прокуратуры, и начавшаяся в 1860 г. история российских судебных следователей закончилась.

Необходимость снижения постепенно нарастающей на следственный аппарат прокуратуры нагрузки по расследованию уголовных дел обусловила внесение изменений в институт подследственности за счет уголовных дел о преступлениях, не представляющих в доказывании особой сложности. Начиная с 1925 г.² из подследственности следователей неоднократно исключали отдельные виды преступлений с дальнейшей их передачей органам дознания.

Последующее реформирование системы органов расследования было обусловлено в целом указанными обстоятельствами, а также тем, что, как отмечают ученые³, немногочисленный следственный аппарат, находящийся в распоряжении прокуратуры, не всегда справлялся с расследованием уголовных дел, отнесенных к их подследственности.

В связи с этим следователь получил право⁴, с разрешения прокурора, передавать органам дознания для расследования любое уголовное дело о преступлениях, по которым требовалось производство предварительного следствия, изменяя тем самым подследственность уголовных дел, закрепленную в УПК РСФСР 1923 г.

Указанные обстоятельства повлияли, как указывает З. Ф. Коврига⁵, на то, что высокая загруженность следователей прокуратуры снижала качество и быстроту расследования преступлений, а само расследование фактически производили органы дознания.

Создание в конце 30-х гг. следственных подразделений (в органах госбезопасности и милиции) Наркомата НКВД (в последующем НКГБ–МГБ), заменивших, по мнению М. С. Строговича, орга-

¹ История органов следствия России: хрестоматия. М., 2015. С. 11.

² Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27.07.1925 «Об изменении статьи 108 УПК РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 55. Ст. 417.

³ См.: Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. Ленинград, 1984. С. 157.

⁴ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.10.1929 «Об изменениях УПК РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 78. Ст. 756.

⁵ См.: Коврига З. Ф. Дознание в органах милиции. Воронеж, 1964. С. 32.

ны прокуратуры¹, обусловило начало перехода к административной модели и в значительной мере ускорило создание следственного аппарата в системе Министерства охраны общественного порядка (в настоящее время – МВД России)².

Изложенное свидетельствует о том, что всегда, когда отмечались значительные нагрузки по расследованию уголовных дел в следственном аппарате одних органов, вставал вопрос о создании новых органов расследования преступлений.

В связи с этим подследственность следователей органов внутренних дел была установлена, в первую очередь, за счет значительного сокращения перечня уголовных дел, расследуемых органами дознания, и путем передачи расследования по отдельным категориям уголовных дел от следователей прокуратуры следователям органов внутренних дел. Так, в 1965 г. к ведению следственных подразделений МООП РСФСР отнесены наиболее сложные дела о хозяйственных преступлениях³, в 1978 г. – о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и с их участием⁴, а с 1 января 1997 г. – о преступлениях, совершенных в экономической сфере⁵.

С момента создания следственного аппарата в системе МООП РСФСР начала формироваться научная позиция⁶ о целесообразности перехода к вневедомственной модели построения следственного аппарата и создания Следственного комитета. Указанные идеи впоследствии нашли свое отражение и в ряде законопроектов 1990 г.: «О Следственном комитете РСФСР», «О статусе следователя», «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» и др., в которых содержались соответствующие разъяснения и представлен механизм формирования вневедомственного Следствен-

¹ См.: *Строгович М.С.* Вопросы уголовного процесса и новая Конституция // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 40–46.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.04.1963 № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.

³ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.12.1965 «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.04.1978 «О внесении изменений в статью 126 УПК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>.

⁵ О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР и ИТК РСФСР в связи с принятием УК РФ: Федеральный закон от 21.12.1996 № 160-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5881.

⁶ См.: *Стремовский В.А.* Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д. 1966. С. 52-72; *Трубин Н.С.* Прокуратура должна заниматься своим делом // Социалистическая законность. 1991. № 3. С. 8.

ного комитета, подотчетного непосредственно Верховному совету РСФСР в качестве конституционного органа.

Разработанные предложения нашли свою практическую реализацию лишь через 20 лет в ходе реформы 2007 – 2011 гг., закончившейся созданием СК России¹.

Появление нового следственного органа закономерно повлекло за собой отнесение к его подследственности сначала экономических преступлений, затем налоговых и впоследствии тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении них, при сохранении возможности расследования преступлений небольшой и средней тяжести органами предварительного следствия и дознания иных ведомств.

Таким образом, на протяжении всей истории становления и развития следственной власти в России прослеживается закономерная деятельность законодателя по поиску оптимальной модели построения следственных аппаратов. При этом в различные периоды, как и в настоящее время, может наблюдаться существование одновременно нескольких моделей: судебной и прокурорской, прокурорской и административной, сейчас – вневедомственной и административной.

Проведенный анализ целенаправленного постепенного наращивания подследственности СК России позволяет утверждать в основном о достаточно высоком качестве проводимого следователями расследования, что подтверждается как статистическими показателями направленных уголовных дел в суд, низким процентом возвращаемых дел в порядке ст. 221, 237 УПК РФ, числом вынесенных оправдательных приговоров и др., так и социологическими опросами ВЦИОМ, свидетельствующими о том, что жители страны позитивно оценивают деятельность СК России, видят в нем государственный орган, реально защищающий их права², и считают, что его создание позволило эффективнее бороться с коррупцией и другими опасными преступлениями³.

¹ Вопросы Следственного комитета Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27.09.2010 № 1182 // СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 5043.

² А.И. Бастрыкин выступил на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.sledcom.ru/news/item/886789/> (дата обращения: 19.09.2018).

³ Поздравление Александра Бастрыкина в связи со второй годовщиной создания Следственного комитета Российской Федерации // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: <http://sledcom.ru/news/item/518544/> (дата обращения: 19.09.2018).

Следственная власть зарекомендовала себя, по нашему мнению, с положительной стороны, что обусловлено в первую очередь существующими реальными условиями самостоятельности и независимости СК России, отсутствием его принадлежности к какой-либо ветви государственной власти, и подтверждается представленным в статье анализом: 1) становления института подследственности, его трансформации; 2) качества расследуемых следователями СК России уголовных дел, уровня доверия к работе ведомства со стороны граждан; 3) распределения между ведомствами полномочий по расследованию преступных деяний; 3) причин создания новых форм предварительного расследования; 4) процесса реорганизации органов предварительного расследования.

О необходимости закрепления беспристрастности в качестве принципа уголовного процесса

В. В. Печерский,
профессор кафедры,
кандидат юридических наук
(Международный гуманитарно-экономический
институт, г. Минск)
wpecherskiw@tut.by

В статье рассматриваются основания закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве нового принципа, сформулировано содержание принципа беспристрастности.

Принцип уголовного процесса, беспристрастность, последствия нарушения принципа беспристрастности.

Каждый принцип, действующий в рамках уголовного процесса, не только должен провозглашать исходное начало деятельности соответствующих субъектов этого процесса. Он должен с необходимостью иметь свой механизм реализации, включающий в себя не только основания применения, но и соответствующую процессуальную процедуру, а также субъектов, ее осуществляющих, и способ фиксации полученного результата (решение, определение, постановление). Подобный механизм реализации должен существовать и у каждого из общих условий, которые присущи стадиям уголовного процесса и даже отдельным его этапам.

В содержании действующего уголовно-процессуального законодательства мы обнаруживаем наличие механизма реализации самого по себе механизма реализации как такового, который не является способом выражения какого-то определенного принципа, правила или общего условия, провозглашаемого данным законодательством. Речь идет о целой главе действующего уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которой механизм реализации получил достаточно подробную регламентацию, при этом как самостоятельное явление не обнаруживает своего основания. Это глава «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве», имеющая довольно глубокие исторические корни.

В состав субъектов, которым может быть заявлен отвод, включены судья, государственный обвинитель, прокурор, следователь,

дознатель, защитник, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, секретарь судебного заседания, эксперт, специалист, переводчик, понятой. По традиции основания для отвода законодатель сформировал только для судьи, а на остальных участников уголовного процесса эти обстоятельства распространяются в определенной степени. Первое основание отвода содержит нормативный признак, основанный на анализе процессуального статуса судьи – имеет ли он надлежащие полномочия, предоставляемые законом, получил ли он их или уже утратил. Второе, третье и четвертое основания сформированы исходя из формальных отношений: родства с участниками конкретного процесса или предшествующей профессиональной деятельностью в рамках конкретного уголовного дела. Пятое основание, в отличие от четырех предыдущих, имеющих достаточно определенный характер, являет собой динамически неограниченное содержание, позволяющее предполагать существование иных, кроме родственных и профессиональных, интересов судьи. Подобные интересы как раз и призваны обозначить причину, которая объединяет все вышеприведенные обстоятельства, вычленив основание, которое находится в каждом из них. Все они и каждый из них в отдельности направлен на преодоление возможной пристрастности, предвзятости, необъективности со стороны судьи и других участников процесса.

Пристрастие – предвзятость, предубежденность по отношению к кому-нибудь, чему-нибудь. Используя термин «предвзятость», необходимо обозначить его качественные особенности, самым непосредственным образом влияющие на понимание его содержания. Предвзятость может нести в себе диаметрально противоположное значение. Предвзятое отношение может быть предвзято позитивным, а также – предвзято негативным. В первом случае предвзятость основана на предубеждении о том, что одной стороне доверять необходимо, поскольку она права, и ей предоставляется более благоприятный режим деятельности (удовлетворяются ходатайства, остаются незамеченными процессуальные нарушения, тактические ошибки, например в процессе перекрестного допроса, нивелируются уточняющими и даже наводящими вопросами и т. д.). Второй оттенок данной качественной определенности – предубеждение о том, что другой стороне доверять нельзя, ее процессуальная позиция и представляемые доказательства ущербны (страдают пороком относимости, допустимости, достоверности и достаточности). Соответственно представляемые первой стороной доказательства (несмотря на имеющиеся дефекты относимости проч.) кладутся в основу принимаемого решения как заслуживающие доверия, а доказательства второй

стороны – частично либо полностью отвергаются как страдающие недостатками (реальными или надуманными).

Пристрастность к позиции одной стороны, по мнению законодателя, безусловно, вызывается наличием родственных отношений. Родственный характер отношений не имеет абсолютно четкой определенности, поскольку существует несколько разновидностей (степеней) родства, устанавливаемых гражданским и семейным законодательством. Главной проблемой при применении данных обстоятельств является наличие информационного обеспечения у сторон процесса. К примеру, дочь судьи при вступлении в брак избрала фамилию супруга. Она или ее муж, или близкие родственники ее мужа являются стороной спора, рассматриваемого данным судьей. Каким образом другая сторона процесса сможет получить информацию о существовании обстоятельств, исключающих возможность участия судьи в рассматриваемом процессе?

Пристрастность при рассмотрении уголовного дела по решению законодателя диктуется и прежней профессиональной деятельностью лица в конкретном уголовном деле в различном процессуальном статусе. Данный факт может быть выявлен, когда в материалах дела обнаруживаются документы, составленные данным лицом, занимавшим в различное время определенную процессуальную должность и процессуальную позицию.

Поиск информационного обеспечения подобных обстоятельств является затруднительным для сторон процесса, в связи с чем для предотвращения насыщения процесса сомнительными домыслами, разрешение данного противоречия может быть предложено в виде подписки участников процесса о том, что их участию в конкретном уголовном деле не препятствуют обстоятельства, перечисленные в УПК. Соккрытие данных обстоятельств со стороны дознавателя, следователя, прокурора, судьи и государственного обвинителя должно влечь безусловную отмену состоявшихся решений по делу и привлечению должностного лица к ответственности. Поэтому должно презюмироваться не только доверие участников процесса к суду, к государственному обвинителю, к лицу, производящему предварительное расследование и надзирающему за его ходом прокурору. Сами эти органы и должностные лица, принимающие участие в расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела, должны предварительно взять на себя обязательство осуществлять свою профессиональную деятельность безо всякого пристрастия, предвзятости, лично подтвердить отсутствие обстоятельств, исключающих их участие в уголовном деле.

Наряду с этими причинами отвода закон указывает и на иные обстоятельства, не зависящие ни от степени родства с участниками, ни от уровня профессионального участия в уголовном деле. Особые обстоятельства имеют личный характер и вызывают прямое или косвенное пристрастие к процессу рассмотрения уголовного дела и к принимаемому промежуточному или итоговому решению.

Следует отметить, что, определяя обстоятельства, вызывающие пристрастность к процессу предварительного расследования или судебного рассмотрения уголовного дела, законодатель ограничился их той совокупностью, которая вызывает это качественное свойство перед началом расследования или судебного рассмотрения. Вместе с тем пристрастность возникает не только в связи с родственными, профессиональными, а также личными интересами перед процессом, ее наличие может проявляться в практической деятельности участника уголовного процесса.

Таким образом, и после проверки на легитимность и доверие следователю, прокурору, суду, нельзя исключать проявление пристрастности к сторонам уголовного процесса, а также у сторон процесса к другим участникам процесса.

Необходима разработка четких критериев, позволяющих заявлять отводы следователю, прокурору, суду, государственному обвинителю в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела. Наиболее очевидными представляются грубое, а также систематическое нарушение прав сторон процесса, подтвержденное содержанием процессуальных решений, протоколов следственных действий и судебного заседания. К такому же основанию должно быть отнесено внепроцессуальное общение судей со стороной обвинения или защиты. В юридической литературе не раз поднимался вопрос о внесении дополнительных оснований для заявления отвода составу суда. В частности, предлагались дополнения по следующим основаниям – предвзятое отношение судьи к обвиняемому, предубежденность в его виновности или невиновности, формирование окончательного убеждения по делу до удаления суда на совещание для вынесения приговора.

Формирование содержания принципа беспристрастности начато самим законодателем. Но сам принцип как исходное начало и фундаментальное отношение отсутствует, хотя фактически и юридически применяется длительное время не только в деятельности суда, но и в деятельности органа уголовного преследования. Положения беспристрастного отношения к выполнению своих полномочий применимы к участникам уголовного процесса, защищаемым представляемым права и интересы, а также иным участникам

уголовного процесса (понятым, свидетелям, специалистам, переводчикам, экспертам).

Содержание принципа беспристрастности может быть определено в следующем виде: «Суд, орган уголовного преследования, участники уголовного процесса, защищающие представляемые права и интересы, и иные участники при производстве по материалам и уголовному делу обязаны сохранять беспристрастность. Нарушение данного требования недопустимо и влечет установленную законом ответственность и признание результатов проведенных процессуальных действий и решений не имеющими юридической силы».

Закрепление в законодательстве принципа беспристрастности позволит устранить обозначенный пробел уголовного процесса, послужит импульсом для выработки профессиональных правил деятельности не только судей, но и других профессиональных участников уголовного процесса – прокуроров, следователей, дознавателей, специалистов, экспертов и т. д.

Для юристов или народа написан УПК?

А. В. Победкин,

*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России)
arobedkin71@mail.ru*

В статье одной из причин проблем в уголовном судопроизводстве называется отстраненность народа от уголовного судопроизводства, недоступность ему содержания процессуального закона.

Уголовное судопроизводство, отстраненность народа, процессуальный закон, недоступность, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Вот стихи, а все понятно. Все на русском языке.

А. Т. Твардовский

С момента вступления в силу действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) прошло достаточно времени, чтобы понять: дальнейшее его «совершенствование», быстротой которого обеспокоен даже Президент страны¹, не приведет к желаемым результатам. УПК не обеспечит режим законности, не исключит массовых нарушений, не позволит устанавливать истину по большинству уголовных дел, не спасет от насилия участников судопроизводства. Проблема УПК – не в его пробельности, она системна, и, как это ни странно, прежде всего языковая.

Приоритет в системном выявлении лингвологических проблем УПК без колебаний следует отдать профессору Николаю Евгеньевичу Павлову, занимавшего на этапе смены уголовно-процессуального закона должность профессора кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России. Н. Е. Павлов выдвинул перспективную, но так и никем не развитую идею о необходимости привести уголовно-процессуальный закон в строго выдержанное логическое и лингвистическое состояние на основе предварительного изучения его именно с этой точки зрения.

¹ Рос. газ. 2016. 7 декабря.

Сегодня острота проблем, поднятых профессором Н. Е. Павловым, едва ли не ежемесячно возрастает в геометрической прогрессии. С каждым новым изменением УПК продолжает утрачивать логику и внутренние связи. Это яркий индикатор отношения государства к отрасли уголовно-процессуального права, которая в ряду других отраслей права требует почти сакрального к себе отношения, поскольку представляет собой инструмент генетически несвойственный для использования людьми – судить (губить, спасать, возрождать, угнетать – все это кроется за привычным «судить»). Кроме того, что УПК, пытаясь угнаться за неквалифицированным правоприменителем, превращается в набор инструктивных положений, ошибки логического и лингвистического плана расшатывают правоприменительную практику, дезориентируют и развращают правоприменителя.

Бессмысленность ряда формулировок, уже ставших штампами («уголовное дело» – которое само по себе не что иное, как преступление, «порядок уголовного судопроизводства» – явная тавтология¹ и т. д.) выглядят уже безобидными традиционными неточностями.

Досадны, характеризуют уровень законодательной техники многочисленные лингвистические огрехи: употребление слов в неточном смысловом значении, тавтологичность («изымаются документы, изъятые из обращения», «документы хранятся в течение всего срока его хранения» и др.), неоправданные длинноты и др.²

Законодатель допускает и элементарные нелепости. Содержание ст. 5 УПК, которая должна содержать логическую форму (понятия) основных сущностей уголовного судопроизводства, задачу свою явно не выполняет.

В ней содержатся понятия, которые в УПК не встречаются ни разу (п. 14.1 – контроль телефонных и иных переговоров³), зато нет разъяснения одного из самых распространенных терминов, используемых в УПК, – следственные действия⁴ или, к примеру,

¹ См. об этом: *Павлов Н. Е.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (опыт лингвологического анализа) // *Досудебное производство: проблемы и перспективы: материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* / под ред. А. В. Ендольцевой; О. В. Химичевой. М., 2007. С. 4–6.

² *Марфицин П. Г.* Некоторые аспекты совершенствования языка уголовно-процессуального закона // *Вестник Омской юридической академии.* 2015. № 1. (26). С. 58–62.

³ В лучшем случае речь идет о контроле и записи телефонных и иных переговоров или о контроле и записи переговоров.

⁴ В результате чего таковым уже именуется реализация, утилизация или уничтожение вещественных доказательств (ч. 31 ст. 165 УПК).

«орган предварительного расследования», «следственные органы»¹. Некоторые понятия, обозначенные в ст. 5 (например, неотложные следственные действия), используются по тексту и в других смыслах, определение розыскных мер (п. 38 ст. 5 УПК) никак не позволяет соотносить их со следственными действиями и, к тому же, в тексте УПК перемежается с термином «розыскные действия». Понятие «законные представители» явно не охватывает лиц, участвующих под таким термином в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера. Посчитав нужным раскрыть понятие «педагог» (п. 62 ст. 5 УПК), законодатель почему-то остался глух к потребности определить такого участника как «психолог».

Запрещая использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, если они не преобразованы в доказательства (ст. 89 УПК), законодатель многократно смешивает оперативно-розыскную и процессуальную деятельность и к месту и не к месту употребляет в УПК неопределенные в нем термины – «оперативно-розыскные мероприятия», «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», «полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». На уровне законодателя (п. 24 ст. 5 УПК) признано, что органы дознания – государственные органы и должностные лица, наделенные правом осуществлять именно процессуальную деятельность. До каких же пор УПК будет требовать давать поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий органу дознания, а не подразделению, наделенному соответствующими полномочиями законодательством об оперативно-розыскной деятельности. С подозреваемым также встречается не сотрудник органа дознания (ч. 2 ст. 95 УПК), а оперативный сотрудник.

Дошло до того, что результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства прямо отождествляются в п. 21 ч. 2 ст. 75 УПК, согласно которому предметы, документы и сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности и следственных действий (!), являются недопустимыми доказательствами. Еще печальнее – использование уголовно-процессуальных средств для удовлетворения нужд оперативно-розыскной деятельности. Так, ч. 3 ст. 144 УПК предусматривает в качестве основания для продления процессуального (!) срока – необходимость производства опе-

¹ В результате не ясно, от кого, например, прокурор требует устранения нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК), может ли уголовное дело находиться в производстве следственного органа (п. 21 ч. 1 ст. 39 УПК).

ративно-розыскных мероприятий. Примеры смешения оперативно-розыскной и процессуальной деятельности можно продолжать (ч. 7 ст. 164, ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 223.2 УПК).

Язык закона пожирает сам закон, как революция своих детей. Он меняет смысл процессуальных норм, дух закона, превращает уголовный процесс из средства, обеспечивающего достижение истины, права и законные интересы человека, в непонятную для него и страшную машину, с которой, увы, если попал в нее, самому не справиться.

Между тем, уважать государство, его должностных лиц народ может только тогда, когда понимает реализуемые идеи, принимает их и сам участвует в их реализации.

Уголовно-процессуальный закон должен быть справедлив не только по существу (по этому поводу есть большие сомнения¹), но и не вызывать в этом никаких сомнений у тех, для кого он написан – у народа.

К сожалению, законодатель уже не ориентируется на основного адресата законов – народ. Заметим, что именно для него издавались и всегда будут (как минимум, должны) издаваться законы. Дело не в том, что значительная часть правил поведения адресована субъектам, в качестве которых основная масса населения страны никогда не станет участником конкретного правоотношения. Это конкретное правоотношение, тем не менее, может прямо или косвенно оказать жесткое влияние на жизнь как общества в целом, так и каждого его конкретного члена. Для уголовного процесса, имеющего основной функцией публичность, этот тезис доказательств не требует.

Уголовно-процессуальный закон должен быть понятен народу как на самом абстрактном уровне, так и на глубинно-конкретном.

Дух закона, смысл его содержания не может не проистекать из принципов уголовного процесса, принимаемых народом и понятных ему. Может быть стоит отказаться от бесплодных попыток раскрыть содержание принципа в конкретной статье², а проследить, чтобы они выдерживались в каждом уголовно-процессуальном институте³. Принципы же обозначить простыми и понятными словами: справедливость, истина, человеколюбие,

¹ См., например: *Васильев О.Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... докт. юрид. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2018.

² *Тихомирова В.В.* Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 172–173.

³ Чего не скажешь сегодня о законности, презумпции невиновности, свободе оценки доказательств и некоторых других принципах.

милосердие, раскаяние, честность, совесть, правда, долг, служение, ответственность за человека¹. Интересные варианты предлагает О.Л. Васильев: запрет на волокиту, недопустимость нарушения закона, отказ от внесудебной расправы, объективность судей, человеколюбие, экстраординарность ограничения свободы личности и вторжения в личную жизнь, гарантии права на защиту, обязательность реагирования на преступление, справедливость (ст. 73)². Многие из сегодняшних «принципов» не могут претендовать на роль принципов не только в связи с их откровенно юридическим регулятивным характером, но и по причине неспособности поднять содержание уголовно-процессуального права до уровня российских духовных ценностей, заставляющих каждого, кто читает УПК, проникаться духом гордости за собственную страну, ощущением причастности к великому нравственному процессу.

Идеи, проистекающие из традиционных духовно-нравственных ценностей народа, понятны каждому. Их не нужно запутывать юридическими конструкциями, сложными даже для подготовленных юристов. Все должны ясно понимать, на каких ценностях основан уголовный процесс и какие ожидания способен оправдывать.

Важно прямо записать в УПК, что все должностные лица в стране, в том числе осуществляющие уголовный процесс, привлекаются к уголовной ответственности (при наличии на то оснований) ровно по тем же правилам, которые применяются в отношении каждого гражданина страны. Это был бы поступок замполита, поднимающего в бой бойцов, во многом способный объединить народ и власть, хотя бы в части уголовного судопроизводства.

Сегодня неизбежность особого порядка уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц выглядит особенно странно на фоне повального упрощенчества. Если в отношении этих «отдельных категорий» справедливость не способны обеспечить даже обычные судебные процедуры, то как же ее можно обеспечить в отношении простых граждан в процедурах упрощенных, которые уже давно ближе к административным, чем к процессуальным.

Уголовно-процессуальный закон следует сделать понятным для народа, который должен и без квалифицированных юристов понимать, что происходит в уголовном процессе, как защитить свои права. Способы же их защиты должны быть максимально упроще-

¹ А. Эйнштейн, полагавший, что капитализм изувечил человека, считал «чувство ответственности за человека» одним из самых важных, подлежащих воспитанию; *Алфев Ж. И все-таки, почему социализм?* // Рос. газ. 2018. 3 октября.

² *Васильев О.Л. Нравственные начала уголовного процесса* // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 112.

ны. Нужно вернуться к свободе апелляционного и кассационного обжалования, допустить в кассационном порядке проверку не только формы, но и существа приговора, отказаться от формальных требований к соответствующим жалобам, включая заявление по уголовным делам частного обвинения.

УПК следует полностью переписать, ориентируясь на нормальный, понятный людям, а не только отдельным юристам, язык. Недаром в ст. 9 Директивы Европейского союза «О доступе адвоката в уголовном процессе» одним из условий отказа от права на адвоката предусмотрено разъяснение подозреваемому или обвиняемому права на юридическую помощь в письменной или устной форме на простом и понятном ему языке. Так почему же закон нужно писать иначе? Великий философ сказал, что закон должен быть краток, чтобы быть доступным каждому.

Что, кроме иронии, может вызвать, например, формулировка ч. 1 ст. 106 УПК, определяющая понятие залога: «Залог состоит во внесении или передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного разбирательства – в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу». «Внесение» или «передача» в орган, в производстве которого находится уголовное дело, недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей, акций и облигаций – терминология в условиях широкой антикоррупционной практики явно неудачная.

Фактически бессмысленной выглядит, например, формулировка, заложенная в п. 2 ч. 6 ст. 2267 УПК: обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела вправе заявить ходатайство «о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления». Если доказательства собраны в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненно-

го им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления, о каких пробелах в доказательствах речь? Какой смысл в заявлении и рассмотрении ходатайств о восполнении таких «пробелов»? Вот уж поистине: запутать, чтобы скрыть истинный смысл: никаких ходатайств заявлять не надо, все, включая виновность, уже предрешено.

Верно, что «закон, который могут понимать только профессионалы, не вызывает доверия у граждан»¹, а значит доверия не вызывает и деятельность, которая им регламентирована.

Мало того, верным средством, обеспечивающим народную веру в уголовный процесс, является участие в нем самого народа (расширение форм участия граждан в осуществлении правосудия, возвращение института общественных обвинителей и общественных защитников, выездные судебные заседания, широкие онлайн трансляции судебных заседаний, участие общественности в выборах судей, а может и следователей, функция которых гораздо ближе к функции юстиции, чем к уголовному преследованию).

Уголовно-процессуальный закон, понятный и близкий народу, должен его одухотворять, воодушевлять и воспитывать.

¹ *Хаванский Н.А.* Нужен Закон о нормативных актах // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 27; Цит. по: *Бобракова И.С.* Терминология уголовно-процессуального права как элемент оптимального правотворчества // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 101.

К вопросу обеспечения реализации прав несовершеннолетних, совершивших преступление (уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты)

Е. В. Прысь,

*профессор, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук
(Институт Академии ФСИН России)*

А. В. Евдокимова,

*старший помощник руководителя
(СУ СК РФ по Рязанской области)*

В статье анализируется современный опыт обеспечения прав и свобод несовершеннолетних, совершивших преступления. Вывод: опыт позволяет авторам выработать и предложить ряд рекомендаций по разработке комплексной программы по защите прав и свобод несовершеннолетних с точки зрения предупреждения совершения преступлений.

*Реализация прав, несовершеннолетние, преступление, аспекты,
Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, профилактика,
Уголовный кодекс Российской Федерации.*

В процессе расследования преступлений и отбывания наказания, равно как и при вынесении судебного решения, несовершеннолетним правонарушителям оказываются следующие виды социальной помощи: психологическая, юридическая и педагогическая¹. Данное требование вытекает из положения Конституции РФ (1993), целевой программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 19.09.1997, иных нормативных актов, в том числе регионального характера, регламентирующих вопросы обеспечения реализации прав и свобод несовершеннолетних, совершивших преступления.

¹ Бурыгина О. В., Гришко А. Я., Фролова А. Ю. Оказание помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, социальными службами // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Обеспечение реализации прав граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, на примере Рязанской области». Рязань. 24–26 февраля 2015 г. С. 98.

Здесь немаловажное значение в защите прав несовершеннолетних играет работа института органов опеки и попечительства (5 %). Это весьма сильный рычаг поддержки несовершеннолетних, поскольку ввиду жизненных ситуаций, например наличие у родителей заболеваний, препятствующих участию их в уголовном деле, отдаленность их места проживания, пребывание родителей в местах лишения свободы, они не могут участвовать в уголовном процессе. В таких случаях несовершеннолетний, совершивший преступление, обеспечивается двойным представительством: защитником – адвокатом и защитником – законным представителем. И несмотря на то, что у большинства законных представителей отсутствуют специальные знания, по результатам опроса родителей их участие в судебном процессе обязательно (64,1%).

Наряду с законным представителем, как было указано выше, на всех стадиях уголовного судопроизводства принимает участие адвокат. С одной стороны, это неоспоримо положительное обстоятельство, поскольку на всех стадиях судопроизводства работает профессионал. Но, как известно, около 80 % несовершеннолетних преступников относятся к недостаточно обеспеченной части населения, поэтому можно рассчитывать лишь на бесперспективного либо на еще неопытного адвоката, поскольку в общепризнанном понимании хороший адвокат не заинтересован в сопровождении такого дела и ограничивается лишь формальным участием в деле.

Поэтому, как нам представляется, сопровождением несовершеннолетнего, совершившего преступление, должны заниматься специальные адвокаты, имеющие достаточный стаж работы в соответствующей сфере деятельности. Сегодня в большинстве европейских стран работают «адвокаты по делам подростков». Так было в XIX и начале XX в. в России. К сожалению, институт адвокатов по делам несовершеннолетних прекратил свое существование в первые дни Советской власти.

Думаю, что следует поддержать предложения, которые, кстати, высказываются не только на научных форумах или в сфере деятельности практиков, но и среди родителей несовершеннолетних, равно как и отдельных представителей детских учреждений, о том, что следует создать ювенальные адвокатские палаты, которые должны финансироваться государством. Это станет, несомненно, весомым вкладом в реализацию конституционного принципа защиты прав и свобод несовершеннолетних, совершивших преступления. А пока несовершеннолетний в нашей стране, к сожалению, не достаточно защищен. Поскольку права и обязанности перед родителями, школой, обществом и т. д. отрегулированы не в

полной мере. А попытка протащить в проект федерального закона «Основы ювенальной юстиции России» как опыт западных стран справедливо встречается «в штыхы». Вместе с тем, действующие законы о семье, касающиеся несовершеннолетних, не удовлетворяют потребностям сегодняшнего дня, поскольку они не отвечают на вопросы, поставленные самой жизнью. Проблемы прав и свобод несовершеннолетних, совершивших преступления, находятся, к сожалению, еще в большем тупике, нежели неразрешенные проблемы законопослушных подростков, которых к счастью большинство. Они в силу разных обстоятельств более успешно справляются не только с пока имеющимися трудностями правового характера, но и с проблемами социально-экономического характера, которые в достаточной степени имеются в нашей стране. Здесь нельзя не согласиться с Ю.М. Антоняном, который справедливо замечает: «Любые негативные явления и процессы экономического, идеологического, демографического характера, происходящие в обществе, болезненно отражаются на наиболее незащищенной части населения – на детях и подростках»¹.

На примере работы Следственного Управления СК России по Рязанской области можно проследить реализацию вопроса по защите прав несовершеннолетних с точки зрения предупреждения их преступлений. Раскрытие и расследование преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности не исчерпывают обязанностей органов предварительного следствия. Закон возлагает на них и специальные обязанности по предупреждению криминала. В частности, ст. 10 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предусматривает, что следственные органы Следственного комитета Российской Федерации осуществляют профилактику правонарушений в пределах полномочий, предусмотренных названным законом, Федеральным законом от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и другими федеральными законами.

Председатель Следственного комитета Бастрыкин А. И. также отмечает профилактику преступлений в качестве основных задач, стоящих перед следственными органами наряду с оперативным и качественным расследованием уголовных дел. При этом особое значение придается профилактике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

¹ Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2014. С. 22.

В этой связи обеспечение прав и свобод несовершеннолетних, работа по противодействию преступлениям, совершенным несовершеннолетними и в отношении них, остается одним из приоритетных направлений деятельности следственного управления СК России по Рязанской области. Профилактика преступлений среди несовершеннолетних носит комплексный подход, предусматривающий не только выявление по каждому уголовному делу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и внесение представлений в порядке ст. 158 УПК РФ, но и проведение на системной основе разъяснительной работы в образовательных учреждениях, информирование населения о состоянии преступности, об итогах расследования преступлений указанной категории и результатов рассмотрения уголовных дел в суде. В образовательных учреждениях сотрудниками следственного управления и межрайонных следственных отделов проводятся мероприятия в виде лекций и правовых часов по разъяснению законодательства об уголовной и административной ответственности несовершеннолетних и родителей, законных представителей. Особое внимание уделяется тем учебным заведениям, учащиеся которых совершали преступления и правонарушения.

Тесное взаимодействие со средствами массовой информации позволяет формировать у граждан особое отношение к возникающим проблемам, в том числе связанных с повсеместной доступностью интернет-технологий, о пагубных последствиях употребления алкоголя, наркотических и психотропных веществ. Следует отметить, что любая информация размещается строго в соответствии с действующим законодательством о несовершеннолетних, при соблюдении норм морали и этики.

В 2017 г. следственными подразделениями в порядке ст. 158 УПК РФ внесено 41 представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений (в 2016 г. АППГ – 65).

Принимаемые следственным управлением меры профилактического характера дают положительные результаты. В 2018 г. по сравнению с предшествующим годом со 110 до 94 (или на 14,5 %) уменьшилось количество находившихся в производстве уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Значительную часть данных преступлений составляют кражи и грабежи (51), а также преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств (16).

Отмеченные тенденции сокращения числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, характерны в целом для

данного вида преступности. В 2018 г. число преступлений, совершенных несовершеннолетними в Рязанской области, сократилось на 49,6 % – с 254 до 128, в том числе тяжких и особо тяжких – с 48 до 39, в ночное время – со 161 до 79, на улице – с 94 до 35.

В соответствии с указанием руководителя следственного управления от 30.12.2015 № 83/216 «О порядке рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении них» на следователей возложена обязанность безотлагательного информирования соответствующих государственных и муниципальных органов обо всех выявленных в ходе расследования уголовных дел фактов пребывания несовершеннолетних в условиях, негативно влияющих на их развитие, физическое и психическое состояние, безопасность детей, а также иных нарушениях прав несовершеннолетних, недостатках при их воспитании, в необходимых случаях инициировать решение компетентными органами вопроса об обращении в суд с заявлением о лишении родительских прав. Указаниями также предусмотрена обязательность дачи правовой оценки деятельности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в случаях бездействия указанных должностных лиц по ограждению и изъятию несовершеннолетних из социально опасной среды.

По инициативе следственных подразделений компетентными органами принимались меры реагирования в виде постановки несовершеннолетнего на учет в органы ПДН, отмены опекунов и ограничения родительских прав.

На официальном сайте следственного управления размещены специально разработанные информационно-разъяснительные памятки для населения, адресованные в первую очередь родителям и их детям, в которых акцентируется внимание на соблюдении необходимых мер предосторожности, позволяющих избежать противоправных посягательств.

Должностными лицами следственного управления осуществляется ежедневный мониторинг средств массовой информации, включая сеть Интернет, с целью выявления печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов и информационных ресурсов, содержащих сведения о совершении преступлений среди несовершеннолетних.

Вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних и самими несовершеннолетними, неоднократно являлись предметом обсуждения оперативных сове-

щений, коллегии следственного управления и координационного совещания руководителей правоохранительных органов области. Особое внимание уделяется организации взаимодействия с органами и учреждениями системы профилактики, на системной основе осуществляется обмен информацией и анализ результатов совместной служебной деятельности.

Следственное управление является постоянным участником проводимых в регионе межведомственных и научных конференций, круглых столов, встреч с общественностью и представителями средств массовой информации, в том числе направленных на укрепление семейных ценностей и традиций, обеспечение прав детей на полноценное физическое и нравственное развитие, недопущение жестокого обращения и иного насилия в отношении детей.

Сотрудники управления входят в состав Экспертного совета при Уполномоченном по правам ребенка в Рязанской области, участвуют в работе Комиссии по делам несовершеннолетних, на заседаниях которых обсуждаются актуальные вопросы.

Постоянно проводится работа по поиску и внедрению в практическую деятельность новых упреждающих форм и методов осуществления профилактической деятельности. Одной из таких форм является обсуждение проблемных и актуальных вопросов с привлечением представителей органов власти и общественности, примером чего является деятельность созданных при следственном управлении Общественного и Консультативного советов, куда входят представители исполнительной власти, общественных организаций, юридических вузов, творческой интеллигенции, духовенства и предпринимательства. На их регулярных заседаниях с привлечением соответствующих специалистов и должностных лиц профильных министерств и ведомств обсуждаются значимые и актуальные для следственного управления и региона вопросы, в том числе вопросы оказания помощи несовершеннолетним, профилактике суицидов среди несовершеннолетних, безопасного отдыха детей, защита прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и т. д.

Сотрудники следственных подразделений наиболее часто взаимодействуют с подразделениями профилактики правонарушений несовершеннолетних территориальных подразделений МВД России. В рамках оперативных совещаний и рабочих встреч обсуждаются ход и результаты расследования конкретных уголовных дел, анализируются причины совершения преступлений и вопросы профилактики. Данная форма взаимодействия позволяет своевременно

реагировать на изменение следственной ситуации и определять способы решения возникающих проблем.

Следственным управлением и территориальными органами МВД России проводится работа по вовлечению в профилактическую деятельность волонтерских организаций, студенческих коллективов, их участие в шефской помощи образовательным и социальным учреждениям для несовершеннолетних. С л е д у е т отметить, что сотрудники правоохранительных органов управления сами участвуют в шефской деятельности и оказывают помощь детским образовательным и медицинским учреждениям области. На систематической основе сотрудниками правоохранительных органов осуществляются выезды в образовательные учреждения для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, где проводятся совместные профилактические мероприятия по предупреждению преступлений, а также лекции, направленные на формирование у учащихся законопослушного образа жизни и создания атмосферы нетерпимости к противоправному поведению, соблюдение мер безопасности во время школьных каникул.

В целях немедленного реагирования на обращения по вопросам защиты прав несовершеннолетних во всех подразделениях правоохранительных органов организована работа круглосуточной телефонной линии «Ребенок в опасности». Работа телефона «Ребенок в опасности» осуществляется в круглосуточном режиме и является дополнительным средством прямой связи граждан с правоохранительными органами для сообщения информации о готовящихся, совершаемых либо совершенных преступлениях.

Деятельность по совершенствованию работы правоохранительных органов в данном приоритетном направлении продолжается, и сегодня можно с уверенностью сказать, что она в полной мере решает проблему обеспечения прав несовершеннолетних, в том числе и совершаемых преступления.

Законный представитель и его роль в обеспечении прав несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого

Е. Ю. Самолаева,
доцент кафедры,
кандидат юридических наук
(Московский университет МВД России
им. В.Я. Кикотя)
samolaeva@mail.ru

Статья рассматривает вопросы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в производстве расследования по уголовному делу.

Законный представитель, несовершеннолетний подозреваемый и обвиняемый.

Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых является важной задачей органов, осуществляющих расследование по уголовному делу. Прежде всего это связано с особенностью категории лиц, вовлекаемых в уголовно-правовые отношения.

Согласно статистическим данным количество несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности, ежегодно составляет 4–5 %. В 2017 г. оно составило 4,4 % (42 504 человек)¹.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству законный представитель привлекается к участию в уголовном деле по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в порядке ст. 426 и 428 УПК РФ (ст. 48 УПК РФ).

К лицам, которые согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ могут выступать в качестве законных представителей, отнесен достаточно узкий круг лиц. Несовершеннолетние, привлекаемые к уголовной ответственности, часто имеют неполную семью или родителей, которых органы расследования отказываются признавать законными предста-

¹ Статистические данные МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации за 2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 23.08.2018).

вителями¹. Если строго следовать вышеуказанной норме, то иные родственники несовершеннолетнего (тети, бабушки), не являющиеся его опекунами или попечителями, роль законного представителя выполнять не могут. В этом случае в качестве законного представителя должны привлекаться органы опеки и попечительства, то есть, как правило, посторонние для несовершеннолетнего люди. Такая ситуация не удобна правоприменителям и не способствует соблюдению интересов несовершеннолетних.

Исследователи данного вопроса сходятся во мнении, что в качестве законных представителей несовершеннолетнего следует привлекать его близких родственников, определенных в п. 4 ст. 5 УПК РФ². О целесообразности такого подхода свидетельствует и практика, которая в случае неотложности производства следственных действий допускает в качестве законных представителей лиц из числа близких родственников (бабушек, дедушек несовершеннолетнего)³. Кроме того, в самом УПК РФ содержится норма, указывающая на такую возможность (при определенных условиях). Так, ст. 437 УПК РФ, определяющая порядок участия лица, в отношении которого ведется производство применения принудительных мер медицинского характера, предусматривает участие близких родственников в качестве законных представителей.

На этом основании делаем вывод о том, что назрела необходимость законодательного расширения круга лиц, которых можно привлекать в качестве законного представителя несовершеннолетнего. В то же время считаем, что необходимо индивидуально подходить к выбору законного представителя, учитывая мнение несовершеннолетнего, отдавая предпочтение близким ему людям, а представителей опеки привлекать в исключительных случаях, когда иных близких несовершеннолетнему людей не установят. Это будет способствовать соблюдению прав и интересов несовершеннолетнего.

Считаем необходимым законодательное закрепление цели участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемо-

¹ Чаплыгина В. Н., Калюжный А. Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. М., 2016. С. 400.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С. 106.

³ Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы по делу № 1-199/2015 по ч. 2 ст. 150, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://rospravosudie.com/court-cheremushkinskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-486966956/> (дата обращения: 06.05.2018).

го и обвиняемого в уголовном деле. В ст. 48 УПК РФ дано только указание на их обязательное участие.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ место законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 48 УПК РФ) определено среди участников уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7). Важно указать, что законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) выполняет роль гаранта прав несовершеннолетнего в ходе досудебного производства по уголовному делу и в судебном заседании наряду с обязательным участием защитника¹. Его роль – представление законных прав и интересов лица, которое в силу своего возраста не может самостоятельно их реализовывать. Наиболее удачным выходом нам представляется законодательное закрепление определения понятия законного представителя, в котором была бы отражена данная цель его участия в уголовном деле.

Указание цели участия законного представителя несовершеннолетнего будет способствовать выработке предъявляемых к ним требований, которые в нынешнем УПК РФ также законодательно не определены. УПК РФ предусматривает только условия, при которых полномочия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) должны быть прекращены: если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ч. 4 ст. 426 УПК РФ). При этом содержание действий, наносящих ущерб несовершеннолетнему при участии его в качестве законного представителя, в законе не разъяснены. Не предусмотрена и ситуация отказа в наделении данным процессуальным статусом лица, заявившего такое ходатайство, когда у следователя (дознателя) есть основания полагать, что он может нанести ущерб интересам несовершеннолетнего. На практике это разрешается применением той же нормы, то есть ч. 4 ст. 426 УПК РФ и является вынужденной мерой.

Таким образом, отсутствие критериев, определяющих требования к законным представителям несовершеннолетних, не позволяет однозначно определить, какое лицо может выступать в данной роли, затрудняет обоснование решения о его недопуске к участию в уголовном деле.

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Юрайт, 2014. С. 932.

В научной сфере роль и правовой статус законного представителя обвиняемого и подозреваемого также активно обсуждаются. В частности, предлагается наделить законного представителя определенным иммунитетом (как адвокатская тайна или тайна исповеди); ввести запрет на разглашение данных предварительного расследования, ставшие ему известными в ходе производства по делу; установить, что законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) обязан защищать права и интересы несовершеннолетнего¹.

Не все предложения могут быть реализованы на современном этапе, однако они отражают стремление их авторов четко определить процессуальный статус и расширить полномочия законного представителя, выделив его как самостоятельного участника уголовно-правовых отношений и наделив его полномочиями своего рода защитника-представителя несовершеннолетнего.

Мы также считаем важным закрепить не только права, но и обязанности законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В настоящее время они носят неконкретный характер и требуют от правоприменителя анализа ряда норм УПК РФ для их выявления (например, обеспечить явку вызываемого несовершеннолетнего (ст. 424 УПК РФ); действовать в интересах представляемого им лица (ч. 4 ст. 426 УПК РФ); своевременно являться по вызову следователя, дознавателя для участия в производстве следственных действий, проводимых с несовершеннолетним (ч. 2 ст. 426 УПК РФ)). В то же время для реализации данного положения потребуется существенная законодательная переработка ряда норм УПК РФ.

Основание прекращения полномочий законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в связи достижением им 18-ти лет в период производства по уголовному делу в законе также не предусмотрено. Оно следует из общих правил применения норм УПК РФ.

Пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности несовершеннолетних»² разъясняется, что полномочия законного представителя несовершеннолетнего лица, возраст которого на момент рассмотрения дела в суде достигло совершеннолетия,

¹ Луцкая Т.А. Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе // Вектор Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 51.

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

прекращаются. Как правило, следственная практика руководствуется положениями вышеуказанного Пленума Верховного Суда РФ в случаях достижения в ходе предварительного расследования возраста совершеннолетия подозреваемым (обвиняемым).

Исходя из понимания ч. 1 ст. 420 УПК РФ, полагаем, что в случаях достижения лицом совершеннолетия «к моменту производства соответствующих процессуальных действий» применение специальных правил гл. 50 УПК РФ также допустимо. Данной нормой закреплено, что положения гл. 50 УПК РФ применяются по уголовным делам в отношении лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста не на момент расследования уголовного дела или судебного разбирательства, а на момент совершения преступления, и предельный возраст применения данных норм законом не установлен. Правда, ряд правил при достижении восемнадцатилетнего и более старшего возраста уже утратит свой смысл в ходе предварительного расследования (вызов на допрос, выделение уголовного дела в отдельное производство и др.). Но такие процессуальные действия, как ознакомление с материалами уголовного дела, допрос или (с разрешения следователя) иные следственные действия (а также реализация иных полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 246 УПК РФ), могут быть осуществлены с участием лица, признанного в ходе предварительного следствия законным представителем, и нарушением законодательства признаваться не должны. Также следует отметить, что вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда РФ пусть и в исключительных случаях (с учетом характера совершенного деяния и его личности), но все же допускает продление полномочий законного представителя на лиц в возрасте до 20 лет (ст. 96 УК РФ).

Основываясь на вышеизложенном, заключаем следующее.

1. Необходимо определить цель участия законного представителя несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве, обозначив ее в ст. 48 УПК РФ.

2. Следует расширить круг лиц, которые могут быть представлены в качестве законного представителя несовершеннолетнего, с их указанием в п. 12 ст. 5 УПК РФ. Для этого предлагается рассмотреть отдельные категории родственников из числа указанных в п. 4 ст. 5 УПК РФ «близких родственников» и п. 3 ст. 5 УПК РФ «близких лиц» несовершеннолетнего.

3. Допустимо продление полномочий «законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого)» лица, признанного таковым в ходе расследования уголовного дела, если в ходе производства по делу несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) достиг восемнадцатилетнего возраста.

Особенности взаимодействия следователя и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации

О. В. Сафронкина,

специалист ООВХиВИ ФКУ

«ЦХиСО УМВД России по Пензенской области»,

адъюнкт кафедры криминалистики

Воронежского института МВД России

Safronkina.oksana.pnz@mail.ru

В статье рассмотрены особенности взаимодействия следователя и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации, уточнены мероприятия, представляющие сложность при организации и реализации такого взаимодействия.

Взаимодействие, первоначальный этап расследования, мошенничество в сфере компьютерной информации.

Успех раскрытия и расследования мошенничества в сфере компьютерной информации существенно зависит от объема и качества имеющейся в распоряжении следователя значимой информации по уголовному делу. Но зачастую по данному виду преступлений правоохранительные органы владеют малым объемом информации, в особенности на первоначальном этапе расследования. Стоит учитывать также то, что информация, полученная при сборе материала доследственной проверки от заявителя и свидетелей произошедшего, получена в условиях временных ограничений максимально быстро и без необходимой перепроверки, поэтому может являться недостоверной. В некоторых случаях это может стать причиной того, что следственные действия проведены, но ожидаемый результат – не получен.

Повысить качество расследования и соблюсти его разумные сроки позволит пересмотр следователем подходов к сбору информации на первоначальном этапе расследования.

Учитывая, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ содержит достаточно большой перечень мероприятий, проведение которых возможно до воз-

буждения уголовного дела¹, правоохранительные органы непосредственно после регистрации сообщения или заявления о преступлении имеют возможность не только получить информацию необходимую для принятия решения о возбуждении уголовного дела, но и приступить к формированию доказательственной базы.

Качество проведения первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий непосредственно может повлиять как на обоснованность и быстроту принятия решения о возбуждении уголовного дела, так и на качество последующего расследования в целом. Как показывает практика, качество, своевременность и полнота собранного материала проверки, который будет положен в основу доказательственной базы, зависит от надлежащей организации совместных и согласованных действий следователя и оперативных подразделений.

Исследованием вопросов взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных подразделений при расследовании различных видов преступлений посвящено немало работ ученых-криминалистов², что обуславливает значимость рассматриваемой темы.

Рассмотрим особенности взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования – как этапе, на котором закладываются основы успешного завершения расследования уголовного дела.

Первоначальный этап расследования – это важный этап начала расследования, содержанием которого является проведение неотложных следственных действий, получение как можно большего объема информации об обстоятельствах произошедшего, организа-

¹ Информационно-правовое обеспечение СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a3d0f7ee6816ad8ac5a3a3975cf93b26a443c4f8/ (дата обращения: 16.05.2019).

² *Брылев В. И.* Взаимодействие следователя и органов дознания при расследовании и предупреждении преступлений, связанных с наркотизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. 18 с.; *Граник В. В.* Основы криминалистического взаимодействия при выявлении и расследовании преступлении, связанных с экономической деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 188 с.; *Прилуцкий Г. Ю.* Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания в борьбе с корыстно-насильственными преступлениями (правовые, организационные и тактико-методические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 26 с.; *Жердев В. А.* Криминалистическая характеристика краж, грабежей и разбойных нападений: методика расследования и методы раскрытия групповых преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 231 с.; *Кучерук С. А.* Тактика и взаимодействие органов следствия и дознания как основа деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в особо сложных условиях: дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 218 с.

ция эффективного взаимодействия всех участников расследования, что позволит на последующих этапах оптимизировать ход расследования и обеспечить его результативность.

Под взаимодействием следует понимать согласованную деятельность следователя с иными участниками расследования, в рассматриваемом нами случае – с оперативными подразделениями, направленную на достижение целей расследования¹.

Особенности совершения преступлений в сфере компьютерной информации требуют своевременного и продуманного использования в расследовании преступлений возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и знающих технологическую специфику таких преступлений. Основные оперативно-розыскные мероприятия, проводимые ими, определены ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»², однако имеется возможность при организации каждого мероприятия учитывать особенности следственной ситуации, чем обеспечивается его результативность.

Процессуальные полномочия следователя не позволяют ему проводить схожие по форме и содержанию мероприятия. Поэтому необходимо получить консультации у специалистов, самих сотрудников органа дознания, после чего, с учетом их результатов, следует дать отдельные поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий, исполнение которых является обязательным³. Востребованным основанием для обращения в орган дознания с соответствующим поручением по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации является необходимость производства следственных или розыскных действий в другом месте. В этом случае следователь поручает производство этих действий органу дознания. Срок исполнения поручения не должен превышать 10 суток⁴.

¹ *Зеленский В.Д.* Основные положения организации расследования преступлений: учеб. пособие. (Текст) / В.Д. Зеленский. Краснодар: КубГАУ, 2012. С. 123.

² Информационно-правовое обеспечение СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/7367463b83418fbb4a8e0a259864c246fb9b365a/ (дата обращения: 15.05.2019).

³ Информационно-правовое обеспечение СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/bab9f52afbaa19b1241060029102d77a8c472458/ (дата обращения: 16.05.2019).

⁴ Информационно-правовое обеспечение СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/bab9f52afbaa19b1241060029102d77a8c472458/

Заметим, что по исследуемой категории уголовных дел всем участникам расследования необходимо учитывать определенные особенности взаимодействия и сопутствующих ему проблем, так как механизм совершения преступления сложен и зачастую недостаточно изучен, а участие в расследовании предполагает необходимость понимания технологических особенностей преступного события как следователем, так и сотрудниками оперативных подразделений, умение обнаруживать, правильно процессуально фиксировать, осматривать и интерпретировать цифровую информацию.

Формами взаимодействия могут быть:

- работа в составе следственно-оперативной группы;
- регулярный обмен поступающей информацией;
- совместное планирование расследования, определение последовательности проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий;
- оказание содействия в подготовке к проведению следственных действий и в их непосредственном выполнении;
- выполнение отдельных поручений следователя.

Можно предполагать, что при правильно и своевременно организованном взаимодействии на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации сроки предварительной проверки и расследования уголовного дела будут сокращены, а результативность расследования уголовного дела будет максимальна.

Своевременная организация взаимодействия следователя и оперативных подразделений должна рассматриваться как залог успеха последующего расследования.

Таким образом, для обеспечения качества раскрытия и расследования мошенничества в сфере компьютерной информации необходимо уделять достаточное внимание процессуальным, организационным, техническим аспектам взаимодействия следователя и специальных подразделений органов дознания, при этом организовывать такое взаимодействие нужно уже на первоначальном этапе расследования.

О некоторых обстоятельствах, отягчающих наказание сотрудников органов внутренних дел

В. Г. Смирнов,

*адъюнкт кафедры уголовной политики
(Академия управления МВД России)
smvlag@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию обстоятельства, отягчающего наказание, «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». Осуществляется сравнительный анализ подобных обстоятельств, отягчающих наказание и/или ответственность, имеющих в уголовных законодательствах России и стран СНГ. Предлагаются пути решения существующей проблемы.

Уголовный кодекс, обстоятельства, отягчающие наказание, сотрудник органа внутренних дел, присяга, профессиональная клятва.

В действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) ч. 1 ст. 63 определены 17 отягчающих наказание обстоятельств. Данный перечень является исчерпывающим и может быть изменен или дополнен новыми обстоятельствами только на основании федерального закона. Одним из последних обстоятельств, отягчающих наказание, дополнившее ч. 1 ст. 63 УК РФ на основании Федерального закона от 22.07.2010 № 155-ФЗ², явился пункт «о» следующего содержания: «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел».

В дебатах, произошедших на заседаниях Государственной Думы Российской Федерации во время обсуждения проекта вышеуказанного закона, высказывались здравые предложения депутатов-ученых³ о необходимости предварительной проработки вопроса до принятия закона, но они во внимание приняты не были.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2018) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 30. Ст. 3986.

³ Например, мнение Т. Н. Москальковой, доктора юридических наук, доктора философских наук: Стенограммы обсуждения по законопроекту № 331365-5: [Элек-

Кроме того, при разработке законопроекта законодатель не учел существующий Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств¹ (далее – Модельный УК), который носит хотя и рекомендательный характер, но содержит положения, не вступающие в конфликт с принципом равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ). Так, в соответствии с п. «и» ч. (1) ст. 63 Модельного УК отягчающим обстоятельством признается «совершение преступления лицом, нарушившим тем самым принятую им присягу или профессиональную клятву».

Сотрудники многих органов исполнительной власти при приеме на службу проходят процедуру принятия присяги. К таким органам, например, отнесены Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации, Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации, сотрудники которых в обязательном порядке принимают присягу. В соответствии с законодательством России также присягу принимают адвокаты, нотариусы, прокуроры, судьи.

Помимо присяги учащиеся, оканчивающие некоторые учебные образовательные организации, принимают, вне рамок законодательства, профессиональную клятву. К таким лицам, например, относятся врачи, которые, перед выпуском из вуза, в торжественной обстановке дают «Клятву Гиппократа».

Из приведенного перечня видно, что существующая в УК РФ норма, определяющая повышенное наказание за совершенное умышленное преступление сотрудникам органа внутренних дел, при ее изложении в редакции Модельного УК получит свое распространение на больший круг лиц, причем независимо от принадлежности к конкретному органу исполнительной власти или виду профессиональной деятельности, и будет больше соответствовать принципу равенства.

тронный ресурс]. Система обеспечения законодательной деятельности // Государственная Дума Российской Федерации: сайт. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/331365-5> (дата обращения: 08.10.2018).

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс]. Постановление от 17.02.1996 № 7-5 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств // Приложение к информационному бюллетеню Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>.

Анализ уголовного законодательства государств – участников СНГ показывает, что в отдельных странах законодатель уделил внимание обстоятельству,отягчающему не только наказание, но и ответственность.

Так, ст. 63 УК Армении закрепляет перечень обстоятельств «отягчающих ответственность и наказание»¹, ст. 64 УК Беларуси называется: «Обстоятельства, отягчающие ответственность»². В УК Казахстана перечень определен ст. 54 «Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность и наказание»³, в УК Таджикистана «Обстоятельства, отягчающие наказание» перечислены в ст. 62⁴. В остальных странах, входящих в СНГ, обстоятельства, отягчающие наказание (ответственность) за совершение преступления сотрудником органа внутренних дел или иного органа исполнительной власти, уголовным законодательством не предусмотрены.

Собственно тексты норм уголовных кодексов в перечисленных странах практически не отличаются друг от друга. Единым для них является то, что законодателем не акцентировано внимание на умышленной форме вины при совершении преступления или уголовного правонарушения⁵, как в Республике Казахстан.

К обстоятельствам, отягчающим ответственность и наказание, п. 10 ст. 63 УК Армении относит «совершение преступления лицом, нарушившим тем самым военную присягу или профессиональную клятву». В уголовных кодексах республик Беларуси (п. 12 ч. 1 ст. 64) и Таджикистана (п. «и» ч. 1 ст. 62) формулировка обстоятельства, отягчающего ответственность или наказание (соответственно стране), звучит одинаково – «совершение преступления лицом, нарушившим тем самым принятую присягу или профессиональную клятву» и, на наш взгляд, наиболее качественно коррелируется с принципом равенства граждан перед уголовным законом.

¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР-528 (в ред. 30.12.2017) // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2003. № 25 (260). Ст. 407.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (в ред. от 18.07.2017) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76, 2/50.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (в ред. от 12.07.2018) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13 (2662). Ст. 83.

⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 (в ред. от 03.08.2018) // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68–70.

⁵ УК Казахстана статьей 10 введено понятие «Уголовное правонарушение», которое, в свою очередь, разделяется на две категории: преступления – и уголовные проступки. Соответствующие дефиниции приведены в частях 2 и 3 указанной статьи.

Казахский Уголовный кодекс в п. 13 ч. 1 ст. 54 признал обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность и наказание, «совершение уголовного правонарушения лицом, нарушившим тем самым принятую присягу или профессиональную клятву». Таким образом, законодатель определил, что при определении наказания за совершение преступления, как и за совершение менее тяжкого общественного деяния – уголовного проступка, будет учитываться факт принятия присяги или профессиональной клятвы правонарушителем.

В судебной практике Казахстана такое рассматриваемое обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность и наказание, нашло широкое применение. Среди изученных автором приговоров встретился случай военнослужащего по контракту Куанбаева, в отношении которого «при назначении наказания, военный суд признает нарушение принятой воинской присяги как обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность и наказание»¹.

Таким образом, не во всех государствах – участниках СНГ совершение преступления лицом, принявшим присягу или давшим профессиональную клятву (и сотрудником органа внутренних дел в частности), признано обстоятельством, отягчающим ответственность или наказание. Из 10 стран только в четырех имеется такая норма в уголовном законе. В российском уголовном законодательстве обстоятельство, отягчающее наказание, существует в усеченном виде и, на наш взгляд, наступило время учесть опыт соседних стран и принять рекомендации Модельного уголовного кодекса.

¹ Куанбаев во время несения службы в наряде по охране Государственной границы Республики Казахстан допустил беспрепятственный проход на территорию республики гражданина Сирии по поддельному паспорту, тем самым причинил существенный вред интересам безопасности государства. Дело № 7210-17-00-1/37 Военного суда Алмаатинского гарнизона. [Электронный ресурс]. Банк судебных актов // Верховный суд Республики Казахстан: сайт. URL: <http://sud.gov.kz/rus/content/bank-sudebnyh-aktov>.

Об особенностях регламентации и реализации оперативно-розыскных полномочий органов дознания

Ю. Н. Спиридонова

*начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент
(ВИПЭ ФСИН России)
upkiord@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы законодательного закрепления полномочий органов дознания в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и возможности использования оперативно-розыскных полномочий в уголовно-процессуальной деятельности органов дознания.

Органы дознания, дознаватель, оперативно-розыскная деятельность, проверка сообщений о преступлениях.

Эффективность досудебного производства во многом зависит от того, насколько непротиворечиво и грамотно построена система участников уголовного процесса, действующих на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Субъектом, который принимает участие в досудебном производстве, в подавляющем большинстве случаев являются органы дознания. Однако законодательное закрепление перечня органов дознания и их полномочий не вполне совершенно, что неоднократно являлось предметом обсуждения в научной литературе¹.

Статья 118 УПК РСФСР, посвященная полномочиям органов дознания, начиналась с положения о том, что на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. Таким образом, во главу угла полномочий органов дознания ставилась оперативно-розыскная деятельность, которая является самостоятельным направлением и уголовно-процессуальным законом не регулиру-

¹ См., напр.: *Аверкин С.Д.* Правовое положение органа дознания при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С.10.

ется и, кроме того, главенствующей целью органов дознания указание на связь органов дознания с оперативно-розыскной деятельностью в действующем законодательстве отчасти сохранилось: ст. 40 УПК РФ в п.1 ч.1 содержит положение о том, что органами дознания являются органы внутренних дел, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. В последующих пунктах ч. 1 ст. 40 УПК РФ перечислены органы исполнительной власти (органы Федеральной службы судебных приставов, органы Госпожнадзора) и должностные лица (начальники органов военной полиции Вооруженных сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов), которые полномочиями по производству оперативно-розыскной деятельности не обладают. При этом если в ст.117 УПК РСФСР содержался исчерпывающий перечень органов дознания, действующий закон содержит бланкетную норму, и отсылка идет именно к ведомствам, обладающим оперативно-розыскными полномочиями.

Привязка уголовно-процессуальных полномочий органов дознания к оперативно-розыскным представляется весьма обоснованной, поскольку без производства оперативно-розыскных мероприятий установление лица, совершившего преступление, и эффективное собирание доказательств зачастую становится невозможным. В ряде случаев, например при проверке сообщения о преступлении в исправительном учреждении, результаты оперативно-розыскных мероприятий становятся одним из главных источников получения информации¹. Вместе с тем, не все органы дознания имеют в своем составе оперативные подразделения. С тех пор как в полномочия органов дознания было включено расследование уголовных дел в полном объеме и дознаватели стали субъектами, осуществляющими предварительное расследование в форме дознания, совмещение уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных полномочий в деятельности одного субъекта, осуществляющего данное расследование, стало проблематичным. На стадии предварительного расследования необходимо четко разделять деятельность органов дознания по производству дознания и деятельность органов дознания по выполнению поручений дознавателей и следователей о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

¹ См., напр.: *Крымов А.А.* Особенности проверки администрацией исправительного учреждения сообщения о преступлении // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 31.

Наличие возможности использовать оперативно-розыскные мероприятия может дать положительные результаты не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии возбуждения уголовного дела, ввиду чего законодателем были внесены Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ дополнения, в соответствии с которым в ходе проверки сообщения о преступлении дознаватель и орган дознания могут давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Пункт 2 ст. 41 УПК РФ запрещает возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Значит ли это, что оперуполномоченный, проводящий проверку, не может производить в рамках этой проверки оперативно-розыскные мероприятия? И как быть, если такая необходимость возникает? К примеру, если необходимость производства оперативно-розыскных мероприятий возникает в ходе проверки сообщения о преступлении оперуполномоченным исправительного учреждения, он должен на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ написать письменное поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий начальнику органа дознания, то есть начальнику исправительного учреждения, где он служит, чтобы тот поручил исполнение этого поручения другому оперуполномоченному этого же оперативного отдела. Поскольку речь в п. 2 ст. 41 УПК РФ идет только о невозможности совмещения дознания и оперативно-розыскной деятельности, полагаем, что на стадии возбуждения уголовного дела функции проверки сообщения о преступлении и оперативно-розыскной деятельности все-таки совместимы. Совмещение этих видов деятельности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства может позволить более эффективно начать уголовно-процессуальную деятельность, достигнуть цели по установлению признаков преступления и лица, его совершившего. Поддерживаем мнение А. В. Образцова о том, что возложение обязанностей по проверке сообщений о преступлениях только на штатных дознавателей способно вызвать коллапс в правоприменительной деятельности¹, поскольку фактически в половине органов дознания штатные дознаватели отсутствуют.

При этом следует учитывать, что существуют дознаватели, у которых в рамках проверки сообщения о преступлении собственных

¹ Образцов А. В. К вопросу о субъектах уголовного процесса // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 3 (35). С. 40.

оперативно-розыскных полномочий нет. К ним относятся, например, дознаватели отделов дознания органов внутренних дел, дознаватели службы судебных приставов, дознаватели Государственной противопожарной службы, а также любые должностные лица органов исполнительной власти, указанных в ст. 40 УПК РФ, которые приобретают статус дознавателя по поручению руководителя на время проверки сообщения о преступлении, а собственных оперативных подразделений этот орган исполнительной власти не имеет. Для данных органов дознания как раз актуальным будет предусмотренное ч. 1 ст. 144 УПК РФ полномочие о направлении в другие органы дознания поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Впрочем, для органов внутренних дел поручение будет направляться в иное подразделение в рамках одного органа дознания. Чтобы избежать путаницы в формулировках при применении норм, касающихся деятельности органов дознания и дознавателей, С. Б. Мартыненко, к примеру, предлагает ввести в уголовно-процессуальный кодекс понятия «подразделение дознания» и «оперативно-розыскное подразделение»¹.

Подобные предложения являются довольно обоснованными, но вместе с тем могут перегрузить и так довольно запутанный перечень субъектов, относящихся к органам дознания и деятельности этих органов. В настоящее время к ним относятся органы дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель, регламентация понятий данных субъектов и их полномочий также далека от совершенства. Однако решать данную проблему, несомненно, необходимо. Возможным шагом к ее решению может стать предлагаемое Б.Я. Гавриловым изменение досудебного производства, в котором была бы упразднена стадия возбуждения уголовного дела (а соответственно и проверка сообщения о преступлении как отдельно регламентируемая деятельность), а органам дознания возвращена упрощенная и сокращенная форма досудебного производства в виде протокольной формы расследования, схожая с существовавшей ранее протокольной формой досудебной подготовки материалов².

Полагаем, что дальнейшая разработка рассмотренных вопросов позволит оптимизировать досудебное производство в целом и деятельность органов дознания в частности.

¹ Мартыненко С. Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлениях // *Lex russica*. 2018. № 7. С.103.

² См.: Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 26; Гаврилов Б.Я. Роль досудебного производства в повышении эффективности предварительного следствия // *Актуальные проблемы медицины и биологии*. 2018. № 2. С. 35–37.

Понятие и сущность процессуального усмотрения следователя в современном уголовном процессе

П. М. Стольников,

*начальник факультета подготовки следователей
(Орловский юридический институт МВД России
им. В. В. Лукьянова)
pavel.stolnikov@yandex.ru*

В статье анализируются теоретические и нормативные подходы к определению процессуального усмотрения следователя. Усмотрение следователя предлагается рассматривать как форму его процессуальной самостоятельности. В статье дается авторское определение процессуального усмотрения следователя, раскрывается его значение и сущность. Выделяются характерные признаки, присущие процессуальному усмотрению следователя, и рассматриваются особенности реализации права следователя на процессуальное усмотрение в российском уголовном процессе.

Уголовное судопроизводство, следователь, процессуальная самостоятельность следователя, процессуальное усмотрение следователя.

В российском уголовно-процессуальном праве понятие «усмотрение следователя» обычно рассматривается в контексте проблемы его процессуальной самостоятельности. Усмотрение можно рассматривать как форму реализации следователем процессуальной самостоятельности. К сожалению, на современном этапе развития российского уголовного судопроизводства процессуальная самостоятельность следователя в большей степени является задекларированным принципом организации предварительного следствия. Воплощение этого принципа в правоприменительную практику крайне затруднено в связи с наличием пробелов и противоречий в законе и введением тяжеловесного механизма сдержек самостоятельности следователя. В таких условиях изучение вопросов реализации следователем усмотрения как формы его процессуальной самостоятельности приобретает большое значение.

Однако термин «усмотрение» применительно к нуждам уголовного процесса является недостаточно разработанным.

В русском языке усмотрение понимается как «заключение, мнение, решение»¹. Усмотрение всегда предполагает комплекс различных мыслительных операций, приводящих субъект к определенному заключению в ситуации выбора. В уголовном судопроизводстве усмотрение как результат мыслительной деятельности присуще различным субъектам, с различным процессуальным статусом и функциями. Но усмотрение субъектов, наделенных властными полномочиями, имеет свои особенности. В целом можно говорить об усмотрении должностных лиц в уголовном процессе.

Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве является разновидностью правоприменительного усмотрения. В большей степени в науке разработаны проблемы судейского усмотрения, а усмотрение следователя изучалось фрагментарно, преимущественно в контексте других проблем. Наиболее фундаментальной работой, посвященной данной проблеме, является диссертационное исследование П. Г. Марфицина². Ученый обоснованно обращал внимание на то, что усмотрение следователя связано со значительным объемом в российском законе дискреционных норм, позволяющих урегулировать многообразие процессуальных ситуаций, и подчеркивал, что усмотрение позволяет «оптимально совместить юридическую норму и социальную ситуацию, к которой она непосредственно относится»³.

С. С. Безруков связывал усмотрение следователя также с особенностями конструкций уголовно-процессуальных норм, предполагающих множество оценочных понятий, оперировать которыми без реализации усмотрения не возможно⁴. При этом ученый обращает внимание на важный момент: отсутствие в законе даже ориентирующих правоприменителя примерных трактовок оценочных понятий существенно затрудняет работу следователя.

Можно утверждать, что уголовно-процессуальный закон предусматривает определенную свободу действий следователя. Но эти действия не должны противоречить уголовно-процессуальным нормам и принципам. Также недопустимым является необоснован-

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2012. С. 781.

² Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.

³ Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 16.

⁴ Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

ное ограничение прав иных участников процесса. К сожалению, на практике это нередко приводит к тому, что субъект, наделенный в процессе властными полномочиями, реализуя усмотрение, злоупотребляет своими процессуальными правомочиями. На это, в частности, обращает внимание Б. Я. Гаврилов¹.

А. Б. Ярославский в своем диссертационном исследовании предлагал рассматривать усмотрение следователя как систему из нескольких разновидностей: оптимального, непосредственного, произвольного и интуитивного усмотрения². Однако предлагаемая исследователем трактовка усмотрения следователя является крайне сложной и противоречивой. По мнению же П. Г. Марфицина, в основе усмотрения следователя всегда лежит выбор варианта поведения из имеющихся альтернатив³. Данная позиция позднее была поддержана и дополнена А. Р. Вартановым⁴.

В рамках уголовного судопроизводства усмотрение следователя может проявляться при применении не только процессуальных норм, но и норм материального права. В этой связи считаем необходимым, хотя бы на теоретическом уровне, разграничить различные виды усмотрения следователя и ввести в научный оборот понятие «процессуальное усмотрение следователя». В основе такого усмотрения будет лежать применение именно уголовно-процессуальных дискреционных норм и оценочных понятий. Можно говорить и о выделении специфических черт такого усмотрения. Например, ему будет присуща форма выражения в виде процессуального решения и ориентация на принцип целесообразности, соотносимый с положениями ст. 6 УПК РФ.

В основе процессуального усмотрения следователя будет лежать свободный выбор следователем варианта производства процессуальных действий, объективированный в форме процессуального решения. К сожалению, усмотрение следователя не во всех случаях может устранить пробел в законе и позволить разрешить конкретную ситуацию сообразно принципу законности, однако оно несет большой потенциал в подстраивании обобщенных предписаний уголовно-процессуального законодательства к реалиям и нуждам правоприменительной практики.

¹ Гаврилов Б.Я. Об ограничении судейского усмотрения при назначении уголовного наказания // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 20–22.

² Ярославский А.Б. Усмотрение следователя при расследовании уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 129.

³ Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 16.

⁴ Вартанов А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

О возможности обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в уголовном процессе на досудебных стадиях

Т. А. Сулейманов,

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия ФСИН России)
suleymanov.talyat@yandex.ru*

В статье анализируется возможность и необходимость обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в уголовном процессе на досудебных стадиях. В усилении и защите прав и законных интересов нуждаются не отдельные участники процесса, а все лица, участвующие в деле.

Обеспечение и защита прав, права и интересы участников процесса, правовой принцип уголовно-процессуального закона, правовой статус участника процесса.

Необходимость обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в уголовном деле, не вызывает сомнений у законодателя и исследователей. Априори этот тезис принимается бездоказательно, в противном случае мы должны признавать возможность оставления без защиты прав и интересов участников процесса. Более того, по данной проблематике издано множество научно-практических исследований¹, где отмеченный вопрос изучается с правовой и организационной точки зрения. Обеспечение прав и интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, является принципом (ст. 11 УПК РФ) уголовно-процессуального законодательства. Правовые гарантии защиты прав участников уголовного процесса должны обеспечиваться через соблюдение принципов уголовного судопроизводства. С позиции философии права отмеченная тематика относится к разряду «вечных» тем, так как достичь состояния абсолютной защиты и обеспечения прав и интересов лиц, участву-

¹ См., напр.: *Валов С.Н.* Управление органами предварительного следствия в России: теоретические и организационные основы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Гаврилов Б.Я.* Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

ющих в уголовном деле, не удавалось и не удастся, но стремиться к этому надо.

Статистические показатели о нарушении прав и законных интересов участников процесса в досудебном производстве дают следующую картину: всего выявлено нарушений законов за январь – июнь 2017 г. – 2 726 736 фактов, за аналогичный период 2018 г. – 2 765 254 случаев. В том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении в 2017 г. – 1 991 792 фактов нарушений, в 2018 г. – 1 988 202 случаев нарушений. При производстве следствия и дознания в 2017 г. – 734 944, в 2018 г. – 777 052¹. За отмеченный период январь – июль 2018 г. было возбуждено 1 млн 158 тыс. преступлений². Приведенные цифры говорят о массовом характере нарушений прав и интересов лиц, участвующих в деле. Если сравнить цифры, то получается, что по каждому уголовному делу было допущено более 2 случаев нарушения законодательства в сфере обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. Ради объективности отметим, что нарушение прав и интересов лиц, участвующих в деле, имеют место быть и за рубежом, в том числе и в отношении граждан РФ (Дело Марии Бутиной, Виктора Бута, Константина Ярошенко).

При таких исходных данных возврат к исследованию проблемы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в деле, по-прежнему остается актуальным. Многие позиции этого института уголовного процесса требуют осмысления и новых подходов. Что можно отметить в русле нашей постановочной статьи. Первый тезис. Нет ни одного полномочия участника процесса, которое гарантированно обеспечивалось бы или не нарушалось должностными лицами органов расследования. На настоящий момент отмеченная проблема дополняется организационно-правовым пробелом по соблюдению прав участников уголовного процесса при получении электронной доказательственной информации³.

Второй тезис состоит в том, что только путем правового и организационного воздействия проблему не решить. Законодателем

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – июль 2018 г. https://genproc.gov.ru/upload/iblock/21c/0106_2018.xls.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июль 2018 года. Официальный сайт МВД РФ.

³ *Сергеев М. С.* Проблемы соблюдения прав участников уголовного процесса при получении электронной доказательственной информации // ВЭПС. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-soblyudeniya-prav-uchastnikov-ugolovnogo-protsessa-pri-poluchenii-elektronnoy-dokazatelstvennoy-informatsii> (дата обращения: 03.09.2018).

этот вопрос регулируется односторонне, т. е. законодатель возлагает обязанность обеспечения прав и интересов участников процесса на дознавателя, следователя, прокурора, судью (ст. 11 УПК РФ), но при этом не оговаривает вопрос о защите прав участников процесса от нарушений со стороны должностных лиц органов расследования. А это означает, что указанная защита прав участников процесса возлагается на самих участников. Они сами должны обращаться с жалобами к руководителю органа расследования или в суд и доказывать факт нарушения их прав и интересов. Такая схема защиты прав участников процесса является неэффективной. Если мы согласимся, что определенные нарушения прав участников процесса юридически доказать невозможно, то вопрос о защите прав участников процесса нуждается в существенной проработке.

Третий тезис проблемы состоит в том, что исследователи идут по пути расширения прав, гарантий защиты интересов для отдельного участника процесса (например, повышение эффективности защиты прав и интересов потерпевшего. Хотя проблема признания и восстановления прав потерпевшего в рамках уголовного процесса тоже не вчерашнего дня). Посыл неверен с логической точки зрения. В усилении и защите прав нуждаются не отдельные участники процесса, а все лица, участвующие в деле. Недопустима ситуация, где статус и гарантии для одного участника разработаны до максимума, а для других участников приемлемо и существующее положение дел.

Четвертый тезис проблемы состоит в том, что законодательно не ясно, кто и как должен обеспечивать защиту интересов дознавателя, следователя, прокурора и суда. Мы полагаем, что их интересы не могут быть нарушены. Также мы считаем, что перечисленные должностные лица в уголовном процессе представляют интересы государства. А интересы государства в этой сфере защищают перечисленные лица. Получается логический круг по защите и обеспечению прав и интересов. В результате формулируем вывод, что сами обеспечиваем и сами защищаем права и интересы всех участников процесса. Верность подобного методологического подхода вызывает сомнение.

Пятый тезис, на наш взгляд, самый сложный. Что должно быть в приоритете: раскрытие преступления и расследование уголовного дела или соблюдение прав и интересов лиц, участвующих в деле? Допустимо ответить, что обе ценности в равной мере приоритетны и постановка вопроса некорректна. Но практика изучения вопроса показывает, что приоритетом является только раскрытие преступления и расследование уголовного дела. При таком подходе реше-

ние поставленной проблемы затруднительно. Отмеченный вопрос напрямую связан с политикой организации ведомственного и прокурорского контроля по обеспечению прав и интересов лиц, участвующих в уголовном процессе на досудебных стадиях.

После перечисления тезисов о нарушении прав участников процесса требуется высказать предложения по развитию отмеченного института. Во-первых, полагаем необходимым реформировать процедуру судебной защиты участников процесса с возможностью обращения участника процесса в суд через систему видео-конференц-связи на досудебных стадиях. Это поможет обеспечить реальный доступ к правосудию для защиты своих прав любому участнику процесса. Во-вторых, законодательно закрепить обязательность удовлетворения ходатайства участника процесса о видеофиксации проводимого с его участием следственного действия или применения в отношении него мер принуждения. Данная новелла позволит участнику процесса иметь фактический материал для отстаивания своих прав и интересов в суде. Участники процесса должны быть наделены такими полномочиями, которые позволили бы им в полной мере реализовать конституционное право на судебную защиту своих прав и обеспечения скорейшего доступа к правосудию.

К вопросу о допустимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым

А. И. Терегулова,

соискатель кафедры криминалистики

Института Права

(Башкирский государственный университет)

В данной статье рассматривается вопрос о допустимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Изучение автором научных работ и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что ограничение несовершеннолетнего лица в возможности заключения такого соглашения будет противоречить его законным интересам. Хотя и существует установленный постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 запрет на заключение досудебного соглашения с указанными субъектами.

Несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, досудебное соглашение о сотрудничестве, защита прав и законных интересов.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в УПК РФ Федеральным законом от 29.06.2009 № 144-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ»¹.

Появление института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законодательстве обусловлено необходимостью противодействия организованной преступности и повышения эффективности расследования. В данной связи следует обратить внимание на дискуссионный вопрос о допустимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, поскольку, как правило, именно подростки совершают противоправные деяния в составе группы лиц.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 29.06.2009 № 144-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

Отдельно укажем, что в действующем УПК РФ отсутствует прямое указание на невозможность применения гл. 40.1 УПК РФ в отношении несовершеннолетних. Более того, в ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ, регламентирующей порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, имеется указание на законного представителя, который, по смыслу п. 12 ст. 5 УПК РФ, представляет интересы несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Вместе с тем, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 отмечается, что «исходя из того, что закон не предусматривает возможность принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке, положения главы 40.1 УПК РФ не применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет»¹. Таким образом, указанным постановлением был установлен фактический запрет на заключение досудебного соглашения с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.

Заметим, что далее Пленум постановил: «...если несовершеннолетний содействовал следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, судам следует учитывать эти обстоятельства при назначении несовершеннолетнему наказания». Однако данное положение не гарантирует лицу, не заключившему досудебное соглашение, обязательного смягчения наказания. Таким образом, несовершеннолетний, оказывающий содействие органам правопорядка, оказывается в худшем положении по сравнению со взрослым участником преступления, что, в свою очередь, приводит к нарушению принципа равенства всех перед законом.

Также отдельно укажем, что несмотря на установленный запрет, судебной практике известны случаи применения особого порядка судебного разбирательства в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними. Так, в 2017 г. в отношении 7 несовершеннолетних лиц были применены нормы гл. 40.1 УПК РФ².

¹ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 26.05.2018).

Кроме того, анализ материалов изученных уголовных дел свидетельствует о том, что следственной практике известны случаи разъяснения несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве¹.

Таким образом, позиция законодателя по данному вопросу и ее понимание правоприменителем весьма неоднозначны и требуют своего законодательного разрешения.

В научной литературе также нет единства мнений по данному вопросу. Так, одни исследователи отрицают возможность заключения «сделки с правосудием» с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым². Другие же считают данное ограничение противоречащим законным интересам несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Так, И. В. Овсянников полагает, что такое положение не в интересах общества, оно существенно снижает эффективность правового института досудебного соглашения о сотрудничестве³. С точки зрения О. Н. Тисен, лишение несовершеннолетнего возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является ограничением его прав⁴. Исследователь справедливо отмечает, что «досудебное соглашение будет способствовать осознанию несовершеннолетним содеянного посредством изобличения соучастников преступления и поможет оступившемуся подростку избежать сурового наказания»⁵. По верному утверждению А. А. Иванова, «рассмотрение уголовного дела в особом порядке не исключает объективной возможности реализации дополнительных процессуаль-

¹ См.: Уголовное дело № 1-79/2016 // Архив Серпуховского городского суда Московской области; Уголовное дело № 1-120/2016 // Архив Серпуховского городского суда Московской области; Уголовное дело № 1-121/2016 // Архив Серпуховского городского суда Московской области; Уголовное дело № 1-310/2016 // Архив Серпуховского городского суда Московской области; Уголовное дело № 1-273/2017 // Архив Серпуховского городского суда Московской области; Уголовное дело № 1-429/2017 // Архив Серпуховского городского суда Московской области; и др.

² См., напр.: *Гречаная И. В.* Судебное разбирательство в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гречаная Ирина Викторовна. М., 2014. С. 163; *Дудина Н. А.* Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дудина Надежда Афанасьевна. Красноярск, 2015. С. 80.

³ *Овсянников И. В.* Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним? / И. В. Овсянников // *Законность*. 2016. № 6. С. 58.

⁴ *Тисен О. Н.* Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. С. 318.

⁵ *Там же*. С. 320.

ных гарантий прав несовершеннолетних и применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия»¹.

Обратим также внимание, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь несовершеннолетние являются субъектами досудебного соглашения о сотрудничестве. В соответствии с ч. 1 ст. 468.6 УПК Республики Беларусь, регламентирующей особенности порядка заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, устанавливается, что ходатайство подписывается подозреваемым (обвиняемым), его защитником, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, – также его законным представителем².

Представляется, что применение гл. 40.1 УПК РФ в отношении несовершеннолетних, с учетом предусмотренных гл. 50 УПК РФ гарантий, является рациональным. Так, по смыслу закона, инициатива заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должна исходить от лица, привлекаемого к уголовной ответственности, с целью минимизировать размер уголовного наказания и предполагает ее добровольность. Вследствие этого можно констатировать, что подача подозреваемым, обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает реализацию законных интересов такого лица. Ограничение несовершеннолетнего лица в возможности заключения такого соглашения представляется противоречащим его законным интересам.

Отметим, вместе с тем, что в случае допустимости заключения досудебного соглашения с несовершеннолетними данный институт нуждается в совершенствовании. В частности, на наш взгляд, необходимо предусмотреть в УПК РФ обязательность подписания досудебного соглашения о сотрудничестве не только несовершеннолетним, привлекаемым к уголовной ответственности, и защитником, но и его законным представителем.

¹ *Иванов А.А.* Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Андрей Андреевич. Челябинск, 2013. С. 11.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77-78. 2/71.

К вопросу о необходимости понятийной унификации законодательства о судебной экспертизе

Т. В. Толстухина,

*зав. кафедры судебной экспертизы и таможенного дела,
доктор юридических наук, профессор
(ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»)
Tat_tolstuhina@mail.ru*

А. А. Светличный,

*доцент кафедры,
кандидат юридических наук
(ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»)
alexandrsvetl@rambler.ru*

Д. В. Панарина,

*ассистент кафедры
(ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»)
panarina_dasha@mail.ru*

В статье рассмотрены проблемы, связанные с понятийной унификацией законодательства о судебной экспертизе и использовании специальных знаний; анализируются работы, освещающие феномен юридической терминологии, обозначаются тенденции развития законодательства, регламентирующие институт судебной экспертизы.

Язык науки, судебная экспертиза, законодательная техника, термины, определения.

В современном отечественном праве в одном ряду с процессами вычленения новых отраслей российского права успешно действуют и диаметрально по направленности процессы образования межотраслевых правовых институтов, носящих специфический универсальный характер для нормативного регулирования определенных общественных отношений. Таковым является межотраслевой институт судебной экспертизы. Разработка методологии общей теории судебной экспертизы оказала существенное влияние на ее языковую функцию, благодаря которой осуществляется совершенствование экспертных знаний посредством языка науки.

Однако язык науки в современных условиях научно-технического прогресса не полностью удовлетворяет постоянно возрастающие потребности количественного и качественного повышения эффективности процессов накопления, обработки, передачи научной информации. Поэтому возникает необходимость в разработке определенных правил образования специальных языковых выражений, отражающих закономерную систему между объектами науки. Вводятся символы и знаки, заменяющие слова, а иногда и целые предложения жаргонного языка, который в результате становится более точным и компактным. Любая наука, в том числе уголовно-процессуальное право, криминалистика и судебная экспертиза, должна базироваться на точности и однозначности передачи информации, ее полной восприимчивости и воспроизводимости.

Специальный научный язык, как отмечает О.Д. Митрофанова, включающий целые блоки и суперблоки понятий, «невероятно увеличивает плотность информации, оказывается принципиально, а не технически важным»¹.

Недостаточно четкое научное и практическое понимание терминов, определений и понятий, связанных с назначением и производством судебной экспертизы, позволяет широко, а зачастую недостоверно трактовать объем и смысл этих понятий, круг субъектов, применяющих их на практике, и т. п. Е.Б. Хохлов к числу юридических химер в первую очередь относит стремление к максимальному усложнению используемой терминологии². Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что многие проблемы процессуальной регламентации оказались проблемами понятийными. В одном из своих решений вполне обоснованно Конституционный Суд РФ подчеркнул, что нормы законов должны быть формально определенными, четкими, точными и ясными, не допускающими расширительного толкования...³

Имеющая место законотворческая деятельность привела Председателя Конституционного Суда России В.Д. Зорькина к необходимости обратить внимание на отрицательные тенденции

¹ Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. М., 1973. С. 16.

² Хохлов Е.Б. Юридические химеры как проблемы современной российской юридической науки // Правоведение. 2004. №1. С.4.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 03.11. 2003. № 44. Ст. 4358.

развития отечественного законодательства, отметить нечеткость формулировок норм законодательных актов, слабую аналитическую и прогностическую оценку последствий принимаемых законодательных актов¹.

На сегодняшний день одной из самых полных и развернутых работ, освещающих феномен юридической терминологии с лингво-лингвистических позиций, является работа под редакцией А. С. Пиголкина «Язык закона»². Научные исследования в области юридической терминологии начали развиваться раньше в западной юридической науке, нежели в российской. Практическая их направленность и значимость состояла в том, чтобы выработать единые правила грамматического толкования законодательства и дать обобщенные рекомендации по оптимальным способам языкового выражения воли законодателя.

Одной из первых юридико-терминологических работ явилась «Номография» И. Бентама, подготовленная в Англии в 1811–1813 гг., основной задачей которой явилась формулировка «закон есть закон», и он должен быть доступен для каждого, от кого ожидается его соблюдение.

Однако в специальных указаниях о языке закона Германии, оправдывающих сложность его понимания, сказано: «Современный кодекс не может быть понятным для всех в любом отношении, не говоря уже вовсе о том, что он не может открыть всю глубину своего идейного содержания неопытному читателю»³.

К ясной форме выражения права, по мнению А. Шнитцера, может вынуждать только низкий уровень развития людей. Справедливо пишет Д. А. Керимов, что предпринимаются попытки теоретического обоснования писать законы малодоступным для грамотного человека языком⁴.

Даже признанный авторитет в области законодательной техники В. Гедеман считает, что трудности, которые связаны с ясностью и доступностью языка закона, непреодолимы. Для того чтобы избавить неспециалистов от напряжения мысли, закон должен предусматривать всевозможные случаи жизненных отношений, им регулируемых. Но тогда закон утрачивает внутреннее богатство содержания каждой отдельной нормы и сверх того разрастается

¹ Зорькин В. Д. Законный брак // Рос. газ. 2006. № 146 (4112). 7 июля.

² Пиголкин А. С. Язык закона, М, 1990. С. 5.

³ Цитата по Dolle H/ Vqm Stil der Rechtssprache. Tubingen, 1949. С. 47.

⁴ Керимов Д. А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2000. С. 58.

количественно, загромождая память и плодя неизбежные противоречия между своими нормами.

Такого же мнения придерживался И. Бентам, который говорил, что «Закон не может быть слишком простым, ясным и бесспорным, так как он, в сущности, является правилом поведения»¹. Современные ученые также полагают, что часть юридического сообщества несомненно может быть заинтересована в существующей терминологической неопределенности².

В западной юридической литературе получила распространение «теория стиля права». Д. А. Керимов справедливо пишет, что отмечая крайнюю абстрактность современного законодательства и полное отсутствие в нем таких качеств, как простота, понятность и популярность, Ганс Доле указал, что законодатель махнул на это рукой и склонился на сторону тех, кто придерживается мнения, что кодексы составляются исключительно для судьи, а не для профана; их значение состоит в том, чтобы... быть понятным судье, профану же они могут быть непонятными³.

Согласимся с одним из авторов, который очень справедливо заметил: «Мы, юристы, не можем писать нормальным языком. Мы употребляем восемь слов там, где можно обойтись двумя. Мы пользуемся устаревшими, архаичными фразами для выражения обычных понятий. Стремясь к точности, мы становимся утомительными. Стремясь быть осторожными, мы становимся многословными»⁴.

Российская уголовно-процессуальная наука формировала свою терминологию, зачастую не корреспондируя ее с общими научными подходами к общей методологии терминоведения, результатом чего явилась множественная нормативная противоречивость.

Нечеткая дефиниция понятий процессуального законодательства Российской Федерации создает комплекс проблем, связанных с определением положения участников уголовного судопроизводства, порядком судебного разбирательства, применением специальных процедур и так далее. Нескончаемый поток изменений и дополнений, вносимых, например, в УПК РФ, появление «поправок на поправки» вынуждает кардинально поменять подход к общему уровню юридико-терминологической, понятийной и языковой

¹ Бентам И. Тактика законодательных собраний. СПб., 1907.

² Бугаев К. В. Проблемы юридической терминологии (на примере криминалистики и судебной экспертизы) // Современное право. 2011. № 10. С. 26.

³ Керимов Д. А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 2000. С. 58.

⁴ Wydick R/ Plain English for Lawyers. Car. Akad. Press. 3 ed. 1979, – P. 3.

культуры этого основополагающего нормативного акта. Ситуация осложняется тем, что языковая неоднозначность и полисемия, присущие русскому языку, требуют особой тщательности в отработке юридических формулировок.

Юридическая законодательная техника на современном этапе развития общества должна быть выведена на концептуально новый, более высокий уровень осмысления, учитывая специфику конкретных отраслевых институтов, обрести прочную методологическую основу и стать в один ряд с насущными исследовательскими задачами теоретического правоведения.

Согласимся с мнением А.М. Васильева, согласно которому в юриспруденции, как и в любой науке, задача определения (дефиниции) как логической операции над понятиями заключается в том, чтобы раскрыть содержание этих понятий путем указания на основные существенные признаки изучаемого предмета, которые отличают его от других общественных явлений и выделяют из числа правовых¹.

Туранин В. Ю. выделяет такие факторы энтропии юридического текста, как: 1) чрезмерная терминологическая загруженность законодательного текста; 2) отсутствие нормативной дефиниции терминов; 3) необоснованное использование оценочных терминов².

Трудно не согласиться с мнением Н.М. Добрынина, который в связи с рассматриваемыми проблемами заметил, что туманные, размытые, богатые различными смыслами формулировки действующего законодательства... свидетельствуют о системном кризисе... всей юридической науки...³ Следует согласиться и с мнением о том, что использование юридической лексики вызывает множество вопросов у правоприменителя⁴.

Мы разделяем точку зрения А.В. Нестерова, который справедливо заметил, что в такой синтетической науке, как судебная экспертиза, особенно важно однозначно определить смысл, содержание применяемых терминов⁵.

¹ *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий права. М., 1976. С. 86.

² *Туранин В.Ю.* Терминологическая энтропия законодательного текста // Современное право. 2005. № 11. С. 39.

³ *Добрынин Н.М.* Юридическая наука и ее роль в становлении новых федеративных отношений: системный кризис, его причины и пути перехода на новый качественный уровень // Государство и право. 2007. № 1. С. 11.

⁴ *Кубиц Г.В.* О проблеме применения специальной оценочной лексики в юридических текстах // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 47.

⁵ *Нестеров А.В.* К вопросу о термине «экспертиза» // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 1 (1). С. 40.

Проблемы уголовно-процессуальной понятийности имеют как общий, так и прикладной характер и связаны с необходимостью совершенствования терминологического аппарата как института судебной экспертизы, так и связанных с ним норм уголовно-процессуального права и отдельных положений криминалистики.

Согласимся с Н.П. Майлис, которая отмечает, что «обеспечение качества судебных экспертиз зависит не только от научных и методических разработок по исследованию доказательств, но и от правовых норм, закрепляющих их назначение, организацию и непосредственное производство»¹.

В связи с этим проблемы, связанные с понятийной унификацией законодательства о судебной экспертизе и использовании специальных знаний, представляются нам крайне актуальными на сегодняшний день и, соответственно, требующими активного обсуждения в научной сфере для их успешного разрешения.

¹ *Майлис Н. П.* Регулирование судебно-экспертной деятельности в свете современного законодательства // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 7.

Перечень лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть применение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения

И. Б. Тутынин,

*доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
tutig@rambler.ru*

В статье приводятся аргументы необходимости расширить перечень лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть уголовно-процессуальную ответственность в виде денежного взыскания, приводится перечень таких лиц.

Уголовно-процессуальное право; процессуальное принуждение имущественного характера; денежное взыскание.

Из содержания Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) вытекает, что денежное взыскание как меру процессуального принуждения можно применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому (ч. 2 ст. 111), к присяжному заседателю (ч. 3 ст. 333), к поручителям (ст. 103) и присмотрщикам (ст. 105), а также к лицу (участнику), которое нарушило порядок в судебном заседании, не подчинилось распоряжениям председательствующего или судебного пристава (ч. 1 ст. 258).

Но вышеперечисленный перечень участников, к которым должно быть дозволено применение денежного взыскания в уголовном судопроизводстве, следует расширить. Наиболее остро стоит проблема о возможности применения рассматриваемой меры в отношении подозреваемого и обвиняемого. Закон этого не предусматривает, о чем неоднократно указывал Верховный Суд РФ¹, реагируя на решения нижестоящих судов². Аналогичное положение имеет

¹ Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2010 г. № 14-АД10-1, от 10 февраля 2010 г. № 49-АД10-1, от 10 декабря 2008 г. № 308П08; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2010 г. № 93-О09-24СП // СПС «КонсультантПлюс».

² Напр., постановлениями Магаданского областного суда от 30 июля 2009 г. и от 31 июля 2009 г. неявка подсудимого З. в судебное заседание признана неуважительной,

проблема наложения денежного взыскания на защитника. Например, суды применяют денежное взыскание в отношении адвоката, и это также не одобряется¹.

Но российские процессуалисты настаивают на необходимости налагать денежное взыскание на подозреваемого и обвиняемого. Среди причин такого нововведения приводится ситуация, когда избрание заключения под стражу невозможно, так как ряд составов преступлений не предусматривают санкцию в виде лишения свободы, а обвиняемый (подозреваемый) не выполняет требования обязательства о явке², обоснованно полагая, что ему в этом случае не грозит никакая процессуальная ответственность.

Кроме того, из-за переполненности СИЗО по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести суды пренебрегают заключением под стражу, предпочитая неоднократный привод³, так как иных мер воздействия применить не представляется возможным.

В законодательстве ряда стран специально предусмотрено применение денежного взыскания к не явившемуся обвиняемому, вызванному в судебное заседание, к которому не применялась мера пресечения в виде содержания под стражей, а также в случае невыполнения им возложенных на него обязанностей (ч. 1 ст. 323, ч. 1, 2 ст. 179 УПК Украины). Аналогичные нормы существуют в Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Эстонской Республике.

В юридической прессе имеются предложения о необходимости за нарушение обвиняемым, подозреваемым установленных в отношении него ограничений и (или) запретов при домашнем аресте предусмотреть в качестве процессуальной ответственности денежное взыскание, налагаемое в порядке, предусмотренном ст. 118 УПК РФ⁴.

3. был подвергнут денежному взысканию, оба раза по 2 500 рублей в доход федерального бюджета // Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации № 15-002-29 по делу Вахтерова // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3.

² Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004. С. 270.

³ Зайцева Е. А., Гринюк Е. Н. О процессуальных сроках и ответственности участников уголовного судопроизводства // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 10: в 3 т. Т. 3. М.: Юрист, 2010. С. 834–835.

⁴ Плоткина Ю.Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда, в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 205; Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроиз-

Результаты нашего анкетирования показали, что 82 % следователей и дознавателей, а также 50 % судей считают необходимым предусмотреть в УПК возможность применения денежного взыскания к подозреваемому (обвиняемому); лишь 3,8 % следователей и дознавателей против этого возражают и 14,2 % затруднились ответить¹.

Как представляется, применение процессуальных санкций за невыполнение процессуальных обязанностей подозреваемым, обвиняемым, а также защитником должны присутствовать в уголовно-процессуальном законодательстве. В противном случае наблюдается противоречие такому принципу уголовного судопроизводства, как состязательность сторон, в части того, что стороны обвинения и защиты должны быть равноправными перед судом (ч. 4 ст. 15). Нарушается общее условие судебного разбирательства «Равенство прав сторон» (ст. 244), так как отсутствует именно равенство в возможности процессуальной ответственности и ее адекватности совершенному правонарушению.

За такие очевидные процессуальные нарушения, как противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству путем затягивания сроков (неявка, медлительное выполнение процессуально значимых действий и т. п.), срыв следственного или судебного-следственного действия ненадлежащим поведением не существует действенных средств противодействия и ответственности. Предоставленная в ч. 2 ст. 258 УПК возможность за неподчинение защитника распоряжениям председательствующего отложить слушание уголовного дела, а также заменить данное лицо другим является скорее не ответственностью, а обеспечительно-профилактической мерой, с ограниченным, а потому в неполной степени действенным потенциалом принуждения.

Во-первых, замена адвоката не всегда возможна по правовым и организационным причинам. Во-вторых, адвокат-нарушитель непосредственно в судебном разбирательстве не несет неблагоприятных последствий имущественного и морального плана. В случае замены его интересы могут не пострадать и, даже более того, он

водстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 43; и др.

¹ Опрос 100 руководителей следственных органов, следователей, дознавателей и 40 судей проводился нами с 2003 по 2017 гг. в следующих субъектах Российской Федерации: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Белгородская, Брянская, Владимирская, Калининградская, Калужская, Московская, Мурманская, Смоленская, Тульская, Ульяновская и Ярославская области, Приморский и Ставропольский края, Республика Кабардино-Балкария.

может приобрести больше возможности участия по другим делам, повысив свое материальное положение, порой заработав «скандальный авторитет и популярность». В-третьих, предусмотренное право суда сообщить о правонарушении в адвокатскую палату является необязательным действием, причем не всегда с ожидаемыми результатами. В-четвертых, предусмотренное в ст. 53 УПК РФ право защитника использовать «иные» незапрещенные средства и способы защиты, безусловно, важное и необходимое правило, но позволяющее недобросовестным адвокатам чрезмерно широко его трактовать не столько в интересах подзащитного, сколько в своих личных интересах.

Подозреваемый, обвиняемый, защитник обладают значительным арсеналом обеспечения своих (представляемых) прав и интересов. В то же время юридическая свобода без ответственности – нонсенс. Свобода, отрицающая ответственность субъекта, антисоциальна и несправедлива так же, как антигуманна ответственность, отрицающая свободу выбора¹.

Увеличение списка лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть возможность применения денежного взыскания, на этом не должно останавливаться. В работах ряда авторов указывалась необходимость изменить закон, предусмотрев использование рассматриваемой меры принуждения к иным, ранее не указанным лицам².

Проведенный анализ законодательства показал, что сущность и цели денежного взыскания, указанные в ст. 117 УПК РФ, не используются в отношении значительного перечня лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, совершивших уголовно-процессуальные нарушения. В зависимости от наличия личного (представляемого) интереса и процессуального статуса предлагаем следующие группы:

I. Физические и юридические лица, не имеющие собственного интереса в уголовном деле, вовлекаемые в уголовное судопроизводство в связи с проведением процессуальных действий (принятием процессуальных решений): учреждения, предприятия, организации,

¹ Коврига Э. Ф. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1987. № 5. С. 62; Масленникова Л. Н. Мировоззренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал // Труды Академии управления МВД России. 2018. №1 (45). С. 41.

² Петрикин В. Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 8; Кузовенкова Ю. А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 16.

должностные лица и граждане, которые обязаны выполнить требования, поручения и запросы суда, судьи, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий (ч. 4 ст. 21), органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии – по истребованию справок, характеристик, иных документов защитником (п. 3 ч. 3 ст. 86), руководители банков и иных кредитных организаций, обязанные предоставить информацию о денежных средствах и иных ценностях, на которые налагается арест, а также при аресте денежных средств и иных ценностей, находящихся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях (ч. 7 ст. 115), органы по государственной регистрации недвижимости при аресте имущества в виде объектов недвижимости (ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»), средства массовой информации, обязанные сделать сообщение о реабилитации (ч. 3 ст. 136), лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144), заявитель (ч. 2 ст. 141), редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации, обязанные передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию (ч. 2 ст. 144), лица, приглашенные при следственном эксперименте для производства опытных действий (ст. 181), совершеннолетний член семьи либо администрация по месту работы или по поручению следователя иные лица и организации, которым поручено информировать о вызове на допрос (ч. 2 ст. 188), учреждение связи, на которое возлагается обязанность задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления (ч. 3 ст. 185), руководитель организации, осуществляющей услуги связи, при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 3,4 ст. 186.1), лица, предъявляемые для опознания (ч. 4 ст. 193), руководитель экспертного учреждения, которому направлены материалы уголовного дела для производства судебной экспертизы (ч. 1–3 ст. 199), кандидаты в присяжные заседатели (ч. 3, 4 ст. 328, ч. 1, 6 ст. 332), командование воинской части (ч. 3 ст. 104).

II. Физические и юридические лица, представляющие интересы иных лиц: защитник (ст. 49), законные представители несовершенно-

шеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 48), представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя или гражданского ответчика (ст. 45, 55), родственники обвиняемого, активно способствовавшие его неявке по вызовам к дознавателю, следователю, в суд; залогодатель, предоставивший недостоверные сведения об отсутствии ограничений на предмет залога.

III. Физические и юридические лица, имеющие собственный интерес в уголовном деле: подозреваемый, обвиняемый, лицо, подавшее жалобу на решение о выдаче (ч. 5 ст. 463), лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, лицо, не являющееся участником процесса, обжалующее действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда (ч. 1 ст. 123), лицо, с которого должны быть взысканы процессуальные издержки (ч. 6 ст. 132), в том числе законные представители несовершеннолетних (ч. 8 ст. 132), лицо, не принимавшее участия в деле, подавшее апелляционную или кассационную жалобу (ч. 2 ст. 389.6, ч. 2 ст. 401.4), не явившийся гражданский истец по делу, по которому суд признал его явку обязательной.

Признаки процессуального принуждения имущественного характера полностью применимы к денежному взысканию, применяемому к перечисленным выше лицам. Свойства процессуального принуждения имущественного характера, воплощенные в регламентации и практике применения анализируемого института, позволяют приблизиться к предназначению уголовного судопроизводства, реализовать потенциал, заложенный в мерах уголовно-процессуально-го принуждения.

О процессуальном статусе лица при проверке сообщения о преступлении

В. С. Удовиченко,

*старший преподаватель кафедры
(Барнаульский юридический институт МВД России)
viktorudovichenko@yandex.ru*

В статье рассмотрена необходимость реализации прав участников уголовного процесса на этапе проверки сообщения о преступлении. Автор предлагает наделять процессуальным статусом лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Права и обязанности, участник уголовного процесса, проверка сообщения о преступлении.

Процессуальный статус лицо приобретает либо с момента вынесения соответствующего процессуального решения (например, постановления о признании потерпевшим), либо с момента совершения юридического факта (задержания по основаниям и в порядке ст. 91–92 УПК РФ).

Однако при проверке сообщения о преступлении фактически лицо вовлечено в уголовный процесс, но юридически не обладает процессуальным статусом. Из данного тезиса вытекает достаточно много проблем, одна из которых (на наш взгляд, самая существенная) – это невозможность обеспечения прав, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом.

Данные опроса сотрудников следственных подразделения УМВД России по г. Барнаулу показывают, что большинство производили следственные действия в отношении лица с неопределенным процессуальным статусом в порядке ст. 144 УПК РФ, так, из 30 опрошенных 28 респондентов дали положительный ответ и пояснили, что такая ситуация встречается при наличии обоснованного подозрения в отношении лица.

О проблеме процессуального статуса, например, В. С. Шадрин пишет, что «ст. 46 действующего в настоящее время УПК полностью воспроизводит процессуальный статус подозреваемого предусмотренный ст. 52 УПК РСФСР в последней редакции»¹.

¹ Шадрин В. С. Проблемы развития понятия и уголовно-процессуального статуса подозреваемого // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 18. С. 78–80.

Из этого следует, что, по всей видимости, ст. 46 и ст. 144 УПК РФ должны были выглядеть несколько иным образом. Однако законодатель данный факт во внимание не принял.

В сфере науки уголовного процесса нет единого подхода к этапу проверки сообщения о преступлении, поэтому он называется по-разному, однако все стараются придерживаться общего понятия – «стадия возбуждения уголовного дела». В обобщенном виде ее представили А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, отметив, что «стадия возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе может быть определена как предназначенная для установления в деянии признаков преступления или обстоятельств, исключающих производство по делу, уголовно-процессуальная деятельность специально уполномоченных субъектов по приему, регистрации и проверке информации о преступлениях, завершающаяся решением о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом»¹.

Вместе с тем, полагаем, что точнее говорить об этапе проверки сообщения о преступлении как о самостоятельной стадии, нежели как о части возбуждения уголовного дела, поскольку, во-первых, исходя из названия, стадия возбуждения уголовного дела на современном этапе заключается в вынесении лишь постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении такового. Во-вторых, содержательная часть этапа проверки сообщения о преступлении можно характеризовать через признаки самостоятельной стадии уголовного процесса: протяженность во времени; самостоятельная цель и задачи; собственные средства достижения цели; субъекты. Таким образом, все вышеперечисленное позволяет говорить о этапе проверки сообщения о преступлении как о самостоятельной стадии уголовного судопроизводства.

Следовательно, если судить о проверке сообщения о преступлении как о самостоятельной стадии, то логичен вопрос: почему не представляется возможным в полной мере обеспечивать процессуальные права участников данной стадии?

Вместе с тем говорить и об отмене или бессмысленности этапа возбуждения уголовного дела преждевременно. В этой связи интересна позиция С. А. Грачева и В. Ю. Миллера, которые пишут, что «предлагается ликвидировать институт возбуждения уголовного дела, чтобы решение о начале предварительного расследования автоматически вытекало из факта регистрации сообщения о преступлении в Едином реестре по уголовным делам (ЕРПУД). При

¹ Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 316 с.

этом предлагается регистрировать сообщения в течение 24 часов в ЕРПУД, после чего проводить их расследование в полном объеме»¹. При всем видимом эффекте данного предложения следует констатировать, что общество и органы предварительного расследования еще не готовы к настолько кардинальным переменам. Кроме того, сомнения вызывает тот факт, что должностному лицу удастся проверить качественно сообщения о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение 24 часов по целому ряду отдельных преступлений.

Несомненно, можно говорить и об особой важности предварительной проверки сообщения о преступлении, потому что законность и обоснованность деятельности следователя (дознавателя) именно на данном этапе определяет законность и обоснованность всего последующего процесса.

По официальным данным Генеральной Прокуратуры России, за январь – декабрь 2017 г. было выявлено нарушений законов при приеме регистрации и проверке сообщений о преступлениях 3 773 667, отменено решений об отказе в возбуждении уголовного дела по 2 381 432 материалам проверки сообщений о преступлениях². Из статистических данных следует, что при допускаемых нарушениях в 62,77 % при проверке это ведет к отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Приведенные статистические данные говорят о том, что при любой проверке сообщения о преступлении проводится комплекс действий, в том числе и следственных, при которых у должностных лиц потенциально имеется возможность нарушения прав участников проверки сообщения о преступлении.

Интересным представляется сравнение ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ, согласно которой у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, перечень прав из трех пунктов, тогда как ч. 4 ст. 46 УПК РФ состоит из 12 пунктов. Такая ситуация в нормах является подтверждением искусственного дисбаланса в правовом статусе лица.

Анализируя подобную ситуацию с неясностью правового положения на этапе проверки сообщения о преступлении, связанную с задержанием лица, А. В. Красильников отмечает: «Представляется, что именно двойственная природа задержания и неопределен-

¹ Грачев С. А., Миллер В. Ю. К вопросу о форме начала производства по уголовному делу // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 78–81.

² Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1305170/>.

ность правового статуса участников возникающих в связи с ним правоотношений порождает многочисленные нарушения законности, прав, свобод и законных интересов граждан»¹.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, считаем необходимым при обеспечении прав участников на данном этапе не ограничиваться правами, регламентированными в ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ, а наделять лиц правами, соответствующими их процессуальному статусу, исходя из сущности их участия в рамках данной стадии. О правовой позиции Верховного Суда указано, что «правом на защиту обладает лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый... независимо от формального процессуального статуса такого лица»². Таким образом, обеспечение прав лиц, участвующих в уголовном процессе, должно осуществляться даже тогда, когда нет соответствующего процессуального решения должностного лица. К сожалению, не все следователи (дознаватели) применяют разъяснение Пленума Верховного Суда на практике.

Кроме того, в соответствии с п. 58 ч. 1 ст. 5 УПК РФ «участники уголовного судопроизводства – это лица, принимающие участие в уголовном процессе». Поэтому, если речь уже идет об уголовном процессе (а отправная точка – с момента поступления сообщения о преступлении), то в соответствии с УПК РФ лица, в нем участвующие, уже должны наделяться процессуальным статусом.

Исходя из этого, ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ необходимо признать утратившей силу, а ч. 1 ст. 144 УПК РФ дополнить формулировкой: «Лица, участвующие в производстве при проверке сообщения о преступлении, должны наделяться процессуальным статусом, предусмотренным настоящим кодексом, в зависимости от фактического положения».

Таким образом, не говоря об отмене стадии возбуждения уголовного дела, следует согласиться с позицией А.С. Александрова, который отмечает, что «необходима системная, структурная реформа нашего уголовно-процессуального закона, в целях изменения

¹ Красильников А. В. К вопросу о содержании стадии возбуждения уголовного дела // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33) С. 56.

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 3.

и совершенствования досудебного производства, в частности – стадии возбуждения уголовного дела»¹.

Отдельно стоит подойти к институту реабилитации лиц, которые на этапе проверки сообщения о преступлении будут фактически наделены процессуальным статусом. При этом при каждом решении об отказе в возбуждении уголовного дела такой «подозреваемый» будет иметь право на реабилитацию. На практике это означает, вал поданных требований о реабилитации от лиц, в отношении которых проводилась проверка.

Для разрешения такой ситуации необходимо текст п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ после слов: «подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части 1 ст. 24 и пунктами 1 и 4-6 части 1 ст. 27 УПК РФ» дополнить фразой «после возбуждения уголовного дела». Таким образом, будет ограничен вал заявлений, связанных с реабилитацией в случае отказа в возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что проблемой регламентации прав лица, в отношении которого проводится проверка, стадия возбуждения уголовного дела не ограничивается, не урегулированным остается вопрос о процессуальном статусе заявителя и адвоката, оказывающего услуги лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении².

Подводя итог сказанному, необходимо проверку сообщения о преступлении признавать, самостоятельной стадией досудебного производства, поскольку она содержит признаки, свойственные любой другой стадии уголовного процесса. Признавать за участниками проверки сообщения о преступлении весь необходимый объем прав и обязанностей.

¹ Александров А. С. Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2014. № 1 (25). С. 78–82.

² Удовиченко В. С. К вопросу о процессуальном положении защитника на этапе проверки сообщения о преступлении // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 99–100.

Дифференциация прав и свобод личности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших преступление в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности

А. М. Фетищева,

доцент кафедры

уголовного процесса и криминалистики,

кандидат юридических наук

(ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»)

lidiafetisheva@mail.ru

В данной статье сделан акцент на ключевых элементах правового механизма, регулирующего применение мер пресечения в виде заключения под стражу, по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. На наш взгляд, основное внимание надо уделить субъектам, участвующим в данной процедуре, а именно рассмотрим дифференциацию прав и свобод личности при избрании данной меры пресечения как простых граждан, так и в отношении предпринимателей. Рассмотрены и анализируются практические примеры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности. Делается вывод, что при данной дифференциации по указанной мере пресечения нарушены конституционные права и свободы личности.

Меры пресечения, уголовный процесс, заключение под стражу, преступления в сфере предпринимательской деятельности.

С момента введения уголовно-процессуального кодекса России¹ (далее – УПК РФ) законодатель не дифференцировал права и свободы личности при избрании меры пресечения относительно к совершенным преступлениям и сфере деятельности, при которой было совершено преступления. И на протяжении своего развития в УПК РФ была проведена дифференциация предпринимателей как отдельных участников уголовно-процессуальных правоотношений. Поэтому внесение многочисленных поправок в уголовное

¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Рос. газ. 2001. № 249. 22 декабря.

и уголовно-процессуальное законодательство вызывает множество споров и вопросов о необходимости и правильности принятия этих изменений и дополнений в законодательство.

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41¹ (далее – ППВС РФ) судам даны разъяснения в отношении лиц, которые совершили преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Указано, что при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 159–159.6 и 165 УК РФ, суд должен в каждом таком случае выяснять, в какой сфере деятельности совершены данные преступления. Для решения вопроса о том, относится ли деятельность подозреваемого (обвиняемого) к предпринимательской деятельности, необходимо руководствоваться положениями ч. 1 ст. 2 ГК РФ². Принимая во внимание положения п. 8 этого постановления, к таким лицам относятся индивидуальные предприниматели и члены органов управления коммерческой организации³.

Помимо этого ППВС РФ в своем постановлении дает указание, что если преступление совершено в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, то в отношении таких лиц избирать меру пресечения в виде заключения под стражу нельзя. В связи с чем ст. 108 УПК РФ по отношению к предпринимателям становится специальной. В данном случае прослеживается нарушение ст. 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство всех перед законом и судом. Связано это, по всей видимости, с тем, что:

1) экономические преступления не имеют такой опасности для общества, как ряд уголовных;

2) во время пребывания лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, в СИЗО его бизнесу может быть нанесен серьезный урон.

На сайте ВС РФ опубликовано внепроцессуальное обращение по уголовному делу. Бизнес-омбудсмен Б. Титов просит обратить внимание на незаконное заключение под стражу очередного пред-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2013. № 294.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.09.2018) // Рос. газ. 1994. № 238–239. 8 декабря.

³ Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 123.

принимателя¹. Внепроцессуальное обращение в связи с уголовным делом от российских депутатов, омбудсменов, иных политиков и общественных деятелей различных рангов – обычное явление для российского уголовного права. Однако с этим случаем стоит ознакомиться и практикующим юристам, и самим предпринимателям – суды нашли, как формально обходить запрет на заключение предпринимателей под стражу.

Уже более 7 лет, с апреля 2010 г., согласно ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключать предпринимателей под стражу допускается, только если прямо установлены перечисленные в законе квалифицирующие обстоятельства (лицо не имеет постоянного места жительства, личность не установлена, нарушена мера пресечения, лицо скрылось от следствия или суда). Однако правоприменительная практика эти изменения не восприняла как в досудебном производстве, так и в судебном, заключение предпринимателей под стражу остается, скорее, правилом, чем исключением.

В конце 2016 г. на ситуацию наконец-то обратил внимание Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ), который в п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48² еще раз процитировал судам ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и разъяснил, что данную норму следует понимать именно как запрет, причем прямой и безусловный, на заключение под стражу предпринимателей. Кроме того, Пленум подчеркнул, что даже формальное наличие перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ квалифицирующих признаков не влечет автоматического заключения под стражу – «не освобождает суд от обязанности... в каждом случае обсуждать возможность применения иной более мягкой меры пресечения».

Спустя полгода после появления официальной позиции ВС РФ ситуация с заключением предпринимателей под стражу принципиально не изменилась. Так, бизнес-омбудсмен Б. Титов уже направлял обращение Председателю Верховного Суда РФ В. Лебедеву с просьбой вновь обратить внимание на ситуацию с игнорированием нижестоящими судами как прямого указания уголовно-процессуального закона, так и прямых разъяснений ВС РФ.

Суды в итоге нашли формально законный способ не отказываться от сложившейся за десятилетие практики. Например, как

¹ *Цуренков М.* Суд назвал основания для заключения под стражу // ЭЖ-Юрист. 2017. № 25. С. 2.

² О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 // Рос. газ. 2016. № 266. 24 ноября.

следует из общедоступных судебных актов, гражданина А. Карташова признали организатором преступления в виде незаконного получения кредита и приговорили к четырем годам колонии-поселения (один из мягких видов лишения свободы, который допускает возможность трудоустройства и ограниченного самостоятельного передвижения)¹. По жалобе адвоката гражданина Карташова Президиум Тульского областного суда (далее – Президиум), не ставя под сомнение вину А. Карташова, приговор отменил по формальным причинам и возвратил дело прокурору для устранения нарушений. Самого же А. Карташова заключил под стражу (в камеру следственного изолятора). В качестве основания применения меры пресечения суд указал:

«...в целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, надлежащего проведения в разумные сроки необходимых процессуальных действий» (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ);

«...находясь на свободе до принятия органами предварительного расследования решения по делу, Карташов А. В. может скрыться от следствия и таким образом воспрепятствовать производству по делу» (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Для заключения под стражу требуется наличие общих (для любых мер пресечения) и специальных оснований. Общее условие было проверено: предъявленное А. Карташову обвинение по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 179 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Специальное условие применения меры пресечения в виде заключения под стражу применительно к «предпринимательской статье» – ст. 179 УК РФ суд также посчитал установленным: имело место нарушение ранее избранной меры пресечения (подписки о невыезде и надлежащем поведении) в виде неявки по вызовам следователя и, как результат, затягивание этапа ознакомления с материалами уголовного дела. Невозможность применить более мягкую меру суд обосновал совокупностью вышеперечисленных обстоятельств. При этом последующее прилежное поведение, благодарности, положительные характеристики и наличие малолетнего ребенка не убедили суд в отсутствии опасности А. Карташова для общества.

Позиция суда не бесспорна по многим основаниям. Из текста постановления от 11.04.2017 Президиума Тульского област-

¹ *Цуренков М.* Суд назвал основания для заключения под стражу // ЭЖ-Юрист. 2017. № 25. С. 2.

ного суда по делу 4У-276/2017¹ следует, что суд ошибочно приравнял физическую (прим. авт.) «возможность скрыться», которая в той или иной мере есть у каждого, к предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ «достаточному основанию полагать, что лицо скроется». Наоборот, в постановлении Президиума сказано, что «Карташов А. В. прилежно отбывает назначенное ему наказание». Поэтому предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ общее основание для применения меры пресечения фактически отсутствует.

Выводы Президиума Тульского областного суда в этой части явно неубедительные, они противоречат предыдущим позициям всех судов и обстоятельствам дела. Этой проблемы не было бы, если бы Президиум дал в тексте четкое обоснование невозможности применения более мягкой меры пресечения.

Подводя итоги всего вышесказанного, следует сказать, что либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего ответственность за преступления, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, закономерно породила дифференциацию прав и свобод простых граждан и предпринимателей. В связи с этим появилась необходимость изменения норм уголовно-процессуального закона, регулирующих применение мер пресечения. Нетрудно понять, почему наибольшим изменениям подверглись такая мера пресечения, как заключение под стражу. Применение данной меры пресечения всегда связано с ограничениями конституционных прав, а именно лишением свободы, которым подвергаются лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Данные ограничения служат соблюдению назначения уголовного судопроизводства, которое провозглашено в п. 1 ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Так как применение указанных мер пресечения лишает лица, к которому они применены, наиболее существенных личных и имущественных прав, их избрание допускается только на основании судебного решения.

Представители предпринимательского сообщества обладают большими интеллектуальными и материальными ресурсами, которые могут быть использованы и в противоправных целях – для противодействия расследованию. Поэтому в случае совершения такого рода лицами тяжких или особо тяжких преступлений в сфере предпринимательской деятельности, причинивших имущественный

¹ Постановление Президиума Тульского областного суда от 11.04.2017 № 44у-31/2017 // www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2018).

и (или) иной вред значительному числу потерпевших – физических лиц – потребителей товаров и услуг бизнеса, не должно быть никаких ограничений для взятия их под стражу в качестве первичной меры пресечения – при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 97, 99 УПК РФ, поскольку, в противном случае, нарушается один из важнейших конституционных принципов – равенство всех перед законом и судом. Запрет можно сохранить лишь для случаев, если потерпевший сам является предпринимателем. Кроме того, заключению под стражу подлежат обвиняемые, которые пытались скрыть имущество, полученное преступным путем, не возмещают причиненный вред или иным путем воспрепятствуют уголовному преследованию.

**Уголовно-процессуальные особенности
производства обыска в отношении адвоката:
краткий анализ некоторых изменений и дополнений,
внесенных в нормы УПК РФ Федеральным законом
от 17.04.2017 № 73-ФЗ**

Н. Г. Шурухнов

*главный научный сотрудник НИЛ-3,
доктор юридических наук, профессор
(ФКУ НИИ ФСИН России);
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России)
matros49@mail.ru*

Н. Е. Мерецкий,

*профессор кафедры,
доктор юридических наук, профессор
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

В статье рассматриваются особенности отдельных уголовно-процессуальных процедур производства обыска в отношении адвоката.

УПК РФ; Конституционный Суд РФ; законодатель; федеральный закон; адвокат; обыск; следователь; постановление; решение суда; адвокатская тайна; доверитель; жилое, служебное помещение.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был принят более 17 лет назад. За это время около 200 федеральных законов внесли в него изменения и дополнения. Причин тому множество. Значительное количество было обусловлено необходимостью корректировки отдельных норм в целях их практической реализации, приведения положений УПК РФ в соответствие с Конституцией Российской Федерации, международно-правовыми актами, устранения законодательных коллизий.

Следует специально подчеркнуть, что конкретные, целенаправленные инициативы исходили от Конституционного Суда Российской Федерации. Практика его работы предусматривает систематизацию принятых решений в двух перечнях: первый сосредотачивает решения о признании норм не соответствующими Конституции Российской Федерации, а также о признании норм соответствующи-

щими Конституции Российской Федерации в выявленном конституционно-правовом смысле с указанием на необходимость внесения надлежащих изменений в правовое регулирование¹; второй перечень² включает решения Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции по оптимизации действующего регулирования, в том числе посредством устранения его неопределенности и несогласованности. В данном случае можно вести речь о федеральных законах, которые, в силу различных причин, по-разному регулируют одни и те же вопросы.

Применительно к предмету, составляющему краткое исследование данной статьи и обозначенному в заглавии, можно говорить о ст. 182 УПК РФ и п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³. Первый не делал никаких исключений для производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования. Второй – принятый после УПК РФ – установил специальную процедуру – производство оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката только на основании судебного решения. Пункт 3 ст. 8 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ сформулирован следующим образом: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения».

Рассматривая жалобы граждан, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывал свою позицию, суть которой сводится к следующему: приоритет норм УПК РФ не может иметь место в тех случаях, когда «в иных законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные, в том числе, их особым правовым статусом». Акцентировал внимание на том, что разрешение коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавлива-

¹ Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2016 году // Интернет-ресурс.

² Эти перечни дважды в год направляются в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство РФ, Минюст России.

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

ет более широкие их гарантии. При этом делалась ссылка на ст. 7 УПК РФ, которая по своему конституционно-правовому смыслу не исключает применение в ходе производства процессуальных действий норм иных – помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – законов, если этими нормами закрепляются гарантии прав и свобод участников соответствующих процессуальных действий.

Применительно к рассматриваемой ситуации Конституционный Суд Российской Федерации предельно конкретизировал свою позицию. В его формулировке было сказано о том, что положения ст.ст. 7, 29 и 182 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации, и в системном единстве с положениями п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения¹.

В определенной степени по причине существовавшей позиции Конституционного Суда РФ 17 апреля 2017 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Этим законом, пунктом 5.2, была дополнена ч. 2 ст. 29. Теперь общее содержание ч. 2 и п. 5.2 звучит следующим образом: «Только суд, в т. ч. в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со статьей 450.1 настоящего Кодекса». Следует сказать, что дополнения, сделанные в УПК РФ, исключили возможность проведения обыска на основании постановления следователя в исключительных случаях, когда это не терпит отлагательства.

УПК РФ был дополнен объемной ст. 450.1, включающей три части. Она называется «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката».

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баяна, М.С. Дзюбы и других» // СПС «КонсультантПлюс».

Анализ данной статьи позволяет сделать вывод о том, что законодатель не стал заимствовать формулировки, предложенные судьями Конституционного Суда РФ, а отдал предпочтение редакции Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокату в Российской Федерации». По нашему мнению, она получилась менее удачной, не в полной мере конкретной, как представляется, будет порождать споры при определении границ толкования словосочетания «в отношении адвоката», разграничении обыска, осмотра, выемки и, как следствие, судебные споры.

Законодатель употребил словосочетание «в отношении адвоката» как основное (но не конкретизированное) и сделал дополнение, указав, что это может быть «в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности». Таким образом, получился широкий круг не конкретизированных и конкретизированных объектов. К которым можно отнести жилой дом и его часть, квартиру и ее часть, комнату как жилые помещения (ст. 16 ЖК РФ). Различные офисные помещения, специально построенные здания и сооружения, арендованные части зданий (жилых и нежилых), отдельные комнаты, специально приспособленные для работы адвоката, деятельности адвокатского образования, выступающие служебными помещениями¹.

Вызывает сложность определения не конкретизированных объектов, на которых (в которых) возникнет надобность произвести обыск в отношении адвоката (место его нахождения). Полагаем, что таковыми могут быть транспортное средство, принадлежащее адвокату, купе поезда, каюта теплохода, в которых адвокат перемещается к месту производства следственных действий, проведения судебного производства, исполнения приговора, номер в гостинице, квартира для временного проживания адвоката на период оказания им квалифицированной юридической помощи подозреваемым, обвиняемым в другом регионе.

Процессуальные и организационные проблемы могут возникнуть при реализации требования присутствия, обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производится указанное следственное действие, или иного представителя, уполномоченного

¹ «Под помещением... понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях». Примечание 3 к ст. 158 УК РФ.

президентом этой адвокатской палаты (ч.1 ст. 450.1 УПК РФ). Это может быть связано с множеством различных ситуаций. К примеру, как поступить субъекту расследования, когда адвокат является членом адвокатской палаты одного субъекта Российской Федерации, а следственное действие в отношении него должно проводиться на территории другого региона?

Исходя из законодательных установлений, обыск заключается в принудительном обследовании помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств, отдельных людей и иных объектов. При условии, что имеются достаточные данные полагать, что в обозначенных местах могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для расследования преступления, а также обнаружения разыскиваемых лиц и трупов (ч.1, 16 ст. 182 УПК РФ).

При производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. Принудительность обыска, в силу своих специфических целей, обеспечивается возможностью применения государственного принуждения, поэтому он (в зависимости от следственных ситуаций) производится, как мы уже отмечали, на основании мотивированного постановления или судебного решения¹.

Употребляя словосочетание «наличие достаточных данных», законодатель имеет в виду доказательства. «Доказательства по уголовному делу для того, чтобы стать достаточным основанием для производства обыска, не обязательно должны прямо свидетельствовать о наличии в помещении, на местности или в другом месте объектов, имеющих значение для дела. Однако анализ таких доказательств должен позволять сделать вероятностный вывод о такой возможности»².

Проводя традиционный обыск, по общему правилу, в постановлении, решении указываются место проведения обыска, групповая принадлежность искомых объектов, без перечисления идентификационных признаков (перед проведением следственного действия это сложно сделать, требуется экспертное исследование).

Юридическим основанием производства обыска является постановление следователя, а его осуществления в жилище – судебное решение. В этих документах и даются относительно конкре-

¹ См.: *Росинский С.Б.* Следственные действия. М.: НОРМА, 2018. С. 199–218.

² *Победкин А. В., Яшин В.Н.* Следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 91.

тизированные признаки искомых объектов. Например, предметы и приспособления для вскрытия дверей, документы, составляющие переписку с гражданами В. и Г.

Иное требование предъявляется к содержанию ходатайства следователя и судебного решения в случаях проведения обыска, направленного на доступ к материалам адвокатского производства¹ (в отношении адвоката). В ходатайстве следователя о производстве данного следственного действия и соответствующем решении суда предметы, документы, электронные носители информации (отыскиваемые объекты) должны быть конкретизированы, с указанием индивидуальных признаков. Это обусловлено конфиденциальными отношениями адвоката и его доверителя, которые охраняются законом, в силу чего другие объекты не должны затрагиваться. Ведь законодатель закрепил большой (не определенный) объем данных, являющихся адвокатской тайной. Это «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю» (ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ). По этой причине «адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием» (п. 2 ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ).

Поэтому в решении суда о производстве обыска должно быть указано, что он проводится для обнаружения только тех предметов, документов, которые свидетельствуют о противоправных отношениях адвоката и подозреваемого (обвиняемого) или совершении преступления третьими лицами. А также орудий и предметов преступления, либо запрещенных к обращению или оборот которых ограничен на основании закона. Изъятие иных объектов не допускается.

В ходе обыска в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей, а также фотографирование, киносъемка², видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства.

На выполнение приведенных требований ориентирует п. 2, которым Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ дополнил ч. 2

¹ «Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию» (ст.1 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ).

² Законодательство следует отказаться от этого средства фиксации, так как оно не реализуется на практике.

ст. 75 УПК РФ. В нем сказано, что к недопустимым доказательствам относятся «предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-розыскных или следственных действий, за исключением предметов и документов, указанных в части 1 статьи 81 настоящего Кодекса»¹.

Таким образом, субъект расследования не вправе интересоваться тем, что находится в досье адвоката, какие предметы, документы и другие сведения собраны им, так как все эти сведения в соответствии с приведенной нормой будут признаны судом недопустимыми доказательствами.

¹ Пункт 3 ст. 8 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» сформулирован следующим образом: «Полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей. Указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Соблюдение конституционных прав граждан при применении меры пресечения в виде заключения под стражу

А. В. Янкавцева,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
e-mail: a.v.yan2017@yandex.ru*

В статье раскрываются основные конституционные права граждан при применении самой строгой меры пресечения – заключение под стражу.

Заключение под стражу, мера пресечения, соблюдение конституционных прав, подозреваемый, обвиняемый.

Конституционные права и свободы – это наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы и получающие высшую юридическую защиту¹. В Российской Федерации высшим нормативно-правовым актом является Конституция РФ. Именно Конституция РФ гарантирует каждому человеку и гражданину право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и жилища, свободу совести и передвижения, свободу мысли и слова, свободу собраний и объединений, право на труд и результаты своего труда, частную собственность и т. д. В основе всех прав – достоинство личности, охраняемое государством. При этом ничто не может быть основанием для его умаления. Единственным ограничением осуществления прав и свобод является требование не нарушать права и свободы других лиц. Статья 21 Конституции гласит: «Никто не должен быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

В нормах международного права также закреплены главенствующие права и свободы человека и гражданина, их основания и пределы ограничения. В частности, ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (от 04.11.1950) закрепляет права на свободу

¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 8-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2009. С. 188.

и личную неприкосновенность каждого человека и детально регламентирует, при каких условиях возможно их ограничение. Прописанные в данной Конвенции основополагающие правила стали общепризнанными в странах – членах Совета Европы.

Конституция РФ предусматривает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Содержание под стражей связано с ограничением конституционных прав и свобод личности. Мера пресечения в виде заключения под стражу ограничивает на определенное время приоритетные права и свободы подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, находящегося в условиях строгой изоляции в специальных учреждениях. В связи с этим применение столь строгой меры пресечения требует неукоснительное соблюдение положений уголовно-процессуального закона с учетом индивидуального подхода в каждом конкретном случае ее избрания.

Именно поэтому в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» отдельный акцент сделан на то, что при решении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам, исходя из презумпции невиновности, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и правом на свободу личности. С учетом этого меры пресечения, ограничивающие свободу, – заключение под стражу и домашний арест – применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно.

Важным условием применения к обвиняемому или тем более к подозреваемому меры уголовно-процессуального принуждения в виде заключения под стражу является обоснованность применения такой меры.

Динамика числа подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, имеет изменчивую направленность, но общее количество заключенных остается весьма высоким¹ и, несомненно, избыточное при-

¹ *Караваев И. В., Новицкий С. С.* Правовое положение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей: учеб. пособие. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. С. 4.

менение меры пресечения в виде заключения под стражу, приводит к длительному ограничению прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, в отношении которых она применяется.

Можно выделить следующие конституционные права граждан, соблюдение которых необходимо при применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Право на юридическую помощь. Конституция РФ закрепляет право каждого на квалифицированную юридическую помощь, и в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Это право является основным принципом правосудия по уголовным делам (ст. 16 УПК РФ). В ч. 2 ст. 48 Конституции РФ закреплены гарантии права пользоваться помощью адвоката задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому с момента, соответственно, задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Однако на практике определение этого момента часто связано с требованиями формального характера, которые не всегда совпадают с реальной ситуацией, когда подозреваемому, обвиняемому могут потребоваться юридическая помощь и защита адвоката¹.

Право на рассмотрение дела согласно его подсудности. Это право закреплено в ст. 108 ч. 4 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд».

Право на равенство всех перед законом и судом. В Конституции зафиксировано право равенство прав, свобод и обязанностей для каждого гражданина РФ. Принцип равенства всех перед законом и судом предполагает недопустимость установления в законе каких-либо различий, исключений и предпочтений, основанных на признаках расы, пола, религии, национальной принадлежности, политических убеждений, социального происхождения и ведущего к ликвидации или нарушению равенства правовых возможностей человека и гражданина в различных сферах его жизни².

¹ Смирнов В.Н. Конституционные гарантии прав личности применительно к мере пресечения в виде заключения под стражу // Законы России. С. 100.

² Смирнов В.Н. Конституционные гарантии прав личности применительно к мере пресечения в виде заключения под стражу // Законы России. С. 101.

Право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников.

Презумпция невиновности. Статья 49 Конституции РФ закрепляет, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Право на свободу является одним из наиболее значимых социальных благ. Для реализации этого права в Российской Федерации установлены жесткие требования к самой процедуре принятия решения о применении в отношении лица такой меры пресечения или наказания, как лишение человека свободы.

Право на обжалование судебных решений.

Соблюдение перечисленных конституционных прав граждан – это целенаправленная политика государства, проводимая в соответствии с международными обязательствами, которые Российская Федерация в добровольном порядке приняла на себя, поэтому защита прав человека является одной из основных задач органов, осуществляющих охрану указанных прав.

Административно-правовые средства органов внутренних дел по противодействию терроризму

В. А. Авдеев,
реvisor
(КРУ МВД России)
antiloop06@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы противодействию терроризму при помощи административно-правовых средств органов внутренних дел России.

Терроризм, административно-правовые средства, органы внутренних дел, Конституция РФ.

В качестве административно-правовых средств противодействия терроризму в Российской Федерации возможно рассматривать только те средства, которые закреплены в нормативно-правовых актах, входящих в российскую правовую систему. А это означает, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, что такие средства могут быть закреплены как в нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью российской правовой системы, так и национальных нормативных актах.

В настоящее время имеется ряд конвенций и протоколов к ним по борьбе с различными проявлениями терроризма, принятых в рамках ООН. Целый ряд соглашений в сфере противодействия терроризма, участницей которых является Россия, принято и на региональном уровне.

Безусловный приоритет в закреплении административно-правовых средств противодействия терроризму на национальном уровне принадлежит Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» как основополагающему нормативно-правовому акту в сфере противодействия терроризму.

Исходя из анализа ст. 1 названного Закона, вопросы противодействия терроризму, в т. ч. касающиеся закрепления административно-правовых средств, могут регулироваться и подзаконными нормативными правовыми актами, но только федерального уровня. Возможность правового регулирования в сфере противодействия терроризму только на федеральном уровне неоднократно подверга-

лась критике со стороны специалистов в силу того, что полномочиями по противодействию терроризму наделены и органы государственной власти субъектов РФ, и органы местного самоуправления. В ряде регионов разработаны и действуют законы субъектов РФ, реализация которых обеспечивается принятием нормативно-правовых актов регионального уровня исполнительными органами субъектов РФ. Подобные акты принимаются и органами местного самоуправления.

Административная правосубъектность участников управленческих административно-правовых отношений, по мнению Н. М. Кониной, реализуется в определенных организационно-правовых формах и различными методами, что составляет содержательную характеристику процесса реализации компетенции различных субъектов исполнительной власти.

Исследовав понятие «административно-правовые средства» и опираясь на действующее антитеррористическое законодательство, полагаем, что административно-правовые средства противодействия терроризму – это закрепленные в нормативно-правовых актах, составляющих правовую основу противодействия терроризму, формы и методы реализации специально уполномоченными органами своей компетенции в целях предупреждения (профилактики), борьбы и минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Противодействие сотрудников ОВД терроризму определяется общегосударственной системой противодействия, прописанной в «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» от 5 октября 2009 г. Данная система состоит из субъектов противодействия, в число которых входят ОВД, и определяющих их деятельность нормативно-правовых актов.

Согласно этим актам субъектам следует:

- выяснять и устранять все возможные условия и причины, которые могут спровоцировать совершение терактов;
- помогать пресекать террористические акты, раскрывать и расследовать их;
- свести к минимуму и устранить последствия террористической деятельности.

Специфика же деятельности сотрудников ОВД связана с непосредственным пресечением и предупреждением террористических актов, а также защитой прав и свобод человека и гражданина в РФ. Так, по ч. 16 ст. 12 «Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации», утвержденного Указом Президента от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении положения о МВД Россий-

ской Федерации и Типового положения о территориальном органе МВД по субъекту Российской Федерации», сотрудники ОВД должны принимать соответствующие федеральному закону меры по выявлению, предупреждению и пресечению террористической и экстремистской деятельности.

Также сотрудникам следует поддерживать правовой режим контртеррористической операции, защищать объекты, на которые могут посягнуть террористы, контролировать места массового пребывания граждан, следить за безопасностью и антитеррористической защищенностью объектов системы МВД России.

Первостепенной же задачей антитеррористической деятельности сотрудников ОВД является профилактика терроризма – работа, связанная с выявлением и устранением причин и условий, ведущих к террористической деятельности. Принято различать следующие пути антитеррористических профилактических действий:

- 1) системно противодействовать террористической и экстремистской идеологии;
- 2) улучшать способность интересующих террористов объектов противостоять посягательствам;
- 3) усиленно контролировать соблюдение административных, правовых и других режимов.

Необходимость профилактики терроризма ставит перед сотрудниками ОВД задачи: спланировать и провести действенные антитеррористические и антиэкстремистские мероприятия на обслуживаемой территории, позволяющие предупредить или устранить потенциальные причины совершения терактов; выявлять лиц, которые склонны к экстремизму или пытаются возбудить национальную и другую вражду, и вести с ними определенную профилактическую работу; пресекать деятельность экстремистских организаций, проповедующих радикальный ислам; устанавливать и разыскивать лиц, намеревающихся осуществить теракт; прогнозировать потенциальную террористическую угрозу, выявлять ее возможные истоки, информировать об этом в соответствующие органы; пресекать каналы финансирования террористических и экстремистских организаций.

Профилактику антиобщественных явлений, которые в дальнейшем могут перерасти в экстремистскую/террористическую деятельность, необходимо проводить в тесном взаимодействии всех подразделений полиции с другими субъектами, противодействующими терроризму и экстремизму.

Нужно отметить, что в научных статьях последних лет уделяется большое внимание вопросам взаимодействия различ-

ных ведомств органов внутренних дел России, международного сотрудничества. Например, указывается, что для эффективности антитеррористической деятельности необходимо активное межведомственное и международное сотрудничество. В первую очередь это касается информационного обеспечения. Необходима и согласованность по направлению и исполнению запросов об оказании правовой помощи. Важно и совместное проведение следствия, оперативно-розыскных мероприятий, уголовного преследования. Должна быть согласованность по экстрадиции лиц, совершивших теракт. В связи с активным распространением террористической и экстремистской идеологии в сети Интернет особое внимание должно быть уделено подготовке специалистов по борьбе с кибертерроризмом и киберэкстремизмом.